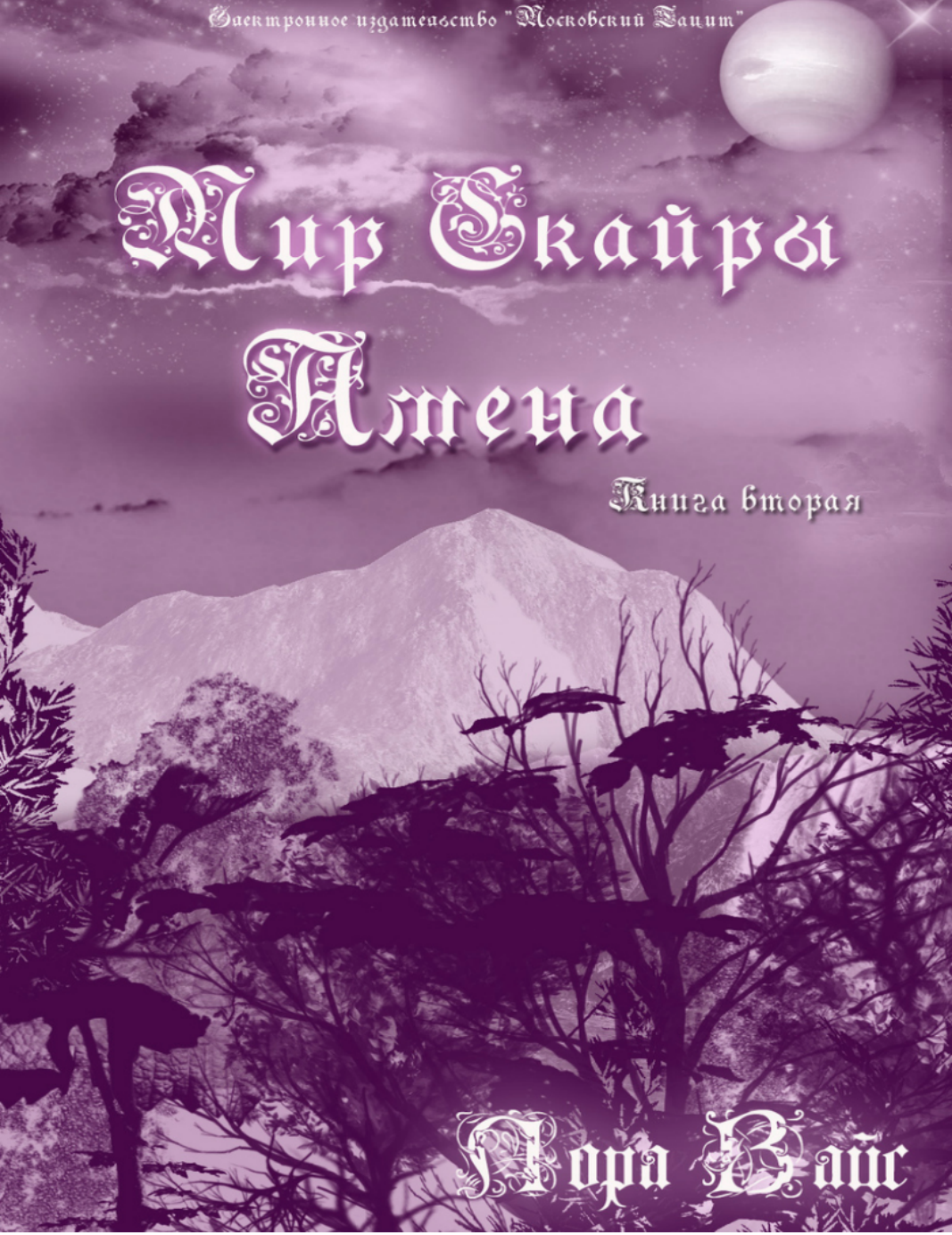
Электронное издательство "Московский Тацит"

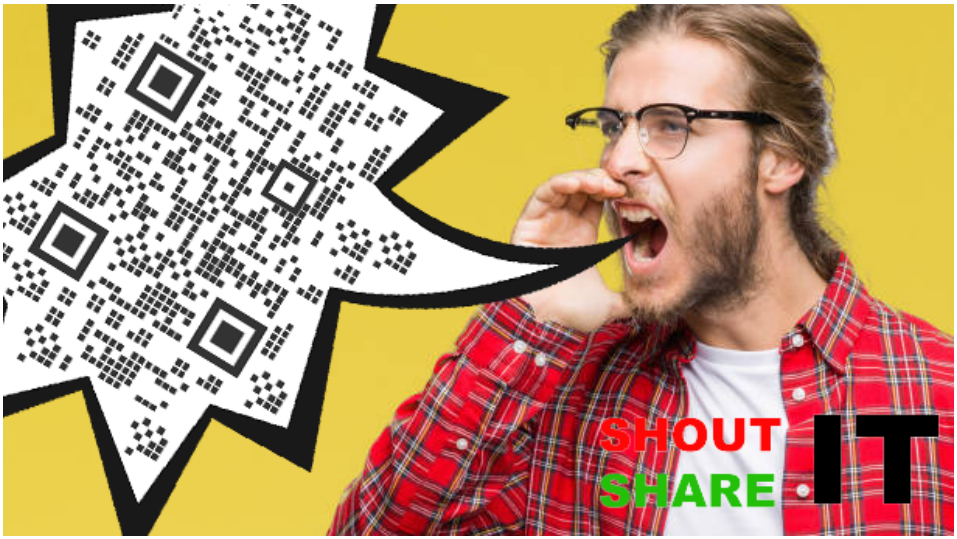


Мир Скайры

Атена

Книга вторая

Тора Вайс


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вторая книга дилогии «Мир Скайры» Мы возвращаемся в удивительный мир Скайры. И снова в центре событий юная особа по имени Амена. Прекрасная крианка Амена дочь Правителя Мазарата, была насильно отдана в жены жестокому и хладнокровному лидеру номаров, Эфину. Он забирает ее из отчего дома, желая подчинить и использовать в своих целях, но как удивительно разворачиваются события, когда Амена узнает о своем даре, а Эфин уже не в силах ей противостоять. Теперь герои должны преодолеть предательство, войны и ложь, чтобы остаться вместе, а может, и нет.

•

За несколько лет до тех событий, что произошли в Тихих лесах, на землях номаров - жестоких и коварных созданий, также царил хаос. И кто бы мог подумать, что еще одна прекрасная дева сможет настолько изменить дикий и необузданный нрав, обратив гнев в раскаяние, а отчаяние в надежду.

Глава I

Амена дочь Правителя Мазарата

Меня зовут Амена, я принадлежу к древнейшему роду крианцев, наследникам критти, первых детей Скайры. Мой отец Нитте, Правитель Великого города Мазарата.

Когда я была совсем маленькой, то часто гуляла за пределами городских стен, но вот уже несколько лет номары - злейшие враги и соседи, осаждают Мазарат, пытаясь превратить нас в рабов, которые будут кормить орды номарских войск. Времена сменились, и теперь нет той счастливой и беззаботной жизни у крианцев, есть лишь страх и ужас перед кровожадными полчищами врагов. Мазарат закрылся от внешнего мира, и мой народ боится, что однажды враг одержит верх.

Но, отец слепо верит в то, что крианцев победить невозможно, ибо наша история длинна и полна великих деяний, поэтому Бессмертный дух Скайры не позволит нам исчезнуть, потерявшись в пучине невежественности и жестокости номаров. Я же так не считаю и уже много лет готовлюсь к тому, что скоро придется взять в руки оружие. В нашем обществе не положено, чтобы дева отдавала предпочтение мечу, вместо того, чтобы учиться манерам и женским ремеслам, таким как плетение из шелка и сбор плодов Капры. Моя мать - Инзила и две сестры -

Кемма и Идалла, также считают меня ненормальной и позорящей их честь, кроме маленькой Сомьи, она любит меня такой, какая я есть и хочет держать меч, когда вырастет. Мама борется со своей непокорной дочерью, пытаясь превратить ее в настоящую деву, но как только заканчиваются все уроки хорошего тона, я сбегаю в северную часть города, где живут и тренируются наши воины. Их Предводитель, благородный крианец в летах Минекая давно обучает меня военному ремеслу, которое поглотило целиком и превратилось в смысл жизни. Каждый раз, ступая на территорию воинов, меняю свое прекрасное платье на кожаные штаны и жилет. Никто в Мазарате, кроме моей семьи, не знает об этом, а если узнают, я рискую потерять то единственное занятие, которое мне так дорого. Если бы все девушки обучились военному делу, то скудные ряды наших войск пополнились бы и заставили врага задуматься о своих намерениях.

Но, не только номары годами осаждают наши стены, есть еще их близкие родственники тумо, которые значительно страшнее и противнее любого номара, они подобны зверям, что разрывают несчастную жертву на части и питаются ее плотью. После того как номары заселили ближайшие с нами земли, то привели за собой этих монстров, и тумо заполонили все соседние леса. Крианцы больше не могли пасти там скот и собирать плоды. Стены нашего города расширились, охватив луга и небольшие участки леса, но этого недостаточно, чтобы выращивать необходимое количество зерна и скота, в один миг Мазарат из процветающего города превратился в закрытый остров, жители которого испытывают нужду. И с каждым годом положение крианцев усугубляется.

Однако, несмотря на все проблемы и потери, крианский народ пытается сохранить силу духа. Несмотря на страх, мы продолжаем радоваться каждому новому дню, каждому лучу солнца, которые дарит нам Скайра. Каждый год мы празднуем приход третьей луны, а также славим Великий дух Скайры, устраивая пир в центре города. Третья луна должна появиться через два месяца, поэтому крианцы постепенно готовятся к ее приходу: девушки вышивают лик луны на одеждах, фермеры запасают зерно и плоды Капры, а пекари – муку, чтобы в праздник накормить всех жителей Мазарата. Самое главное место на столах отводится напитку из Капры, ее плоды дурманят голову и привносят покой в души тех, кто испил этот чудесный напиток.

Забыла сказать, что в этот раз, когда нам явится лик третьей луны, мама решила выдать меня замуж, а в мужья был выбран один из приближенных к отцу, называемый благородным мужем. Роль благородного мужа состоит в том, чтобы помогать управлять городом и выслушивать претензии его жителей. Я давно

смирилась с тем, что мне придется стать женой немолодого и весьма заурядного мужчины. Его зовут Тарту и я ему совершенно не интересна, хотя, это даже к лучшему. Главное, чтобы он не мешал делать то, что я больше всего люблю. Тарту, благодаря мне, станет еще ближе к отцу и займет почетное место подле него вместо уже состарившегося и одряхлевшего Митте. Политика и ничего более. Я же стараюсь не думать об этом дне и по привычке жду красочного и веселого празднества. В свои восемнадцать лет мне пришлось многое увидеть, многое узнать о тяготах, о горестях и принять не одну плачущую мать, которая потеряла своего сына в сражении, поэтому мысли о своем печальном будущем растворились в бедах других.

Крианские же девушки с большим нетерпением ждут свадьбы, так как в этот день все совершеннолетние крианки получают благословение Правителя и становятся невестами, а получить благословение в день свадьбы дочери Правителя - это символ удачи и благоденствия, поэтому в этот раз подготовка к Великому Празднику идет с особой тщательностью. Крианцы украшают город, наводят порядки в своих домах и дворах, жизнь кипит, а сердца юных дев содрогаются, что может быть «лучше»?

Но, не будем о грустном! Хотелось бы рассказать о Мазарате, который вряд ли уступит по красоте и величию какому-либо другому городу. Он строился в те далекие времена, когда Великие непобедимые критти пришли на плато Огненного ветра и обуздали его дикий нрав, ветер больше не сопротивлялся, а наоборот служил нам, образуя бесчисленные вихри на пути врагов. Это чудесная легенда, которую знает каждый взрослый и ребенок. Критти основали Мазарат, но вскоре покинули город, так как тяга к постоянным перемещениям и борьбе со стихией была неукротима, по легенде вслед за ними последовал и Огненный ветер. В Мазарате остались несколько десятков семей, назвавшихся крианцами, они превратили город в цветущий и благоухающий сад, посреди которого возвышались дома, торговые лавки, мельницы, а все дороги от них вели к центральной площади, где крианцы испокон веков вели торговлю с купцами со всего мира. Сейчас многое изменилось, торговли больше нет, часть садов была вырублена и на их месте выросли военные казармы, но Мазарат не утратил своей красоты, он по-прежнему прекрасен. Дом моего отца скорее напоминает старинный замок, он высок и стоит у самого края плато, внизу которого простираются Тихие леса, населенные тысячами существ. Окно моей спальни как раз выходит на леса, и каждую ночь я слышу, как говорят деревья.

Мама раньше часто читала нам сказки, в которых прекрасная

дева встречала своего избранника, как он вскарабкивался по дикому плющу и забирал свою возлюбленную, увозя ее в направлении счастья и безмерной любви. Ах, детство! С взрослением я поняла, что никто не взберется в мою комнату, никто не украдет меня и не увезет на встречу чему-то особенному. В нашей реальности девушка должна быть целомудренна, утонченна и изысканна, ее манеры должны быть на самом высоком уровне, чтобы избранный в мужья остался доволен, и ему не пришлось краснеть за свою будущую жену. Ко мне это вряд ли относится, я выросла среди воинов, а манеры там неуместны.

Итак, каждый день я прохожу километры, пробираясь сквозь цветущие деревья, чтобы посетить казармы, а затем вернуться домой, уставшей, но полностью довольной собой. Минекая говорит, что мне не место среди крианских дев, мое место среди воинов, с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Он знает как мне тяжело в глубине души, ведь я выросла на его глазах и всегда могла довериться ему, рассказать обо всем, а Минекая каждый раз садился, слушал и улыбался, а в конце говорил: «Не плачь Амена по тому, что не стоит слез. Слезы великий дар Скайры и не надо растрачивать их зря». Он мудрый крианец, познавший много боли, не только чужой, но и своей, поэтому его слова всегда успокаивали и возвращали меня к настоящему.

Глава II

За месяц до прихода третьей луны.

Сегодня я проснулась полная сил и желания скорее отправиться в казармы. Видимо это из-за сна, который снился всю ночь и казался таким реальным. В нем я сражалась с темнотой, где не было ни единого живого существа, только тьма, которая обступала, пытаясь поглотить целиком, я рассекала ее мечом, буквально прорубая себе путь навстречу солнцу. Правда, в конце, когда практически удалось добраться до света, впереди восстала чья-то фигура, она не дала завершить путь, и я проснулась. Это был не кошмар, потому как страха я не испытала, лишь удивление и интерес. Надеюсь, что этот сон всего лишь плод воображения утомленного разума и не более.

Когда оделась и вышла из комнаты, то услышала голос отца. Он нервничал, о чем-то спорил со своими приближенными, я не могла разобрать его слов и хотела подойти поближе, как меня отвлекли:

- Амена? – то был голос мамы, она окликнула и жестом подозвала к себе.

- Да, матушка.

- Амена, дитя. Ты куда-то собираешься?

- Да. Я хотела прогуляться до рынка. Ткач обещал сегодня выставить свои лучшие ткани, – мне пришлось очередной раз солгать, так как в последнее время мама не желала, чтобы я посещала казармы. Но она продолжала смотреть с недоверием.

- Надеюсь, что это будет действительно ткач, а не Минекая с его недалекими вояками. Мне уже предельно надоело, что каждый твой ткач, пекарь, целитель и все остальные оказываются в итоге Минекаей! Как может юная дева, которая уже через месяц станет женой благородного крианца, бегать, прыгать и размахивать мечом среди дурно пахнущих солдат?

- Матушка! Прошу, не сердись, - я, как всегда, нежно улыбнулась и обняла ее, - на этот раз это будет ткач, обещаю! Я даже принесу и покажу все, что выбрала. Надеюсь, ты дашь мне совет, из каких тканей пошить новый наряд?

- Конечно, дочь моя. Буду очень рада помочь тебе с нарядом, – наконец-то она оттаяла и также крепко обняла меня. – Ступай.

Направившись к лестнице, пыталась услышать хоть слово из спора отца, но, увы, так ничего и не получилось. После ночного видения меня настораживало все: шорохи, звуки, волнение отца. Возможно, я еще не до конца успокоилась и продолжаю думать о том странном сновидении?

К счастью, утро было прохладным и освежающим, поэтому прикрыв плечи шелковым шарфом, направилась вглубь садов, чтобы незаметно для горожан пройти к казармам. Я шла привычной тропой, которая была известна только мне. Вокруг росли деревья, они цвели и источали небывалый аромат - пьянящий и веселящий, под ногами красовался цветочный ковер изумляющий пестротой оттенков, также здесь росли Смеющиеся Менры - кустарники, обладающие особым даром, когда ты касаешься их листьев, они начинают издавать звуки, напоминающие детский смех. Но здешние сады полны не только зелеными братьями и сестрами, они наполнены жизнью. На ветвях гнездуются Тэрры, существа напоминающие змей, только с крыльями, каждая особь имеет свой уникальный окрас и свой особенный голос. По земле бродят Лукому и Каменистые суры. Суры похожи на волосяные шары, катающиеся по цветам, но в момент опасности они в одно мгновение превращаются в камень. Забавные создания.

Спустя час я все же добралась до казарм, но Минекая на месте не оказалось. Переодевшись, вышла на тренировочное поле, где стояло множество деревянных столбов, больших сооружений с веревочными лестницами, под которыми расположились бассейны с грязью, в которых я не раз оказывалась. Мои

каждодневные тренировки сводились к схватке с бревном, лазанию по канатам и лишь иногда Минекая позволял мне сразиться с одним из воинов.

Я взяла меч, выкованный и подаренный наставников в день моего совершеннолетия, и направилась к очередному столбу. В такие моменты представляла себя на поле боя, а врагом были все те же мерзкие номары и тумо. Во мне закипала кровь, когда меч врезался в деревянную плоть, а щепки разлетались в стороны. Однажды был случай, из-за которого мама не выпускала меня из дома в течение полугода, в момент очередной тренировки я так вовлеклась в процесс, что не заметила, как отсекла себе косу. Волосы для крианских девушек - это украшение и символ благородства, поэтому с рождения девочек не стригут, их отращивают и постепенно заплетают в косу. Моя была почти до колен, а когда я прекратила свои занятия, то обнаружила, что ее длина теперь всего лишь до лопаток. Мама в тот день почти потеряла сознание, когда увидела дочь в таком непристойном виде. У крианцев очень медленно растут волосы, поэтому сейчас их длина достигла лишь середины спины, но это намного удобнее для меня. Собирая их в высокий хвост, ощущаю себя Карапэллой, парящей в небесах.

Но, в этот момент меня отвлекли от воспоминаний, Минекая буквально ворвался на поле, его лицо стало бледным, а руки не могли найти себе места. Он что-то кричал своим воинам, требовал сформировать отряд и выставить его у ворот, причем немедленно. Я оставила свою тренировку и последовала к нему:

- Минекая? Что случилось?

- Амена?! Ты здесь, - его взгляд перемещался с место на место, будто бы что-то искал, - ты здесь, – после недолгих раздумий он собрался и посмотрел на меня очень строго. – Амена! Ты должна немедленно уйти.

- Но, что произошло? И отец сегодня неспокоен, теперь ты, в чем дело?

Однако, Минекая не желал делиться и продолжал настаивать на моем уходе:

- Я не могу тебе ничего сказать. Просто уходи.

После этих слов наставник развернулся и направился в сторону городских ворот, там уже собрались солдаты, ожидая его приказа. Я же не смогла уйти, возможно, мое непослушание уже переходит все границы, но любопытство очередной раз взяло верх. В конце концов, я старшая дочь Правителя и также имею право знать обо всем, что происходит в Мазарате. Надев на себя латы и шлем, который напоминал огненную змею, прикрывая все лицо и оставляя место только для глаз, встала среди остальных

воинов, оставшихся в казармах. Все стояли неподвижно, а через минуту послышался рев горна и скрип отворяющихся ворот, кто-то прибыл к нам впервые за много лет, и эти гости явно заставляли волноваться всех здесь присутствующих. Там что-то происходило, но я стояла на месте и не решалась сделать шаг, сердце билось очень быстро, а страх медленно пробирался в душу, было такое чувство, что это не просто визит заблудившегося странника, это что-то крупнее и страшнее. Хотя, мне не пришлось долго томиться в догадках, врата казармы отворились, и в них въехал целый отряд воинов, сопровождаемых нашими солдатами во главе с Минекая. На них были блестящие черные латы, шлемы напоминающие рычащего Карукка, а их лошади скорее походили на горных Гарпи - с огромными лапами, усеянными острыми когтями и извивающимися хвостами, из пасти торчали клыки, они постоянно скалились и рыли землю, а их всадники сидели спокойно и непоколебимо.

Минекая вышел вперед и заговорил, я же плохо слышала, поэтому решила подобраться поближе. В этот момент один из всадников спрыгнул со своего коня, встретившись с наставником лицом к лицу. Таинственный воин произнес:

- Минекая! Мой давний друг, - он усмехнулся и положил обе руки на рукоять своего меча. – Ты явно не ожидал меня здесь увидеть. Не так ли?

- Не ожидал, Эфин! – после этого еще один воин слез с лошади и также подошел к наставнику. – Фарон! Что ж, два брата снова вместе и оба стоят предо мной.

Тот, что звался Фароном, засмеялся в голос, затем сказал:

- Минекая. Ты все еще на подножном корму у Нитте? Приятно это видеть. Видимо, у вас дела совсем плохи.

- Фарон, здесь не место твоему сарказму, – после чего его взгляд перешел на второго воина. - Эфин! Нитте будет готов принять вас через час. Пока вы можете находиться здесь, надеюсь, вам будет удобно.

- Что ж, – воин по имени Эфин прошел вперед, навстречу к своим солдатам и велел им слезать с лошадей. – Я подожду, все-таки мы пришли с миром.

Те солдаты, что прибыли с братьями, выглядели иначе чем предводители, их осанка напоминала звериную, а из-под шлемов выглядывала длинная шерсть и клыки. Они слезли с лошадей и сели подле них, ожидая очередного приказа. Только тогда я начала понимать кто это. Номары! И где же они набрались такой наглости, чтобы явиться сюда вот так? Я была возмущена до глубины души, но мой взгляд упал на одного из братьев, глаза сами следили за ним, поэтому мысли, возмущения временно

отступили.

Эфин был выше своего брата, стройнее и всем своим видом указывал на то, что он лидер: немногословен, довольно вежлив и спокоен. Фарон же наоборот, вспыльчив и импульсивен. Он все время ходил, оглядывался и постоянно что-то шептал брату, а тот в свою очередь успокаивал его. Видимо, я настолько пристально смотрела на Эфина, что он повернулся в нашу сторону, уловив из массы солдат мой взгляд, после чего его руки потянулись к шлему, а мои глаза в этот момент раскрылись еще шире, так как я никогда не видела номара вживую. Нам рассказывали, что они мерзкие создания, полу звери, полу разумные существа и внешне схожи с тумо, поэтому я испытывала одновременно и страх, и дикое желание увидеть это лицо, спрятанное под шлемом. И вот, он снял его, продолжая смотреть в мою сторону. Я затаила дыхание и не могла поверить в то, что увидела. Эфин напоминал больше разумное существо, чем зверя. Все в его лице: нос, губы, глаза, напоминали наши, единственное, это цвет кожи, который был темно-серого цвета с черными полосами по всему телу, и небольшие клыки, которые виднелись, когда он широко улыбался. Его черные волосы были собраны в хвост и развевались на ветру. Я не ожидала такого. Мне казалось, что это вовсе не номар, а какой-то другой вид, но это был он.

Продолжая стоять и боясь пошевелиться, смотрела прямо ему в глаза, которые были настолько глубокими, словно в них можно утонуть, отчего не заметила, как Эфин пошел в моем направлении, он встал напротив наших воинов и посмотрел на меня. В этот момент номар что-то хотел сказать, но его отвлек прибывший Минекая, наставник направился к нам, я же, не желая быть разоблаченной, медленно начала продвигаться в конец отряда. Когда Эфин снова обернулся, то уже не увидел меня. Минекая сказал, что отец готов его принять, поэтому они быстро оседлали своих лошадей и проследовали к нашему дому.

Я так быстро, как только позволяли руки, сняла с себя все обмундирование, переоделась в свое девичье платье и побежала прочь, хотелось скорее добраться до дома. Пока бежала, снова и снова представляла те глаза, тогда чувство жуткого смущения пересеклось с чувством злости и ненависти к врагу. Что им здесь надо? Отец никогда не позволял ни одному номару даже приблизиться к воротам, а сейчас просто так впускает их и приглашает в наш дом! Мысли одолевали, хотелось выяснить причины столь странного визита.

Добравшись до дома, немедленно забежала во двор, где обнаружила часть воинов номаров и их лошадей. Они смиренно ждали своего вожака, не показывая ни капли агрессии. Когда

зашла в дом, то сразу же встретилась с мамой, она была встревожена и, схватив меня за руку, оттащила в сторону:

- Амена?! Немедленно поднимайся в свою комнату и не высовывайся оттуда, несмотря ни на что.

- Но, мама?! Почему здесь номары? Чего они хотят?

- Чего они хотят известно только твоему отцу, нам не престало влезать в мужские дела. Поэтому делай то, что я велю. Отправляйся к себе! – она очередной раз одернула меня и небольшими толчками направила в сторону лестницы, а сама быстро удалилась в западное крыло дома.

Зал совещаний и приемов находился на втором этаже, наши комнаты располагались на третьем, поэтому мне в любом случае придется миновать приемную. Поднявшись по лестнице, тихо подкралась к дверям и заглянула в замочную скважину. Братья номары сидели за круглым столом, а отец стоял напротив, они спокойно беседовали, лишь изредка отец начинал вскидывать руки и что-то им объяснять. Затем папа удалился, а номары остались ждать, правда, в этот момент на лестнице послышались чьи-то шаги, я обернулась, но там никого не оказалось, а когда снова хотела посмотреть в скважину, то почувствовала только ветер от распахнувшихся дверей. Напротив встал он - Эфин. Я же застыла на месте, всего лишь в нескольких сантиметрах от меня стоял номар, который был выше почти на две головы, а его меч поблескивал в свете горевших свечей. Спустя несколько минут Эфин заговорил:

- Юная дева! Имею честь представиться. Эфин, Правитель номаров, – он продолжал испепеляюще смотреть, не отводя взгляда ни на секунду.

- Амена, – как-то само вырвалось.

- Амена, имя достойное такой девы. Кажется, мне знакомы эти глаза, не они ли смотрели на меня там, в казармах.

- Вряд ли. Девушке не престало бывать в таких местах.

- Хорошо. Пусть будет так, только меня обмануть невозможно. В бою запоминаются именно глаза, так как остальное сокрыто от взора. Тем более, таких глаз я еще не встречал.

Мне нечего было ему ответить, поэтому продолжала стоять. В этот момент отец вернулся в зал и, увидев меня, очень испугался, его лицо выражало недовольство и страх, а Эфин направился к нему, продолжая разговор:

- Нитте! Ты не говорил, что у тебя в доме обитают сказочные лисмеи. Что за прекрасное создание стоит сейчас в дверях?

- Эфин, мы, кажется, о другом вели беседу. Пусть дева идет по своим делам, – отец со злостью произнес. – Амена?! Ступай в

свои покои!

Номар продолжал смотреть на меня и говорить с отцом:

- Зачем прогонять столь удивительное существо? Она пришла сюда и желает слышать то, о чем мы говорим. Не откажешь же ты гостям в такой мелочи, пусть она пройдет, сядет за стол.

Папа нехотя кивнул мне, пригласив присесть, как же ужасно я себя почувствовала в этот момент. Очередной раз мое любопытство подвело семью, но сейчас ситуация была куда более отвратительная, чем тайные посещения казарм. Я подвела его, отец явно не желает видеть этих существ здесь, но больше всего на свете, он переживает за нас. Номары славились тем, что часто крали девушек из различных городов, превращали в наложниц, рабынь, так и сейчас, Правитель номаров не сводил с меня глаз.

- Нитте, я прибыл к тебе, чтобы оговорить мирные условия нашего сосуществования, – наконец-то Эфин отвлекся от меня и приступил к делам. – Мы не желаем более наводить ужас на жителей Мазарата.

- Постой Эфин, мы вовсе не нуждаемся в твоих поблажках, Великая Скайра оберегает нас и, - но отец не успел договорить.

- Не надо мне рассказывать эти глупые и, по сути, детские сказки. Мы оба знаем, что ты больше не способен держать оборону, ваши военные силы истощены. Если я захочу, то твой город уже к вечеру станет моим, со всеми вытекающими последствиями. Но! Я не хочу этого, пока. Мы разумные существа, поэтому вполне способны жить в мире.

- Чего же ты хочешь? – отец сел в свое кресло, его руки опустились, видимо, Эфин был прав и этот ужасный день, когда Мазарат больше не в состоянии противостоять врагу, настал.

- Мне необходимо, чтобы крианцы поставляли зерно и скот для моих войск. Наша армия растет, а земли, которые мы занимаем, неплодородны. Тем более, номары не земледельцы, мы воины.

- Но, Эфин?! Наши запасы едва ли удовлетворяют потребности горожан. Вы изгнали нас из лесов, с полей и рек. Везде бродят кровожадные тумо, которых вы содержите как домашних животных.

- Значит надо постараться. Я могу воздействовать на тумо, они не тронут твоих земледельцев и охотников.

Эфин замолчал, ожидая ответа, и снова обратил свой взор на меня. Отец долго думал, а в конце произнес:

- Нет! Крианцы не будут прислуживать номарам.

Тогда со своего места вскочил Фарон, молчавший все это время. Он подошел вплотную к отцу и сказал то, от чего на моих глазах навернулись слезы, а сердце посетило отчаяние:

- Нитте, неужели ты не осознаешь тех последствий, которые наступят после твоего отказа?! Мы захватим Мазарат, перебьем половину твоего народа, а остальную половину отдадим на съедение тумо. Они уже изголодались. Ты только представь, Нитте! Правитель Мазарата стоит на коленях перед номарами и наблюдает, как мои солдаты насилуют ваших женщин, убивают детей, загоняя их в дома и поджигая, других же бросают в пасти наших сородичей. А финалом этого великолепия крови и мяса будет твоя семья, умоляющая о пощаде. Как тебе такой вариант сосуществования?

Отец не знал, что ему делать, он боялся показаться слабым, боялся признать свой провал, но больше всего страха и горечи во взгляде появилось тогда, когда Фарон заговорил о нас, о его семье. Эфин все это время молчал, он что-то обдумывал и его мысли были явно далеки от того психологического насилия, которое выдерживал Правитель Мазарата. Спустя минуту отец заговорил:

- Ладно. Я согласен. Мы будем кормить ваши войска. Но, вы уберетесь из нашего города и больше никогда сюда не вернетесь. Таково мое условие.

В этот момент Эфин отвлекся от своих мыслей и обратился к отцу:

- Знаешь, Нитте. У меня в голове назрели некие изменения в наших планах. Я пришлю к тебе гонца через две недели, в письме будет последнее и единственное решение нашего конфликта. Возможно, оно тебя удивит, возможно, даже приятно. – Эфин улыбнулся. – Сейчас можешь расслабиться и не переживать за своих женщин, детей и прочего о чем, кажется, говорил мой брат. Мы покидаем вас. Запомни Нитте, сейчас не время и не место выставлять свои условия, либо будет так, как захочу я, либо такому виду как крианцы, придет конец. Прощай, Правитель Мазарата!

Эфин встал, погрузив в недоумении, как отца, так и своего брата. Правитель номаров подошел ко мне, встал на одно колено, после чего взял за руку:

- Юная Амена, был очень рад встретиться с таким отважным воином как ты. Я запомнил твои глаза, - он склонился и поцеловал мою руку, после чего поднялся и устремился к дверям.

Я подбежала к онам, они как раз выходили во двор. Эфин надел свой шлем, жестом приказал всем собираться и напоследок посмотрел в окно, его взгляд снова наполнил меня смущением. Отряд номаров в сопровождении наших воинов направился к воротам. Когда они скрылись из вида, я обернулась к отцу. Он продолжал сидеть в кресле, а из его глаз текли слезы, они

скатывались по щекам и утопали в седой бороде этого мужественного и Великого крианца. Подойдя совсем близко, села у его ног и прижалась головой к коленям. Потом зашла мама и сестры, они стояли у дверей, боясь пошевелиться, чувства печали и безысходности окутали все вокруг. Спустя неопределенное количество времени отец встал и повернулся к нам, его слова прозвучали как приговор:

- Я Нитте, десятый Правитель Мазарата, признаю свое поражение. Номары долгое время вели изматывающую войну, они истощили нас. Сейчас наша армия неспособна защитить город, номаров значительно больше, чем крианцев. Все, это конец! Мы вынуждены идти на поводу у них, делать все, чего они захотят.

- Чего же они хотят? – еле усмиряя дрожь в голосе, спросила мама.

- Просьба их неизменна. Они хотят превратить нас в сосуд, который будет питать их бесчисленные войска.

Затем в зал совещаний пришли все благородные мужи и Минекая. Они знали, что армия крианского народа бессильна против такого мощного и быстро растущего врага, но многие надеялись, что этот визит последует значительно позже.

Гонцам Мазарата не удалось найти союзников, отцу не удалось уговорить близлежащие города, никто не желал иметь дела с номарами, они как зараза, которая распространялась слишком быстро, а Мазарат прокаженный город и не один обитатель Скайры не захотел разделить нашу беду. Номаров страшатся все, так как, обрушиваясь на города и деревни, они сметают все на своем пути, за несколько веков они успели уничтожить немало видов, от их меча пали многие сильные и развитые города. Видимо, настала и наша очередь, сначала они превратят нас в свой придаток, который будет кормить их, затем займут Мазарат, очистив его от крианцев, а в конце уйдут в поисках следующей добычи, оставив опустошенный город с окровавленными стенами на потеху ветру. Так было всегда и с каждым, кто сталкивался с ними. Я боялась и не хотела представлять себе эту картину, но будущее уже было предрешено, оставалось либо принять его, либо бежать, однако, бегство это последний шаг, который лишь раскроет ничтожность и малодушие, поэтому мой долг остаться и принять свою судьбу.

Отец отменил празднование, и город погрузился в уныние, он не хотел обманывать народ, не хотел и не мог дать ложную надежду. Рассказав все, Правитель заперся в том самом зале и не желал никого видеть, он понимал, что теперь крианцы возненавидят его, обвинят в бездействии и плохом управлении, но это несравнимо с тем чувством стыда и позора, которые он

испытал в момент встречи с Эфином. Крианцы, затаив дыхание, ждали гонца номаров. Никто не знал, чего они предложат, но все боялись только одного, потерять своих близких.

С тех пор прошла неделя и пять дней, оставалось лишь два дня до признания своей тяжелой участи, отец по-прежнему никого не хотел видеть, мама была сама не своя и постоянно говорила о том, что надо скорее выдать дочерей замуж. Хотя это невозможно, Кемме шестнадцать, Идалле - четырнадцать, а Сомья еще совсем малышка, ей всего-то пять лет. Я приняла на себя все заботы по дому, распределяла обязанности между сестрами, успокаивала их, как могла, а каждую ночь, пытаясь заснуть, вспоминала глаза Эфина. Мне хотелось вынуть воображаемый меч и отрубить его голову, чтобы эти глаза больше никогда не смотрели на мир.

Последние два дня тянулись особенно долго. Я мало спала, отчего все вокруг казалось застывшим на месте, в последнюю ночь совсем не могла заснуть, поэтому просидела у окна до самого утра, слушая песни Тихих лесов. А когда солнце коснулось небес, собралась и направилась к воротам, мне хотелось самой взять в руки послание, так как чувство вины не проходило ни на минуту. Улицы Мазарата были пусты, ранние лучи касались деревьев, цветов и земли, Тэрры распевали свои песни, ветер чуть дотрагивался одежды, мне казалось, что такой гармонии природы еще не было. Я шла медленно, ступая очень осторожно, боясь нарушить это равновесие. Добравшись до ворот, увидела Минекая, он стоял на посту и смотрел куда-то вдаль. Поравнявшись с ним, спросила:

- Доброе утро, наставник. Почему вы здесь?

- Доброе утро, Амена, - он отвечал, продолжая смотреть на сонный город, - видимо, я здесь по тем же причинам, что и ты. Мы вместе возьмем это послание и отнесем твоему отцу.

- Минекая? Что будет дальше?

- Ох, дитя… - наставник глубоко вздохнул и очень тяжело выдохнул, - лишь одной Скайре известна наша судьба. Я надеюсь, что ее Великий Дух не оставит нас.

И он погрузился в молчание. Минекая служил Мазарату всю свою жизнь, как только отец моего отца - Великий Накута, передал бразды правления своему сыну, то вместе с ним заступил на службу и Минекая. Он никогда не прятался от врага, никогда не оставлял своих воинов в беде. Сражаясь за Мазарат, потерял свою семью, после чего перестал испытывать ненависть к врагу, теперь его сердце заполняло лишь чувство долга перед народом, что-то в нем изменилось, что-то сломалось, а на месте перелома появилось нечто другое.

Мы стояли около часа, как вдруг вдалеке послышался топот. Минекая не страшась ничего, отворил ворота и встретил всадника. Конечно же, то был гонец номаров, это мерзкое создание передало свиток и тут же устремилось прочь. Наставник просунул послание через пояс, оседлал коня, затем помог усесться и мне. Мы ехали неспешно, боялись разбудить спящих крианцев, паника сейчас ни к чему, тем более другого выхода все равно нет. Подъехав к воротам моего дома, спустились с коня и направились внутрь, там нас уже ждали все благородные мужи и мама. Она очередной раз посмотрела на меня с негодованием, но промолчала.

Минекая отнес свиток отцу, передал ему в руки, после чего наступила тишина, Правитель Мазарата закрыл за собой дверь, оставив всех в неведении. Мы ждали, ждали того, что он выйдет и даст нам надежду, хотя разум в это не верил, того желало только сердце. Спустя полчаса все услышали, как стекло разбивается о пол, мама испугалась того, что отцу могло стать плохо, поэтому устремилась к дверям, но папа опередил ее. Распахнув их, он вышел вперед и жестом пригласил всех войти. Благородные мужи расселись за столом, мама заняла место подле отца, а я скромно осталась стоять у дверей, как тогда, в момент встречи с Эфином. Отец сидел, молча, его эмоции, чувства были неясны, все ждали жуткого разочарования, но в глазах Правителя его не было, как не было и радости. Тем временем мама взяла свиток и прочла послание, когда ее глаза оторвались от бумаги, то она немедля встала и бросила свиток на пол. Она смотрела на отца с непониманием, с горечью и ужасом, но он не проявлял подобных чувств. Встав со своего кресла, отец окинул взором помощников, а затем посмотрел на меня.

- Амена? Дитя? Подойди, - я медленно и неуверенно проследовала к нему. – Не бойся, ты же не испугалась номаров и сидела с ними за одним столом, отчего же сейчас робеешь? Амена, подними этот свиток и зачитай его вслух.

Я подняла лежащий на полу сверток и начала читать:

«*Нитте, Правитель Мазарата. Я, Эфин, Лидер номаров выставляю тебе единственное условие нашего мирного договора. Ты обязуешься отдать мне в жены свою старшую дочь, Амену, а взамен я обещаю не подчинять себе крианский народ. Вы будете жить, как жили раньше, не боясь появляться в лесах, у рек и скал. Мы, номары, желаем вести с вами торговлю, оплачивая щедро все то, что вы, крианцы, вырастите и поймаете.*

Амена покинет Мазарат навсегда. Она станет моей женой и уйдет со мной туда, куда ей будет велено, я позволю ей взять с собой служанку. Это мое последнее условие. Если Правитель

откажет мне в этой просьбе, то к приходу третьей луны Мазарат будет разрушен, а его жители уничтожены!»

Пока я читала, то слезы сами собой скатывались по щекам, мне хотелось закрыть глаза, а открыв, понять, что это всего на всего дурной сон. Следуя из послания, я единственный камень преткновения в конфликте с номарами и только я могу решить судьбу крианского народа. Но за что? За что я должна заплатить такую цену? Повернувшись к отцу, хотела увидеть в его глазах сочувствие и жалость, но в них был только укор, мама также не проявила понимания. Через минуту уже все благородные мужи говорили о том, что это самый лучший исход, что пожертвовав одной жизнью, они спасут сотни. Отец продолжал смотреть на меня, после чего встал и подошел совсем близко.

- Ну?! Теперь твое любопытство полностью удовлетворено? Ты рада?

В его словах было столько презрения, что мне захотелось сбежать, но я подняла взор и произнесла:

- Чему мне радоваться? Тому, что Правитель Мазарата и предок Великих критти не способен вести свой народ? Тому, что я должна пожертвовать собой, ради вас всех? Вы никогда не оставляли мне выбора, с самого детства я делала то, чего хотели вы. Ты мог бы дать мне шанс выбрать свою жизнь, но вместо этого, вы решили потворствовать желаниям этих лицемеров, которые по непонятным причинам зовутся Благородными мужами. Я никогда не стану женой зверя! Вы можете убить меня здесь и сейчас, но на эту сделку я не пойду.

Выслушав мои слова, отец отошел, но мама, она практически подбежала ко мне и дала пощечину.

- Как ты смеешь так разговаривать с отцом?! Вместо того, чтобы быть послушной дочерью и следовать древнейшим традициям, я годами наблюдаю, как ты позоришь наш род. Все эти бесконечные посещения казарм, неповиновение нам, по-твоему, это достойно крианской девы? Тебя никто не хотел брать в жены, поэтому нам пришлось прибегнуть к единственному оставшемуся шансу. Тарту согласился, хотя считает это большим позором. Если твое замужество спасет Мазарат, то я немедля дам свое согласие на этот союз. Видимо, только номар способен воспитать тебя! Тем более, ты еще должна радоваться, Эфин не такой как все номары.

- Как ты можешь такое говорить? – я не верила своим ушам, меня предала родная мать, а отец стоял в стороне и кивал.

- Пойми Амена, сейчас на кону существование нашего вида. Теперь ступай, нам надо дать ответ.

Я выбежала из зала, направившись в городские сады, мне

хотелось провалиться сквозь землю и никогда больше никого не видеть. Они предатели, все!

Глава III

Ночь третьей луны.

Правитель Мазарата дал свое согласие на наш с Эфином союз, ответ был отослан в тот же день. Уже через неделю Эфин прибудет в город, чтобы в ночь прихода третьей луны жениться на мне и забрать с собой. Этого дня я ждала с ужасом, теперь как никогда хотелось бежать, бежать без оглядки, мама чувствовала это и с того рокового дня у моих дверей каждый день и ночь дежурил солдат. Они буквально загнали меня в угол, будто бы у меня никогда и не было семьи, теперь я лишь узница, которую скоро отдадут на потеху монстру.

Сестры обходили стороной, не желая разговаривать, даже Сомье не разрешали подходить ко мне. Это чудовищно, несправедливо и отвратительно. Мне всего лишь хотелось счастья, даже согласилась на брак с Тарту, но сейчас оставалось одно - оплакивать себя и готовиться к самому худшему. Только Скайре известно, что эти чудовища делают с несчастными женщинами, попавшимися к ним в лапы. Я видела глаза Эфина, в них горит пламя ярости и злости, он умело это скрывает, но меня не проведешь, в его душе нет ничего, кроме жажды крови. Скорее всего, получив меня, Эфин не успокоится и придет за остальными, номарам нельзя верить, они искусно лгут, а потом вставляют нож в спину. Хотя, если случится так, то я буду отомщена.

На этот раз время летело быстро, несмотря на то, что приходилось дни и ночи проводить сидя взаперти. Родители ко мне совсем не заходили, они полностью отстранились, не желая видеть свою старшую дочь. Странно, то ли совесть им не позволяла посмотреть мне в глаза, то ли они уже заведомо распрощались со мной, но, за день до свадьбы, в комнату неожиданно пришел Минекая, он отпустил своего воина и велел ему идти в казармы. Наставник нервничал, не знал с чего начать, но через минуту собрался с духом и заговорил:

- Я выпущу тебя. Ты сможешь сегодня же уйти из Мазарата, только так спасешься, – он крепко сжимал свой шлем, так как понимал, что идет против Правителя и тем самым предает все свои идеалы. – Сегодня ночью, когда все будут спать, я выведу тебя, лошадь уже будет ждать за воротами.

- Но, Минекая?! Ты понимаешь, на что ты идешь?

- Я все прекрасно понимаю, но видеть, как тебя превращают в наживку для номаров, не могу. Не для того учил тебя все эти

годы защищаться, не для того выслушивал все твои девичьи капризы. – Минекая усмехнулся, но глаза его заблестели. – У меня тоже была семья, был сын, которого я растил, надеялся, что он будет моей поддержкой и опорой в старости, что будет приходить к нам со своей женой и приводить внуков. Мне хотелось, чтобы он был достойным воином и защитником Мазарата, своего народа и своей семьи. Но, подчинившись приказу, я потерял их.

- Что же случилось с твоей семьей?

- Я никогда этого и никому не рассказывал, так как это моя боль, мой позор и бесчестие по отношению к ним. В те годы, когда крианцы еще вели хозяйство за городскими стенами, моя жена и сын были на полях, я каждый вечер забирал их и вез домой. Но в тот день на земледельцев напали тумо, я же находился в казармах, когда узнал о том, что случилось, хотел бежать к ним, но Нитте приказал закрыть ворота и оставаться внутри, дабы не пустить врага в город.

- И ты остался внутри?

- Да, – у наставника ручьями полились слезы, он поднимал глаза вверх и не мог ничего с собой поделать. – Остался, отдав этим монстрам свою семью на съедение. Тумо не пошли к городу, они получили то, зачем пришли и вернулись в леса. Когда мы прибыли на поля, то узрели ужас. Моя жена лежала на земле, прикрывая собой сына, но они оба были уже мертвы, их кровь на моих руках. Я обязан был идти к ним, несмотря на приказ. После того дня для меня больше не существовало власти, только долг перед крианцами. Я не мог позволить, чтобы и они лишились своих семей. Потом появилась ты, Нитте привел тебя в казармы и разрешил подержать меч, тогда в моих глазах был сын, который так часто прибегал ко мне. Я учил тебя, а потом привязался и полюбил как родную дочь. Поэтому не могу позволить, чтобы они и сейчас сломали жизнь тому, кого я люблю.

- Я и не знала. Прости, Минекая.

- Тебе не за что извиняться, как бы ни старалась Скайра, в мире все равно много несправедливости. Мою семью уже не вернуть, а вот ты еще можешь спастись. Так что жди ночи, я приду за тобой.

И наставник вышел из покоев, я же осталась сидеть на кровати. Оказывается, моя семья давно лишилась совести, для них нет ничего святого, раз они так просто и безжалостно распоряжаются чужими жизнями. Минекая прав, я не хочу становиться игрушкой, в чьих бы то ни было руках. Они не заслуживают этого.

После дневного разговора ждала с нетерпением наступления

ночи, а к вечеру я решила немного прогуляться по саду, конечно же, под присмотром моего стражника. Сегодня не хотелось сидеть в комнате и слушать тишину, душа желала ветра и шепота деревьев, поэтому спустилась во двор и направилась в сторону сада, который расположился сразу за воротами. На улице было тихо, только легкий шорох листьев и звуки засыпающих Тэрр, перед сном они всегда долго укладываются и постоянно сбрасывают ветки, которые им мешают. Бродя среди деревьев и цветов, не думала ни о чем, кроме того, что сказал наставник, его слова прокручивались в голове снова и снова, но меня отвлек кто-то, кто искусно прятался за кустами. Это была Сомья, она осторожно выглянула из своего убежища и поманила к себе, а когда я зашла за куст, сестренка тут же бросилась и обняла меня так крепко, как только смогла.

- Амена, почему ты больше не с нами? Почему не гуляешь и не играешь со мной как раньше?

- Сомья, - я улыбнулась, а в душе что-то дрогнуло, - просто многое изменилось и мне скоро придется покинуть вас.

- Но, ты же вернешься? – ее большие и добрые глазки так пронзительно смотрели, что захотелось расплакаться, но этого делать нельзя, ведь моя маленькая сестренка, моя славная малышка тоже расстроится.

- Возможно. Когда-нибудь…

- Ты все время ходишь грустная, перестала улыбаться и радоваться, может, поиграем в прятки? Тебе сразу станет легче, я знаю.

Сомья взяла меня за руку и потянула за собой, вглубь сада, я шла за ней, а сердце сжималось все сильнее. Возможно, злость и обида на отца и мать затмевали все остальные чувства, но сейчас все начало проясняться, в голове все чаще возникали мысли о том, что если я уйду из Мазарата, то обреку на гибель всех тех, кто ни в чем не виноват, а главное, потеряю свою маленькую сестренку. Тогда я буду так же ненавидеть себя, как и Минекая, но изменить уже ничего не смогу. Кто знает, может быть Эфин и сдержит свое слово, а я стану последней жертвой в этой войне. Зачастую мы все поддаемся воле чувств и молниеносных желаний, но когда в голове затихает ураган эмоций, то наступает время холодной логики, так и сейчас, я поняла, что сбежав, не получу ничего кроме угрызений совести и пожизненных мук. Лучше страдать физически, чем просыпаться каждый день с мыслью о том, как погубила тех единственных, кто был так дорог.

Наигравшись с сестрой и вспомнив все то, о чем успела забыть, приняла решение, оставалось лишь дождаться Минекая. Когда все разошлись по своим комнатам, а на улице стихли

последние шорохи, я легла на кровать и закрыла глаза. Мне не хотелось думать, поэтому отбросив все мысли, просто тихо лежала и боялась потревожить тишину своим дыханием, так продолжалось около часа, пока моя дверь не заскрипела. В нее вошел Минекая в плаще:

- Амена? Пора вставать. Слышишь? Нам надо уходить.

- Минекая. Прошу, сядь рядом.

- Нет времени, Амена.

- Ошибаешься, в нашем распоряжении бесконечность. Присядь, я хочу что-то сказать тебе, – открыв глаза, привстала и посмотрела в окно.

- Что ты хочешь мне сказать? Говори же, а иначе мы упустим шанс, – наставник не понимал, от чего я медлю.

- Минекая. Я никуда не пойду.

- Что? – он встал с края кровати и посмотрел на меня с недоумением. – Что ты такое говоришь, дитя? Ты должна быть свободна.

- Оставшись здесь, я сохраню гораздо больше, чем свободу. Я сохраню свою совесть. Мне выпал жребий родиться дочерью Правителя, я не могу просто бросить их всех.

- Ты не понимаешь. Номарам нельзя верить. Они вернуться сюда, и уничтожат всех, станешь ты женой Эфина или нет. Мазарат обречен, уже много лет мы перед номарами как беззащитный младенец перед голодным Карукком. Вставай и иди, спасись…

- Минекая? Как ты думаешь? Смогу ли я простить себя после побега и после того, как номары разрушат здесь все до основания, убив тех, кого я люблю? Ты же так и не простил себя. И я не прощу, понимая, что могла спасти их, но не стала.

Тогда он сел, а его глаза наполнились грустью и тоской.

- Амена. Я уже не знаю, что в этом мире правильно, а что нет. Те события перечеркнули мою жизнь, я перестал верить, перестал надеяться и моя совесть пытает душу каждый день, от чего она не перестает болеть. Мне хотелось бы, чтобы ты спасла себя, стала свободной, но возможно, тогда ты познаешь все то, что познал я.

- А я этого не хочу. Я хочу попытаться, кто знает, может тогда номары исполнят свое обещание. Нам остается верить Минекая. И ты должен начать верить вместе со мной, - взяв его за руки, посмотрела в глаза наставника и хотела увидеть в них надежду. – Отпусти ту боль. Если я тебе так дорога, то будь рядом, верь в меня…

Мы обнялись. Учитель плакал, а я закрыла глаза и поняла, что он не просто наставник, он отец, который боится за меня, переживает и был всегда рядом, всегда. Если в детстве падала,

разодрав коленку, то шла к нему, если боялась грозы, то пряталась за него, а если радовалась, то делилась этой радостью только с ним.

- Хорошо. Я буду надеяться, буду верить. И главное, я всегда буду рядом. Слышишь?! Всегда! Где бы ты ни находилась.

- Спасибо.

После этого разговора он встал и медленно направился к двери, а когда вышел и закрыл ее за собой, то мое сердце начало болеть, оно болело так, словно от него оторвали кусок. Где же та жизнь, которая была раньше? Где те беззаботные дни, проведенные во дворе и на учебном поле казарм, где улыбки и радость сестер? Почему все меняется так быстро?

В таких горьких мыслях уснула, не найдя ни одного ответа. Видимо, Скайра дает мне это испытание для того, чтобы я стала кем-то, чтобы доказала свое право находиться здесь и как бы хотелось найти хотя бы один ответ.

Ночь пролетела незаметно, без снов, без видений, а когда в окнах забрезжил рассвет, я проснулась. Было еще очень рано, но спать не хотелось совсем. Сегодня все свершится, мне придется стать женой самого коварного и жестокого создания на Скайре, он прибудет в ночи и заберет мою душу, сделает своей рабой. Я слышала жуткие рассказы о том, как номары ведут себя с женщинами. Они попросту хватают их за волосы и унижают, заставляя исполнять самые немыслимые желания.

Отец приказал готовиться к этому празднику. Он как всегда хочет, чтобы Мазарат блистал, вызывая похвалы и удивление. Но гости на этом празднике не способны видеть прекрасное, как не способны и удивляться, они презирают все, что может радовать и восхищать, таковы уж номары.

К полудню в комнату вошла мама, первый раз за столь долгое время. Она принесла платье и велела примерить, чтобы портной мог исправить все несовершенства. Я надела его, встала перед зеркалом. В отражении на меня смотрела девушка, которая потеряла себя в безбрежном океане печали. Мама же смотрела лишь на платье, как будто оно просто висело в шкафу, тогда я спросила у нее:

- Почему ты меня не замечаешь?

- У меня нет времени на пустые разговоры. Все должно быть готово вовремя, а ты должна затмить всех, а главное должна поразить Эфина. По словам отца, он просто поедал тебя глазами там, в зале советов.

- Почему бы тогда тебе не выставить меня на площади обнаженной?! Эфину это явно понравится, я же все равно не подхожу на роль прекрасной крианской девы.

- Ты права, ты не дева и никогда ею не была. Но, Эфин не просто животное, он другой. Поэтому сделаем все по правилам. И потом, если номары сдержат свое обещание, то ты превратишься в героиню, крианцы будут чтить твою память.

- Чтить память? То есть, моя мать прощается со мной, как с покойницей?

- Я не намерена более разговаривать об этом.

И она вышла, оставив дверь открытой, что означало ее неуважение ко мне и фактически отречение, я же осталась стоять и смотреть на себя в зеркало. Кто это? Кто стоит передо мной? Вроде бы все те же карие глаза, те же темные волосы и то же родимое пятнышко около виска, все то же, но это уже не я. Портной подшил платье и удалился, оставив меня наедине с собой. Мне же хотелось упасть и больше не вставать. Зачем все эти кружева, обнаженные плечи и струящийся шелк юбки? Все равно это платье не невесты, а той, которая сегодня умрет. Еще через несколько часов пришли девушки Мираиды, которые украшали волосы и лицо невесты, напевая старинные крианские песни. Они вплетали в косу цветы, шелковые ленты, а на лицо наносили узоры, которые наинались от висков и заканчивались на шее. К вечеру все приготовления были закончены, кухарка принесла немного еды, но я не смогла проглотить ни кусочка, хлеб уже не пах хлебом, а фрукты фруктами, все смешалось и стало таким отвратительным, что хотелось выбросить поднос в окно, я выпила лишь немного воды. Подойдя к окну, слушала шепот Тихих лесов, ощущала их влажность и аромат, постепенно они меняли цвет, становясь лиловыми, а первая луна озарила небо, и как же это было прекрасно. Однако мое единение с природой нарушил стук в дверь, в нее вошел Минекая:

- Нам пора, Амена, – он говорил тихо. - Эфин прибыл в Мазарат.

- Конечно. Я иду.

Наставник подал руку, и мы направились вниз, когда вышли на улицу, то в лицо подул легкий ветерок, мне хотелось ощутить все, чтобы запомнить это, потому что я шла на свои похороны. Пройдя через сады, что ведут на центральную площадь, почувствовала их жизнь, услышала их дыхание и хотела раствориться в них. Минекая привел меня на площадь, где передал руку отцу. На небе к этому времени засияла вторая луна, крианцы стояли затаив дыхание и боялись нарушить тишину, все благородные мужи ждали разрешения начинать обряд, а у алтаря спиной к нам стоял Он. Когда же Эфин решил повернуться, то у меня подкосились ноги, если бы не отец, то я бы упала на колени.

Его взор устремился на меня, нас разделяло несколько

метров, сердце же готово было выскочить, но не от волнения и ожидания чуда, а от страха.

Эфин стоял неподвижно, его черные латы блестели в лунных лучах, а глаза словно пылали, обжигали меня, но этот момент нарушил отец, он посмотрел на Эфина и произнес:

- Эфин? Мы готовы приступить к обряду.

Тогда номар медленно прошел ко мне и, встав напротив, взял за руку. Он молчал, как и я, лишь взгляд буквально кричал. Мы направились к алтарю, где главное и почетное место занял отец, когда же встали напротив него, Правитель заговорил:

- Сегодня Великая ночь! Сегодня ночь мира между крианцами и номарами, а также ночь, под чьим покровом заключается союз между моей дочерью Аменой и Правителем номаров Эфином, сыном Танафера. Когда третья луна коснется вас своими лучами, я выжгу на вашем плече символ связи, символ самой Скайры, которая будет сопровождать вас всегда и во всем.

Но, речь отца прервал Эфин:

- Правитель Нитте? Я уважаю ваши традиции, но желаю, чтобы на плече вашей дочери остался символ моего рода, а на моем - вашего. Тогда между нами будет заключен мир перед самим Духом Скайры. Мы же с вами еще не подписывали договор? – и он усмехнулся. - А это будет даже лучше, чем пустое бумагомарательство.

- Что ж, раз ты считаешь это лучшим способом заключения мира, то пусть будет так.

Я посмотрела на отца с ненавистью, он превратил меня в вещь. Мне не хотелось видеть Эфина, поэтому отвела взгляд и стояла, молча, с опущенной головой. В этот момент на небе засияла третья луна, ее лучи коснулись нас, после чего номар снял свой перстень и передал отцу, тот раскалил его на огне, зашел за мою спину, а через секунду я ощутила боль, но сильнее всего болело не плечо, не обожженная плоть, а душа. После меня отец подошел к Эфину и оставил клеймо от своего перстня на его плече. Потом последовали напутствующие речи, но я их не слышала, так как была далека от этого кошмара, Эфин все это время не сводил с меня глаз. Когда же обряд подошел к концу, Правитель призвал всех к торжеству, я выдернула свою руку из лап монстра и пошла прочь. Видя это, отец начал кричать, чтобы я остановилась, но нет, мне не хотелось останавливаться.

В этот момент Эфин придержал отца:

- Нитте! Не стоит ее сдерживать, теперь она моя жена, а значит, будет слушаться только моих приказов, сейчас же путь идет.

- Хорошо. Очень благородно с твоей стороны.

Других слов я не слышала, так как убежала глубоко в сад. Остановившись у ручья через двадцать минут, обняла рядом стоявшее дерево и зажмурила глаза, что было сил. Я царапала кору дерева и сжимала кулаки, стуча по нему. На руках уже появилась кровь, где-то под кожу вошли занозы, но это все равно не было так больно, по сравнению с теми муками, которые были в сердце. Когда же силы закончились, села, опершись о ствол. Капли крови стекали на белое платье, а губы шептали: «Скайра… Спаси». Через несколько минут этого отчаяния и ужаса в глубине сада послышались шаги, кто-то направлялся ко мне, а когда вышел из тени деревьев, я снова закрыла глаза. Это был Эфин, он подошел совсем близко и присел напротив.

- Амена? Открой глаза и посмотри на меня, я имею права хотя бы на один взгляд, – он протянул руку и медленно провел пальцами по моей щеке. – Ну же, открой…

Я послушалась и открыла глаза, после чего мой взгляд словно застрял на его лице.

- Твои руки кровоточат. Почему?

- Это лишь капли крови, в моей душе сейчас все гораздо хуже.

В этот момент Эфин взял мои руки и начал аккуратно вытаскивать кусочки коры, потом набрал воды из ручья и полил на ладони, чтобы смыть кровь.

- Так лучше? – его глаза продолжали гореть, строгие черты лица смягчились.

- Зачем? Зачем все это?

- Просто ты еще не поцеловала меня, как положено жене.

- А если я этого не хочу? – мой взгляд стал холодным.

- Тогда я возьму силой этот поцелуй.

- Что ж, видимо, только силой ты и можешь взять его.

В этот момент я резко встала и хотела уйти, но Эфин крепко схватил за плечи и прижал к себе. Моя грудь чувствовала его сердцебиение, а волосы ощущали его дыхание, одной рукой он расплел мою косу и вытащил из нее все цветы и ленты, затем коснувшись подбородка, приподнял голову, тогда я увидела его настолько близко, что мое лицо загорелось, его нос коснулся моего, а рот слегка приоткрылся. Через секунду губы Эфина дотронулись моих, и, ощутив поцелуй, я закрыла глаза.

- Неужели это так неприятно? - он прошептал очень тихо.

- Ты монстр, Эфин, – я отвечала так же тихо, практически шепотом. - И всегда им будешь, ты не знаешь жизни без насилия. Да, это было неприятно, потому что жестокость никогда не бывает приятной.

Тогда он отпустил меня и сказал:

- О, нет Амена. Ты еще не видела моей жестокости. Считай,

что этот поцелуй был последним и самым нежным в твоей жизни. А теперь пойдем. Нам скоро в путь.

Я продолжала стоять и не хотела делать ни шага, в этот момент Эфин повернулся и схватил за руку, сжав ее так, что я услышала хруст костей:

– Ты не слышала, что я сказал?! Теперь я твой хозяин и не забывай об условиях мира с Мазаратом. Не советую нарушать договор. Идем!

В этот момент я поняла, что Эфин не просто номар, он самый страшный и коварный из всех.

Приведя меня к дому отца, велел собираться, так как более не желал находиться в Мазарате. Отец приставил ко мне служанку, которая должна была теперь сопровождать во всем и везде. Фактически сегодня попрощались со своей свободой две девы, но одна была совершенно не повинна, просто ей не повезло. Мою спутницу звали Лумея, ей было семнадцать лет, и она не понимала, за что Скайра так обошлась с ней.

Пока Мазарат праздновал, мы и отец в сопровождении Минекая с его воинами, направились к воротам. Я ехала на своей лошади, а позади неспешно поскрипывала телега с вещами и Лумеей. Боевой конь отца ступал рядом с конем Эфина, они изредка переговаривались, обмениваясь обещаниями и условиями торговли. Но мысли номара были далеки, как собственно, и отца, оба Правителя делали вид, что уважают друг друга, хотя отвращение и ненависть казались настолько очевидными, что скрывать получалось очень плохо. Я изредка посматривала на Лумею, которая не переставала тихо плакать, она постоянно оборачивалась в сторону своего дома и что-то шептала. Как же ей сейчас тяжело, но участь наша предрешена, поэтому остается только смириться и плыть по течению, возможно, когда-нибудь оно нас выведет на берег счастья.

Впереди показались ворота города, они медленно отворились, открыв перед нами дорогу, уходящую во мрак джунглей. Вся свита Эфина ожидала его именно здесь, за воротами, поэтому они немедля поднялись, оседлали лошадей и приготовились к отбытию.

Эфин повернулся ко мне:

- Не желаешь проститься с отцом?

- Желаю, но не с отцом, – после чего я подвела свою лошадь к Минекая и крепко обняла его. – Прощай и если эти слова для тебя что-то значат, то знай, ты для меня не просто наставник, ты для меня отец, о котором можно было только мечтать, – я говорила тихо, чтобы эти слова мог слышать только он.

- До встречи, дочка. Пусть твой меч всегда сопровождает тебя,

ведь ты рождена для величия. Я обязательно найду тебя, в свое время, ты только держись и оставайся живой. Я верю, – он прошептал мне это на ухо и крепко прижал к себе.

Когда же я отстранилась от наставника, то посмотрела на отца и постаралась вложить во взгляд все свое безразличие и презрение к нему, его же глаза выражали смущение и стыд, но уже ничего не обратить вспять, поэтому вернулась на свое место и сказала:

- Все! Я попрощалась.

- Хорошо, хотя многое было неожиданностью для меня, – произнес Эфин и улыбнулся, затем его взор устремился на отца. – Прощай Нитте, надеюсь я не пожалею о своем решении и такой обмен оправдает себя.

- Амена достойная дева, она не заставит краснеть за себя. Прощай, Эфин.

После всего сказанного, Правитель Мазарата развернул коня и приказал своим воинам двигаться обратно в город, а мы направились вперед. И пока Мазарат еще был виден, я не переставала смотреть на него, то был мой отчий дом, моя земля и моя жизнь, а теперь это чужой город, который предал и забрал все надежды.

Глава IV
Сквозь тьму и мрак.

Как сказал Эфин, путь до его земли должен был составить два дня, но если двигаться без лишних привалов, то можно добраться быстрее. Однако, я хотела, чтобы этот путь занял больше времени, поэтому решила немного подпортить его намерения.

Мы ехали через Тартовые леса, где росли деревья, у которых ветви постоянно извивались, так они дышали, охлаждались, поэтому внутри этих лесов всегда было холодно и сухо. Я надела накидку и укрыла голову капюшоном, но руки это не спасало, так как они постепенно замерзали, а если отпустить поводья, то лошадь потеряет контроль, так что пришлось поравняться с Эфином и попросить его о привале:

- Эфин! Прошу, остановись.

- Терпи, прошло всего восемь часов пути, а ты уже ноешь.

- Пожалуй, но если ты хочешь иметь жену с пальцами на руках, то прикажешь сделать привал. – После чего остановила лошадь и слезла с нее.

Эфин также остановился и повернулся ко мне:

- Это что, приказ?! – он повысил голос и слез с коня, затем подошел ко мне, схватил за руки, но убедившись в том, что я не

лгу, приказал своим воинам остановиться и развести костер. – Так и быть, не хочется портить куклу сразу после того, как я ее купил.

Номары развели огонь и сели вокруг него, скорее всего они тоже замерзли, а я взяла за руку Лумею, и мы вместе сели у костра. Эфин сидел дальше от нас и не сводил глаз с развевающегося пламени. Постепенно на леса опускались сумерки, окутывая землю туманом, отчего становилось еще холоднее, поэтому Эфин велел заночевать здесь, так как до наступления ночи мы все равно не успеем выйти из лесов, а брести сквозь жуткий холод было не лучшей идеей.

Когда мы с Лумеей согрелись, то решили заночевать в телеге, номары легли на земле, лишь двое из них остались в дозоре. Эфин же устроился подле своего коня, который лег рядом и грел его своей шерстью. Через час все спали, кроме меня, я не могла сомкнуть глаз. Мысли, переживания и тоска одолевали, поэтому тихо встала и, прокравшись мимо дозорных, пошла вглубь темного леса. Побродив по нему, увидела вдалеке какое-то мерцание и направилась туда, этот блеск исходил от реки, которая текла медленно и почти бесшумно. Удивительно то, что здесь не слышала ни звука, кроме треска ветвей, как будто лес вымер, в отличие от Тихих лесов, которые наполнялись жизнью в ночи и начинали тихо разговаривать. Я стояла у берега и смотрела на воду, на лунные отражения в ней, как вдруг почувствовала, что кто-то дотронулся до моего плеча:

- Что ты здесь делаешь? – Эфин подошел незаметно.

- Боишься, что сбегу? – ответила, продолжая смотреть на неспешное течение реки.

- Нет, этого я совершенно не боюсь, ведь, если у тебя есть голова на плечах, то ты не рискнешь отправиться в бегство сквозь эти леса.

- Почему здесь нет ничего живого вокруг? – мне не хотелось с ним спорить, хотелось просто говорить.

- Живым существам здесь негде приютиться. Деревья в постоянном движении, а земля холодна будто лед, заблудший сюда зверь погибает. – Эфин стоял за моей спиной, а когда заметил мою дрожь, то подошел так близко, что я ощутила его дыхание на своей шее. – К чему эти милые беседы о природе?

- А что? В перечень моих разрешенных действий это не входит?

- Почему же, ты вольна говорить о чем угодно, но я же для тебя враг.

- Ты к несчастью мой муж. Знаешь? До твоего появления меня хотели выдать замуж за приближенного к отцу, и на тот момент я

считала себя несчастной, но сейчас понимаю, что это было не так.

- Весьма откровенно. Тогда я тоже кое в чем признаюсь. Когда увидел тебя там, в казармах, то почувствовал твой страх, он настолько увлек меня, что в голове было лишь одно желание, – он подошел еще ближе и своей грудью уперся мне в спину.

- Какое же?

- Взять в руки твою хрупкую шейку и сжать ее, но не убивать, а видеть тот предсмертный ужас, который появляется у жертвы перед гибелью.

Тогда я повернулась к нему, взяла его руки и положила их себе на шею:

- Ты можешь сделать это сейчас. Ну же, сжимай, насладись моментом и брось меня здесь, чтобы ледяная земля поглотила бездыханное тело, - при этом говорила тихо, без лишних эмоций.

Эфин держал свои руки на шее, но не посмел сделать и движения. Он смотрел мне в глаза, боялся нарушить молчание, а спустя пару минут отпустил:

- Ты уже не дрожишь.

- Да, у тебя горячие руки. Поэтому спасибо, что согрел, а не убил.

- Ты со мной играешь, дочь Нитте?

- А разве хищник не любит забавляться с жертвой, прежде чем загрызть ее?

- Нет, Амена. Сейчас я не забавляюсь с тобой, этот момент настанет тогда, когда мы прибудем на мою землю. Тогда ты полностью ощутишь хищника, - и добавил с легкой усмешкой, - на себе, - от этих слов я вздрогнула, сердце участилось, а Эфин почувствовал это и широко улыбнулся, обнажив белоснежные клыки. – Вот теперь ты настоящая жертва, а сейчас пойдем. Уже скоро рассвет, тем более, останавливаться больше не будем.

Мы направились к лагерю, но я очередной раз испытала жуткий страх, поэтому так и не смогла заснуть, дождалась первых лучей, укутавшись в плед. Надо мной извивались ветви деревьев, отчего постоянно дул ветер, трепал волосы, а солнце едва касалось лица, напоминая о том, что этот ночной кошмар закончился.

Эфин приказал всем собираться и двигаться дальше, я же с самого утра чувствовала себя неважно, кружилась голова, и болело все тело, поэтому усевшись на лошадь, боялась только одного - упасть. Спустя несколько часов пути мое состояние стало еще хуже, тогда вспомнила причину столь дурного самочувствия, оказывается мое тело уже два дня без сна и еды. Однако, я не желала показывать вида и продолжала ехать, еще через пару часов мой живот начал болеть так, будто я проглотила горсть

гвоздей и запила их смолой, а перед глазами уже все поплыло. К моменту моего полуобморока мы уже вышли из Тартовых лесов и двигались по дороге, по обе стороны от которой раскинулись обширные равнины, солнце также не щадило, припекало. Я не знала, сколько еще выдержу, но признаваться в своей слабости этому монстру не хотела, оставалось только одно, доехать до телеги и взять что-нибудь из еды у Лумеи. Поэтому развернула лошадь и направилась в ее сторону, правда в этот момент голова закружилась так сильно, что все вокруг завертелось, руки сами отпустили поводья, а дальше наступила темнота.

Очнулась лежа на траве, Лумея прикладывала влажную тряпку к моей голове, солнце слепило глаза, а от жары капли воды на лбу испарялись моментально, мне казалось, что я сейчас дома, лежу в саду и смотрю на небо, но все прекрасные фантазии были развеяны наплывшей тенью подошедшего Эфина. Он велел Лумеи принести воды, а сам сел рядом:

- И что это? Очередной каприз?

- Нет, это не каприз, а всего лишь голодный обморок. Я не ела и не спала пару дней, поэтому и не выдержала. Жаль, что я не сломала себе шею, пока падала с лошади.

- Не ела, значит. Надо же, а я-то думал, что вы крианцы можете держаться на одном только воздухе, – и он засмеялся.

- Не смешно. Это замужество из меня все соки выпило.

Тогда Эфин рассмеялся еще сильнее:

- Вот есть у тебя одна особенность.

- Какая же?

- Ты можешь меня рассмешить, что мало кому удается.

- Знаешь ли! В придворные шуты я к тебе не нанималась.

- Ладно. Давай вставай, тебе надо освежиться.

- Я не могу встать, у меня сил нет.

- Хорошо.

После этого Эфин подхватил меня и куда-то понес, а через минуту я уже летела в реку. Он бросил меня в воду, как какой-то булыжник, при этом, вода была не теплая, а весьма прохладная. Я сидела по пояс в холодной воде, на голове красовался пучок из водорослей, платье промокло насквозь, от чего прилипло к телу и выделило все, что только выделяется на женской фигуре, а Эфин стоял напротив и хохотал.

- Тебе смешно?! Ты взял меня для того, чтобы издеваться?! Да, кто тебе дал такое право? – мои щеки загорелись от злости.

- Твой отец мне дал такое право, – произнес он сквозь смех. – Хотя выбора у него все равно не было.

- А тебя только это и забавляет, власть над чужими душами. Ты чудовище, Эфин!!! – встав из воды, почувствовала себя голой,

тогда загорелось уже все лицо, а руки задрожали. Эфин же перестал смеяться, теперь его лицо изображало далеко не юмор, а мерзкую похоть. – Так лучше?

- Давай выходи, не смущай моих солдат.

Я вышла из воды, по пути сняв с головы водоросли и приклеив их к груди Эфина. После чего направилась к телеге, где нашла свой боевой наряд, в котором тренировалась на поле в казармах. Мы с Лумеей зашли за кусты, и она помогла переодеться, я же вздохнула полной грудью, когда избавилась от этого мокрого платья и самое главное, повесила на пояс свой меч. Кожаный жилет, обтягивающие штаны и высокие сапоги делали меня еще более привлекательной, так как все крианские солдаты сразу же прекращали свои тренировки, когда я приходила в этом одеянии на поле, отчего Минекая начинал кричать на них и качать головой, смотря на меня.

Так и сейчас, выйдя из-за кустов, встретилась взглядом с Эфином. Он смотрел уже иначе, чем когда я сидела в воде, сейчас не было той похоти, а было что-то другое, более настоящее и где-то доброе. Проследовав мимо него с высоко поднятой головой, выбросила мокрое свадебное платье в реку, затем взяла из телеги хлеб и пару диких персиков. Съев их очень быстро, влезла на свою лошадь и стала ждать его действий. Эфин так же оседлал коня и велел двигаться дальше, но на этот раз он поравнялся со мной, а спустя час пути заговорил:

- Теперь ты настоящая. Та, которую я видел там, на поле.

- Я заметила, что ты не привык к прекрасному. У тебя вызывает раздражение и смущение красиво одетые женщины. В каком же хлеву вы живете?

- Понятие прекрасного очень условно. Если ты думаешь, что эти никчемные тряпки делают из тебя очаровательную деву, то ты глубоко заблуждаешься. И потом, я воин номар, нам нет дела до этих ваших крианских штучек. Это вы привыкли ходить в белоснежных одеждах, боясь запачкать ручки землей.

- Абсурд! Крианцы лучшие земледельцы и охотники. Если бы не вы и тумо, то мы могли бы продолжать свое дело. Крианцы превратили Мазарат в огромный и роскошный сад, до вас мы не знали нужды, так как трудились не покладая рук и не боялись запачкать одежды.

- Посмотрим, какие вы земледельцы. По договору мы будем вести с Мазаратом торговлю, а также защищать ваш город до тех пор, пока вы не наберетесь сил и не восстановите свою армию.

- Зачем тебе это? Ты позволишь крианцам вернуть былые силы?

- Не совсем, но это уже не твое дело, так что довольно.

- Правильно все говорят.

- Что говорят? – в этот момент он посмотрел на мой меч.

- Что вы лживые создания и вам нельзя верить, номары всегда были двуликими.

- Да? Интересно. Ты думаешь, вы очень сильно отличаетесь от нас? Не тебя ли хладнокровно отдал отец в лапы такого монстра как я? Не вы ли оставляли сотни своих сородичей на поле боя на растерзание врагу? Либо ты многого не знаешь, либо такая же лживая и бессердечная, как и остальные из Мазарата! Мы никогда не пытались выглядеть высоконравственными и добропорядочными, если номары по своей сущности воины и захватчики, то мы таковыми и остаемся, вы же прикрываете свое истинное лицо. Или ты считаешь, что ваши предки критти были мирными селянами? Они несли за собой смерть, уничтожая все, что им встречалось на пути, и делали они это не из-за крова и пищи, а для удовольствия. Критти сносили города, и только когда им удалось дойти до самого края плато, они остановились, но ненадолго.

- Ты врешь!

- Нет, это чистая правда. Номары за несколько веков мало изменились, мы не изменяем своим законам и правилам. А вот критти распались, оставив часть своего народа на том плато, точнее они не оставили их, а бросили на погибель. Но те выжили и назвались крианцами, потомками Великих! Хотя звучит это так же смешно, как и то, что Нитте достойный Правитель Мазарата.

- Я не верю тебе. Ты пытаешься втоптать в грязь историю моего народа. Мой отец отдал меня, чтобы сохранить жизни остальных. Одна жизнь за сотни.

- Так ты себя в смертницы записала? Что ж, оно и к лучшему, не будешь лелеять излишних надежд.

После этого разговора отстала от него и ехала позади, он впадал в тихую ярость, когда слышал, что я не считаю себя его женой, а вижу лишь мрак рядом с ним. Но иначе я не могла, Эфин олицетворение всего низменного, в нем сошлись потоки ненависти, злости и презрения. Радость в нем вызывали муки других, он смеялся над болью, над страданиями и не видел света, ибо его душу поглотила тьма.

К вечеру мы сделали привал, номары отправились в небольшие перелески, чтобы поймать кого-нибудь на ужин, а Эфин сидел подле коня и смотрел куда-то вдаль. Я же не хотела просто сидеть и ничего не делать, поэтому отправилась к большому дереву, что росло далеко в поле, добравшись до него, забралась на вершину и осталась там. Эти гигантские деревья символ величия Скайры, они одиноки, стоят посреди бескрайних

равнин веками и хранят тайны нашей земли. Нам рассказывали о них. Старейшины говорили, что эти деревья есть глаза и уши Скайры, что они общаются и передают мысли друг другу. Вот если бы услышать хоть одну тайну и познать их величие, но с нами великаны безмолвны. Я устроилась в чаше этого гиганта и решила поспать, так как без сна вряд ли удастся добраться до конечного пункта. Пока не заснула, смотрела на небеса, что проглядывали сквозь крону, на звезды, которые подобно Аматтиновым камням рассыпались по лиловому небу. Сейчас мне было спокойно как никогда, поэтому закрыв глаза, немедленно устремилась в руки Сифеи, той, которая правит миром сновидений. Пока спала, то поначалу ощущала жуткий холод, но спустя какое-то время мне стало невероятно тепло, словно мое тело накрыли несколькими одеялами, так хорошо давно не было, так как все, что оставалось в Мазарате - это ждать ссудного дня, но когда все свершилось, я почувствовала облегчение, а сегодня ночью и вовсе ощутила себя Карапэллой парящей в небесах.

Наутро меня разбудило ржание лошади, которая стояла рядом с деревом, привязанная к его ветвям, а через ее шею был перекинут мешок. Спустившись, заглянула туда и нашла несколько корней Такупа и небольшой глиняный кувшин с водой. Когда перекусила, то оседлала кобылу и поскакала к лагерю, все номары уже сидели на земле в ожидании, а Эфин стоял около своего коня:

- Ну что, прекрасная дева? Теперь нам можно отправиться в путь?

- Могли бы отправиться и без меня, я бы не обиделась.

Тогда Эфин усмехнулся, влез на коня, и мы двинулись дальше. Получается, он ждал, когда я проснусь, так как солнце стояло уже высоко, что ж, благородно с его стороны. После этой ночи ощутила прилив сил, мне было так тепло и хорошо там, на дереве, что все дурные мысли отступили, как и дурное самочувствие.

Впереди виднелись скалы, когда мы добрались до них, то должны были пройти по узкой тропе, по правую сторону от которой красовался обрыв в сотни метров, чье дно окутал туман, прикрывающий заостренные каменные пики. Прежде чем ступить на эту тропу Эфин распорядился переложить все вещи на свободных лошадей, а телегу оставить, далее мы должны были идти пешком, так как тропа оказалась слишком узкой. Я никогда не боялась высоты, но здешний завывающий ветер, леденящим ужасом оседал в голове, Эфин понял это и подошел ко мне:

- Если боишься, можешь идти рядом со мной.

Мы с Лумеей выстроились сразу за ним, остальные шли

позади, ведя за собой лошадей, камни осыпались вниз и исчезали в сером тумане. Идти пришлось медленно, мешал ветер, не позволял ускориться. Спустя полчаса у Лумеи начала кружиться голова, она слишком часто смотрела вниз. Я чувствовала, как ее рука начинает дрожать, а в глазах появляются слезы, она хотела остановиться, вернуться, но никак не идти дальше.

- Амена? Я больше не могу, прошу… - она дергала меня и шепотом просила остановиться.

- Держись, нам осталось не так много. Сейчас нельзя останавливаться.

Но еще через несколько минут у нее началась паника, она зарыдала и потребовала вернуться назад. Эфин пытался сдерживаться, но вскоре это ему надоело:

- Успокой свою служанку, или я ее собственноручно отправлю в полет! – он повернулся и слегка подтолкнул меня к ней.

- Эфин! Она боится, если ты будешь угрожать, то сделаешь только хуже.

- Ничего страшного, значит останешься без служанки!

Но как только я хотела обнять Лумею, как она ступила на самый край и ее нога соскользнула. Я успела схватить бедняжку за руку. Номары остановились, и ни один не пришел на помощь, я же смотрела на Эфина и кричала ему, чтобы помог, но он стоял неподвижно и повторял:

- Брось ее! Брось!

- Никогда! Лучше я отправлюсь за ней, чем вот так.

- Отправляйся, тогда мы вернемся в Мазарат и начнем убивать.

Я с трудом дотянулась другой рукой до своего меча, вытащила его и всадила в расщелину посреди тропы, затем, держась за него, пыталась вытянуть Лумею, но руки постепенно соскальзывали, тогда я предприняла последнюю попытку и потянула, что было сил. Лумея схватилась за торчащие камни по краю, после чего все же удалось ее вытащить. Мы встали, прислонились к скалистой стене, и обе закрыли глаза, пытаясь отдышаться. А когда она успокоилась, я посмотрела на Эфина и произнесла сквозь зубы:

- Ненавижу тебя. Ты никогда не познаешь ни капли моего уважения к себе!

- Не горячись, – он был спокоен как никогда. - Это твой первый урок, хотя поступок весьма глупый. Надо было бросить ее.

- Конечно, это же в твоих правилах. Как только эти номары тебе доверяют?! Стоит им немного оступиться, ты же их сам лично подтолкнешь!

От этих слов Эфин разозлился и, схватив меня за руку,

подтащил к краю обрыва.

- Хочешь туда? Хочешь?! Стоит мне разжать пальцы, как ты окажешься на самом дне в мгновение ока!

Пока он держал меня над обрывом, сильный ветер трепал волосы, не давал нормально вздохнуть. Но я не растерялась, пока Эфин сконцентрировался на своем гневе, аккуратно вытащила меч и попыталась всадить в него, но одним движением он развернул меня и спиной прижал к себе, удерживая руку, в которой было оружие.

- Думаешь, меня так просто убить? – он шептал на ухо. – Ошибаешься, я предвижу каждый твой детский шажок, контролирую каждый взгляд и каждый вздох, поэтому убери свой шедевр в ножны и иди дальше.

Отпустив меня, он сразу же отвернулся и пошел вперед. Остальные также двинулись за ним. Мы добрались до земли еще через час и остановились. Эфин начал прислушиваться к чаще леса, которая раскинулась впереди, он подал знак своим воинам рассредоточиться, после чего номары разошлись и затаились. Я же стояла в центре, держа за руку Лумею, но вскоре отпустила ее и подошла к краю леса, навострив уши, там, в глубине, что-то наблюдало за нами, и когда попыталась всмотреться в темноту, то увидела, как какое-то существо несется прямо на нас, оно выпрыгнуло из кустов и встало напротив. Эфин немедля проследовал в мою сторону, крича остальным, что мы попали в засаду:

- Стая Карукков! Обходите их, не давайте остальным выйти из леса!

Номары вступили в схватку с монстрами, но тот, что выскочил, был крупнее остальных. Эфин медленно подошел ко мне и тихо сказал:

- Это вожак. Лучше не шевелись, – и он вышел вперед, параллельно вытаскивая свой меч.

Карук увидел оружие и немедля зарычал, на что Эфин ответил таким же рычанием, оскалив клыки. Они ходили по кругу, не давая сделать друг другу и шага вперед. Но Карукки очень хитры, поэтому этот зверь проделал обманный маневр, оббежал Эфина и бросился в мою сторону, тогда номар резким движением схватил его за гриву и отбросил назад, однако Карук не успокоился, он только больше рассвирепел, отчего снова пошел в атаку. Теперь его целью была не я, а Лумея, которая отбежала от нас и стала открытой мишенью. Тогда я также вытащила меч и преградила путь монстру, но сейчас Эфин не остался в стороне, он поравнялся со мной:

- Держи его по правую сторону и веди на меня!

- Хорошо.

Постепенно наступая вперед, отталкивала Карукка от Лумеи и направляла в сторону Эфина. Но хищник все прекрасно видел, поэтому, остановившись на секунду, громко зарычал и бросился на меня, я попыталась увернуться, но почувствовала касание его лапы на боку. В этот момент Эфин прыгнул на него сверху, и, зажав шею одной рукой, второй вонзил меч тому между ребрами по самую рукоятку. Только тогда Карук остановился, но он не думал сдаваться, поэтому еще некоторое время пытался вцепиться клыками в своего наездника. Эфин же вытащил из пояса черный нож, обмазанный ядом, и всадил зверю в шею, на этот раз лесной хищник пошатнулся, а затем упал. Эфин еще какое-то время сдавливал его шею, и только окончательно удостоверившись в том, что тот мертв, отпустил и поднялся на ноги.

Я же стояла и не могла пошевелиться, но как только Эфин поднялся, то сразу же подошел:

- Ты ранила Карукка?

- Нет, – я отвечала куда-то в пустоту, так как не могла отвести глаз от этого гиганта, лежащего на земле.

- Тогда откуда кровь?

- Что? Кровь? – только сейчас, переведя взгляд на Эфина, поняла, что что-то не так.

На моем боку красовался ровный разрез, из которого сочилась кровь, стекая по ногам на песок.

- Вот Десять стихий мне на голову! – крикнул Эфин, после чего взял меня на руки и усадил около скалы.

Номары к тому времени отбили наступление стаи, а оставшиеся в живых хищники ушли вглубь леса.

Он приказал своим воинам найти родниковую воду и развести костер, Лумее же было приказано найти чистую ткань.

- Ты как? Живая?

- Назло тебе, – я усмехнулась, почему-то совершенно не чувствовала себя умирающей, хотя крови становилось все больше, а ногти на руках постепенно бледнели.

- Ты не воин, ты просто глупая самка в одежде воина!

- Так зачем тебе такая самка? Оставь меня, и разойдемся мирно, ты к себе, а я в мир иной.

- Ну, уж нет! Ты еще не отдала мне свою честь, чтобы вот так уйти.

Пока мы говорили, он развязал жилет, снял его с меня, обнажив место ранения, затем взял принесенную ткань, смочил в горячей воде и смыл кровь, после чего раскалил свой меч и сказал:

- А теперь лучше закрой глаза!

И в одно мгновение прижег рану, по телу раскатилась невыносимая боль, от которой я успела лишь зажмуриться и завыть, как раненый зверь. Когда Эфин убрал меч, то снял со своей шеи какой-то флакон и полил его содержимым мне на рану, после попросил Лумею перевязать. Она наложила повязки, дала мне немного воды и укрыла одеялом, а Эфин подошел к мертвому Карукку. Что было дальше, уже не помню, в глазах потемнело и все, я отключилась.

Когда проснулась, то увидела номаров, сидящих вокруг костра и поедающих мясо того, кто зажаривался на вертеле, долго угадывать не пришлось - это был убитый Эфином хищник. Лумея также сидела, но намного дальше от них, и ела выделенный ей кусок мяса, но как только увидела, что я пришла в себя, немедленно подошла:

- Амена? Ты как? Принести воды?

- Нет, спасибо. Где Эфин?

- Он взял шкуру зверя и куда-то ушел с ней, его нет уже давно. Давай я принесу тебе немного поесть? Эти хищники оказывается вкусные.

- Хорошо, - я улыбнулась и сжала ее руку в благодарность.

Когда же Лумея принесла немного мяса на большом листе, и я хотела взять кусочек в рот, то увидела только подбегающего Эфина, который одним движением отбросил листок с едой в сторону.

- Ты что?! Смерти хочешь?! – он сел напротив и забрал из моей руки тот несчастный кусочек. – Тебе нельзя есть это, я обработал твою рану противоядием от когтей Карукка, если съешь хотя бы кусок, то умрешь от отравления в считанные секунды! Тебя, видимо, ни на минуту нельзя оставлять одну! – затем его гнев обратился на Лумею. – А от этой никчемной служанки вообще никакого толка, только вред. Сначала затеяла истерику, потом отошла от нас в момент нападения, а сейчас снова! - после чего он схватил ее за волосы и прорычал сквозь зубы. – Еще одна ошибка и я привяжу тебя к дереву на радость хищникам! Поняла?!

- Да. Простите меня Эфин, – она начала плакать и прикрывать лицо руками.

Тогда он ее отпустил, и Лумея убежала в другой конец, а я не выдержала:

- Что с тобой такое?! Тебе не над кем издеваться? Она лишь несчастная девушка, на плечи которой выпала такая ужасная участь!

- Если бы не она, то многих проблем можно было бы

избежать! Здесь нет места девичьим капризам и истерикам, оступишься и все, смерть!

- Твоя жестокость не знает границ, она и так напугана, зачем причинять ей еще и боль? Все, с меня хватит! – я попыталась встать, но тут же ощутила сильную боль, а повязка окрасилась кровью.

- Куда?! Немедленно сядь! – Эфин снова усадил меня и начал разматывать ткань, чтобы взглянуть на рану. - Если все разошлось, то придется снова прижигать.

- Ну и хорошо, тебе же нравится причинять боль, вот и насладишься очередной раз.

- Тебе надо было не только рану прижечь, но и рот. Сиди смирно и не двигайся.

Он отвернул часть ткани, которая прикрывала само ранение, и посмотрел, затем направился к своему коню и что-то достал из мешка, висящего на седле.

- Что это? – спросила я.

- Заживляющая мазь, мы ее готовим из трав. А теперь не двигайся.

Эфин взял немного этой дурно пахнущей гадости и начал наносить на рану, отчего я вздрогнула и немного съежилась.

- Больно? – Эфин поднял глаза и посмотрел на меня гораздо мягче.

- Нет, твои руки, они холодные, – я слегка улыбнулась, но тут же отвела взгляд.

Не знаю, что я чувствовала в тот момент, пока Эфин обрабатывал рану, но точно не ненависть и презрение, скорее благодарность за помощь. Ведь это не легко для него, ему приходится нянчиться со мной в то время, как он должен быть жестоким и хладнокровным. Однако я уже не раз улавливала нотки добра в его глазах, хотя это лишь мимолетные импульсы и не более того. Просто сейчас я не отгоняла его от себя, не критиковала его сущность и не показывала неприязни, поэтому Эфин и выглядел спокойным. Когда он забинтовал меня, то сел рядом, облокотившись на каменную стену, а другой номар принес ему еды и снова удалился на свое место.

- Они слушаются тебя беспрекословно? – Я повернула голову в его сторону и с завистью посмотрела на дымящийся кусок запеченного мяса.

- Да. Кстати, если хочешь есть, то могу предложить корни Такупа, – после этих слов он подозвал своего воина и приказал принести их. Тот немедленно исполнил приказ и положил рядом со мной эти корни. – Вот, держи. – Эфин передал их мне в руки. – Это все, что пока ты можешь съесть.

- Спасибо, – я разорвала корень и начала понемногу вытаскивать из него содержимое.

- Ты благодаришь меня? – Эфин усмехнулся.

- Ты спас мне жизнь, два раза. Так что, да, я благодарю тебя. Только не пойму одной вещи.

- Какой же?

- Для чего ты пришел именно за мной? В Мазарате масса девушек. Вряд ли ты так сильно желал породниться с моим отцом. И разве не нашлось красивой самки номаров для Правителя? Ты же изначально прибыл в Мазарат с другими условиями.

- Слишком много вопросов, болезнь делает из тебя весьма надоедливую особу.

- Но хотя бы на часть вопросов ты можешь ответить?

- Что ж, во-первых, с твоим отцом я точно не хотел родниться и, во-вторых, среди самок номаров нет подходящей мне. Ты же видишь, как выглядят остальные. На этом мои ответы закончились, – и он замолчал.

- Почему же вы с братом так не похожи на остальных?

Но Эфин больше не ответил, доев свой ужин, он встал и направился к огню. Я же осталась на своем месте и, отложив корни в сторону, решила поспать. Ночь была теплой, в лесах царила тишина. Удалось очень быстро заснуть, на этот раз я не испытала того тепла, какое было там, на дереве, но это не испортило сна.

С наступлением утра в воздухе повисло множество капель воды, они покрывали все и вся, мое лицо и волосы были мокрыми как после купания, я стянула с себя одеяло и стерла им воду с лица, затем решила посмотреть на рану, медленно развернув ткань. На боку красовался большой и свежий шрам, но ни крови, ни красноты на коже не было, видимо, та мазь, что использовал Эфин, сделала свое дело. Поэтому вернула повязки на место и решила встать. Держась за выступы на скале, медленно привстала, в боку все еще ощущалась сильная боль, но кровотечения не открылось, так что, завершив свой подъем, качаясь, подошла к кувшинам, затем налила в чашу воды и хотела попить, но заметила Эфина, он проснулся и сел около своего коня. Захотелось хоть как-то отблагодарить его. Прихрамывая, направилась к нему, чтобы предложить воды, но он не стал ждать и подошел сам:

- Зачем встала? Рана может снова открыться.

- Я ее осмотрела, она выглядит значительно лучше благодаря твоим травам, так что нет повода для беспокойства.

- Но ты могла бы свою служанку попросить, к чему самой

идти, тем более ковыляешь подобно слепому старцу.

- Не хотела будить ее, тем более, собиралась отблагодарить тебя.

- Как же? – он недоверчиво посмотрел на меня и улыбнулся. – Заколоть, пока я сплю?

- Да, нет же. Вот… – я протянула ему чашу с водой. – Хотела принести тебе воды. Можешь не переживать, она не отравлена. Если надо, могу испить первая.

- Не надо. В любом случае, если ты отравишь меня, то не доживешь и до полудня, так что давай.

Он взял чашу и поднес ее к губам, а я смотрела не него, не отрывая глаз. Что же это? Неужели крианка Амена больше не ненавидит номара Эфина, который сломал ей жизнь? Поймав себя на мысли, что мне где-то в глубине души даже нравится его дикость, почувствовала, как кровь прилила к лицу, поэтому очнулась и быстренько отвернулась от него. Он все это видел, но ничего не сказал, только усмехнулся в очередной раз. Выпив половину, Эфин вернул мне чашу:

- Держи. Пей, если только тебе не противно.

Не сказав ни слова, взяла чашу из его рук и выпила оставшуюся воду, после чего хотела идти к Лумее, но Эфин приостановил меня:

- Мы очень медленно двигаемся и совершенно отступили от плана. С такой скоростью нам еще два дня придется идти, так что запасись терпением. Если рана будет беспокоить, скажи, я знаю некоторые травы, которые на время снимают боль.

- Хорошо, – он уже собрался уйти, но я спросила. – Что нам еще предстоит? Где придется идти?

- Следующий привал будет у реки.

- И как долго до нее?

- К вечеру прибудем.

Спустя час мы выдвинулись в путь, день обещал быть очень жарким, поэтому старались ехать через леса, где сохраняется хоть какая-то прохлада. Меня удивляло, как ведут себя номары воины, они, абсолютно молча, выполняли все, что им скажет Эфин, стоило только остановиться, номары сразу же садились на землю и ждали разрешения встать или пойти на охоту. Мне кажется, они могли бы даже прыгнуть с утеса, если Правитель им прикажет. Так и сейчас, несколько номаров продолжали двигаться по жаре, их латы практически плавились под палящими лучами солнца, а из-под шлемов струился пот, капала слюна, но они не произносили ни звука. Эти существа походили на зверей, все в шерсти, с огромными клыками, уродливыми лицами, но вели себя лучше любого разумного воина, видимо, это их особенность -

беспрекословное подчинение и исключительный авторитет вожака. Я даже боялась представить, что может случиться с одним из них, если он ослушается приказа.

В подобных мыслях и рассуждениях самой с собой провела еще несколько утомительных часов пути, рана потихоньку начинала ныть от попадающих в нее капель пота, но я не хотела так быстро сдаваться и мчаться к Эфину за лекарством, поэтому набралась терпения. К полудню солнце совсем перестало щадить нас, на небе не было ни облачка, отчего все нагрелось так, что было больно касаться лошадиной упряжи и даже кожаной одежды. Боль продолжала нарастать, а я продолжала ее терпеть, но ближе к вечеру уже не осталось на это сил, поэтому подъехала к Эфину:

- Могу я попросить у тебя тех трав, что снимают боль?

- Заболело только сейчас? – он говорил со мной, продолжая смотреть вперед.

- Да, – я не стала рассказывать правду, иначе этот номар опять обвинит в том, что я бестолковая самка.

Тогда он достал из своего мешка небольшой сверток и передал мне.

- Возьми совсем немного, одну щепотку.

- А что будет, если возьму больше?

- Ты когда-нибудь напивалась так, что ноги тебя не держали, а руки тебя не слушались?

- Нет.

- Вот тогда возьми только щепотку.

Конечно, он как всегда прав и надо бы его послушать, но боль была настолько сильной, что я все-таки взяла немного больше, желая скорейшего действия. Запив водой этот порошок, стала ждать. Через несколько минут боль значительно ослабла, я вздохнула с облегчением, хуже себя чувствовать не стала, поэтому расслабилась и продолжила путь. А уже через час мы добрались до реки, что текла в начале леса. По одну сторону были мы, а по другую раскинулись густые и темные джунгли, от которых мурашки ползли по коже, но я стала замечать, что эти мурашки ползут не только из-за пугающего леса, а из-за всего, что встречаю по дороге. Возможно, это порошок оказывает такое влияние? Пока пыталась сосредоточиться на своих ощущениях, Эфин приказал остановиться и разбить лагерь. Мы слезли с лошадей, часть номаров разбрелась по лесу в поисках хвороста и еды, остальные же сидели вокруг будущего костра, а я с Лумеей устроилась у большого дерева. Мне на тот момент стало так хорошо, что хотелось танцевать, правда, постоянный контроль со стороны Эфина не позволял этого сделать. Тогда начала громко

разговаривать с Лумеей:

- Вот ты мне скажи! Зачем мы здесь?

- Госпожа? Амена? Что с вами? – она говорила шепотом, так как смотрела на Эфина и боялась того, что он снова обвинит ее.

- А я скажу тебе, зачем! Я здесь, чтобы удовлетворять всю похоть вон того создания! – и указала пальцем на Эфина. – Он будет использовать меня всю оставшуюся жизнь, а мой отец будет всю оставшуюся жизнь просыпаться в своей теплой постели и идти в сад, чтобы подышать утренней прохладой и теми самыми цветами, которые я посадила в детстве! Где справедливость Лумея?! Где?! Там должна была быть я! Должна была вставать и идти в казармы, чтобы потренироваться с Минекая! – после этих слов из глаз полились слезы.

Эфин видел и слышал все, что я делала и говорила, он постепенно начал раздражаться, так как номары тихо переглядывались между собой.

- Амена? Прошу вас, говорите тише, – Лумея все еще пыталась успокоить меня, но я уже разошлась.

- Не надо меня успокаивать! Я хочу сказать все, что у меня накипело в душе, – затем встала и вольной походкой направилась к Эфину, он стоял неподвижно, но глаза его уже горели. – Эфин? Можно у тебя спросить? Мне как лучше называть тебя? Хозяин? Или быть может Пожиратель душ?

- Амена! Лучше замолчи. – Эфин еле сдерживался.

- Ладно. Значит Хозяин! А скажи мне Хозяин?! Ты кусаешься в постели или может быть, царапаешься, а может, и вовсе хватаешь самку за гриву и держишь, пока не закончишь свои грязные дела?!

После этих слов сидевшие номары тихо засмеялись, и вот тогда Эфин уже не выдержал:

- Все! Хватит! Пора тебе снова искупаться!

И подхватив меня на руки, пошел в направлении реки.

- Куда ты меня тащишь, проклятый зверь?! – я снова расплакалась. – Хочешь привязать к дереву, утопить или еще лучше - изнасиловать?! Это же в твоих традициях!

Он нес, молча, а как только дошел до реки, то спустился вместе со мной, после чего поставил меня и несколько раз окунул в холодную воду. После пятого погружения я начала приходить в себя, но голова все еще кружилась, вода попадала в нос, глаза, уши, от казалось, будто сейчас утону. На шестой раз он поставил меня напротив и закричал:

- Еще хочешь?! Я спрашиваю, тебе достаточно?! – Эфин тряс меня как тряпичную куклу, но мне было все равно, так как сейчас хотелось только одного, опуститься под воду и сделать глубокий

вдох.

- Нет! Не достаточно! Опусти меня и держи столько, сколько потребуется, только тогда я замолчу и перестану ненавидеть тебя!

Мои волосы были везде, на плечах, на лице, на шее, вода стекала с них и возвращалась в реку. Капли падали с ресниц, носа, губ и подбородка, в этот момент на душе стало так легко, что захотелось закрыть глаза. Эфин тоже вымок, он стоял напротив и держал меня за плечи.

- Для чего ты это делаешь? Как ты смеешь позорить меня перед солдатами?!

- А ты все о своем, - неожиданно гнев прошел, тело обмякло. - Разве в мире больше ничего не существует кроме власти и подчинения? – я осторожно убрала его руки со своих плеч и прикоснулась к его лицу. – Эфин. Помнишь наш первый поцелуй?

- Да ты не в себе! Сколько ты съела того порошка? – взгляд черных взгляд блуждал по моему лицу.

- Плевать на порошок. Сейчас мне гораздо лучше, лучше чем когда бы то ни было. В голове все так ясно, а в душе легко и свободно. Ответь. Ты помнишь? – я перешла на шепот.

- Помню.

- И тебе в тот момент хотелось убить меня? Как там, в казармах?

- Нет. – Эфин явно растерялся, и его руки опустились в воду.

- А чего тебе хотелось? – я продолжала касаться его лица, проводя пальцами по щекам, губам, носу.

- Неважно. Для тебя все равно я монстр, который кусается, царапается и держит самку за гриву, - его голос звучал уже значительно тише.

Но, как только он замолчал, я подошла к нему еще ближе и, наклонив к себе, поцеловала. Поцеловала по-настоящему, как это делают влюбленные. Эфин не смог сопротивляться, поэтому аккуратно обхватил меня за талию. Не знаю, зачем я это сделала, но желание было непреодолимо. Наш поцелуй длился вечность, по крайней мере, мне так показалось, возбуждение тогда прокатилось по всему телу, остановившись где-то внизу живота, я прижалась к нему и обняла за голову. Его же сердце явно хотело выпрыгнуть, Эфин убрал с моего лица волосы и постепенно его губы спустились к шее, а я уже не чувствовала холодной воды, внутри все горело ярким пламенем. Хозяин посадил меня к себе на руки, а я обхватила его ногами. Эфин вышел на берег и мы опустились на траву, его руки постепенно спускались к шнуровке на жилете, но когда он хотел его снять, я резко открыла глаза и что-то в моей голове изменилось. Видимо действие порошка подошло к концу, разум просветлел. Я поняла, что надо мной

сейчас этот зверь, который вот-вот разденет, в итоге начала отталкивать его от себя:

- Нет! Нет! Слезь с меня!

- Что?! – Эфин остановился и смотрел с недоумением. – Почему?

- Я вовсе не собиралась с тобой здесь… - но сказать боялась, было такое чувство, будто очнулась в неизвестном месте с неизвестным существом, которое хотело взять меня.

Тогда Эфин все понял, он поднялся и сел в стороне.

- Дьявол! Вот я идиот! Порошок. Всего лишь этот проклятый порошок! В ясном уме ты бы и не подошла…

Я вдруг увидела смятение и разочарование, а еще боль, которую сейчас испытывал Эфин. Он встал, подал мне руку и помог подняться. Мне же хотелось провалиться сквозь землю, так как чувствовала стыд и угрызения совести за все случившееся и за то, что дала ему ложную надежду.

- Эфин. Прости, - но он перебил.

- Замолчи. Замолчи и иди в лагерь, надеюсь, сама дойдешь, не заблудишься. Я останусь здесь.

- Но?

- Иди. – Эфин сказал это сквозь зубы и вошел в реку, после чего нырнул и исчез в черной воде.

Я же ощутила себя ничтожеством и не могла понять почему, ведь презираю его. И как я могла так опозориться? Если бы не травы, то ничего бы и не случилось, теперь Эфин не даст мне спокойной жизни, унизив его перед воинами, оскорбив сейчас, не знала, что можно еще сделать, чтобы уже просто умереть. Возвращаясь в лагерь, не замечала ничего, казалось, будто меня наполовину поглотила трясина и я не могу выбраться из нее, поэтому вынуждена ждать медленной и мучительной смерти. Но больше всего не могла понять того, как вообще захотела его поцеловать? Неужели, где-то в самых потаенных уголках души мне он все же нравится? Эфин не такой как остальные номары, совсем не такой, он практически как я, за исключением цвета кожи. Он красив, высок, очень строен и мужественен, быстро и четко принимает решения, а главное это глаза, в которых можно утонуть, черные блестящие глаза. Когда его руки касались меня, то по телу пробегали тысячи разрядов, голова начинала кружиться, а губы желали его целовать! Что же это?

Добравшись до остальных, медленно прошла к Лумее и села рядом, она смотрела на меня испуганными глазами, а спустя минуту спросила:

- Что он с вами сделал? Неужели ударил?

- Нет, он не бил меня, – я закусила губу и не знала, что

сказать еще.

- Пока вас не было, номары постоянно переглядывались и усмехались. Такое ощущение, будто они знали, что там происходит между вами, - прошептала служанка.

- Возможно, и знали, у них хороший слух. Произошло нечто ужасное. Я выпила слишком много порошка, отчего вскружило голову. И сейчас мне очень стыдно, не знаю, как буду теперь смотреть Эфину в глаза.

- А где он?

- Не знаю. Я уже ничего не знаю, – сейчас у меня дико болела голова, хотелось только спать.

Устроившись рядом с Лумеей, накрылась одеялом и закрыла глаза, уснуть удалось не сразу, но как только сон взял свое, почувствовала, что улетаю прочь, в никуда. Постепенно все приобретало очертания, пустота превращалась в плавно текущую реку, появились небеса, в них сияло солнце. Мои ноги касались шелковой травы и цветов, но уже через секунду все снова поменялось, я уже была на том дереве, а рядом со мной лежал он. Эфин проводил рукой по моему лицу, шее, груди, ногам, в этот момент почувствовала, что сердце замерло, все тело бросило в жар, и я проснулась.

Вокруг царила ноь, все спали, кроме Эфина, его до сих пор не было, и конь продолжал ждать своего хозяина, он рыл лапами землю, бесконечно фыркал, разматывал головой. Не знаю зачем, но решила подойти к нему, успокоить или просто погладить по гриве. Эти лошади были дикими и опасными, слушались только одного хозяина, но мне стало жаль его, поэтому встала и тихо подошла к зверю. Мы встретились глазами, конь перестал рыть землю, он стоял смирно, не проявляя ни капли агрессии, в его взгляде читалось смятение, видимо, он первый раз остался на ночь без своего хозяина. Удивительно, что такие жуткие монстры способны переживать, бояться и грустить. Я протянула руку и положила ему на гриву, он немного вздрогнул, но не отстранился, затем взяла в другую руку поводья и потянула их вниз, чтобы уложить коня на землю, сначала он сопротивлялся, но потом все же лег, а я села рядом, как это обычно делал Эфин. Этот огромный зверь не скалился, не рычал, он тихо лежал, казалось, что ему стало спокойнее и теплее. Кто знает, может вовсе и не лошадь грела своего хозяина, а наоборот, возможно таким, на первый взгляд, злобным хищникам нужно значительно больше ласки и любви, чем остальным? Дыхание успокоилось, он прикрыл глаза и задремал, а я легла головой на его гриву, теперь и мне стало лучше, мы дали друг другу то, в чем сейчас каждый из нас нуждался больше всего. Конь ощутил тепло и избавился от

одиночества, я же обрела спокойствие, так оба проспали до самого утра, нас разбудил Эфин. Он подошел, взял поводья и громко сказал:

- Что ты здесь делаешь? У тебя что, своей лошади нет? – затем обратился к остальным. – Подъем, нам пора в путь. Сегодня к полудню должны добраться до дома.

Номары немедленно встали и начали собираться, а я продолжала смотреть на Эфина, хотела понять его настроение, но он быстро отвернулся, поправил седло на лошади и увел ее в сторону. Да, Эфин был не в духе, не хотел разговаривать, даже не смотрел в мою сторону. Что ж, я заслужила такое отношение, поэтому не приставала к нему, не извинялась и просто не мешала. Мы с Лумеей быстро сходили к реке, выполнили утренний туалет и вернулись обратно, нас уже ждали. Оседлав своих лошадей, двинулись в путь.

Я ехала позади, так как не имела ни малейшего желания встречаться с ним глазами, Лумея также молчала, все погрузились в тишину. К счастью сегодня не было жары, дул прохладный ветер, мы двигались вдоль реки, поэтому до нас долетали капли воды. Моя рана уже не болела так сильно как вчера, видимо сказался излишний порошок, так что ничего не доставляло неудобств, кроме мыслей и воспоминаний. В голове то и дело рисовался прошлый вечер и все произошедшее у реки, я не знала, о чем думает Эфин, но он тоже погрузился в размышления. Возможно, сейчас он ненавидит меня, возможно, размышляет о том, как будет портить мою жизнь, и наверно, мне бы стоило бояться его как раньше, но того страха уже не было. После всех событий: нападения, ранения и особенно тех, что произошли ночью, я уже не могла бояться Эфина, он жесток, груб, но как только что-то случается и мне нужна его помощь, он меняется, вся грубость и жесткость куда-то пропадают, на их место приходит забота. А в момент нашего поцелуя Эфин и вовсе переменился, став нежным и словно любящим. Может быть, то, что он выбрал именно меня, это не только желание потешить свое самолюбие и причинить боль врагу, это еще и его личное желание, связанное с какими-то чувствами. Однако, в любовь с его стороны я не верю, в душе Эфина еще слишком много ярости, которая порою неуправляема, он все еще может и желает причинить страдания, сделать больно и насильно склонить к своим ногам. Я же крианка, а мы не созданы для такого обращения, мы должны быть вольны в принятии решений. Конечно, в дела своих мужей женщины не лезут, но своей жизнью они распоряжаются сами и авторитет жены и матери в семье непоколебим. А Эфин желает только подчинения, он не признает

равенства, что изначально превращает женщину в рабыню. Номары совершенно другие, у них иные традиции, законы и устои, поэтому смириться с ними означает сломать себя и жить каждый день, будто в кошмарном сне. Я не смогу так, а значит, буду сопротивляться до тех пор, пока он не покончит со мной. Даже, несмотря на возложенные, на меня обязательства, все равно не смирюсь с такой жизнью. Кто знает, может быть, когда-то в Эфине проснется совесть, и он отпустит меня?

Спустя несколько часов пути впереди стали появляться деревянные столбы с надписями на них, причем слова были написаны кровью, это могло означать только одно, мы прибыли на земли номаров. Вдоль дороги раскинулись выжженные луга, посреди которых все еще дымились затушенные костры, а небо заволокло серыми тучами, или это был дым. Страсть номаров к разрушениям доводила до отчаяния, они уничтожали все живое, стремясь жить в окружении мертвой земли.

Пройдя еще несколько километров, показались черные ворота, на которых висело множество скелетов и черепов. Воины часовые, увидев своего вожака, засуетились и стали что-то кричать, а через минуту ворота отворились, к нам навстречу вышел Фарон. Эфин спустился с лошади и подошел к брату, они крепко обнялись, Фарон хлопал его по плечу и спрашивал о чем-то, я же находилась в самом центре вереницы и, опустив голову, не смела показать лица. Мне хотелось слиться с остальными, стать невидимкой, чтобы не показываться на глаза Фарону и другим номарам, которые находились за теми воротами, но Эфин подошел ко мне, взял лошадь под уздцы и вывел вперед, показывая брату то, зачем проделал такой долгий путь.

- Вот она! Амена, дочь Нитте! – Эфин улыбался и смотрел на брата.

- Надеюсь, ты сделал правильный выбор. – Фарон нехотя улыбнулся и с отвращением взглянул на меня.

- Я уверен в этом. Ну! Как обстоят дела здесь? Ничего не случилось, пока я отсутствовал.

- Все спокойно, так что ты мог бы еще столько же бродить по лесам в сопровождении своей самки. Она уже порадовала тебя? – тогда Фарон подпрыгнул и ухватил брата за шею.

- Хватит Фарон, не смущай нашу гостью, – и Эфин с укором в глазах посмотрел на меня.

Я же чувствовала себя ужасно, они потешались, но это лишь малая толика того, что еще предстояло вынести. Братья шли впереди, а мы двигались за ними, в момент, когда въезжали в ворота, в нос ударил запах мертвечины и гнили. Когда же подняла голову и посмотрела по сторонам, то увидела множество

палаток из шкур, одни больше, другие меньше, они выстроились в ряды и из них периодически выходили номары. В округе не было ни одной травинки, не говоря о деревьях или кустарниках, сплошная черная земля, на которой местами лежала солома, а местами блестели лужи грязи, источая зловоние. Деревня была обнесена частоколом, на стенах которого сушились шкуры только что освежеванных животных, на земле лежали останки этих несчастных, окруженные мухами, а недалеко от тех мест играли маленькие детеныши номаров, они катались по грязи смешанной с кровью и постоянно дрались между собой. На минуту мне стало дурно, но я справилась, а иначе рисковала упасть, оказавшись на земле, пропитанной всевозможной заразой. Неужели мне придется здесь жить? Если так, то я отправлюсь к Скайре значительно быстрее, чем рассчитывала, Лумея также пребывала в глубоком шоке, она съежилась и боялась поднять взгляд. Я же взяла ее за руку:

- Лумея? Не бойся, мы справимся.

Но она покачала головой и произнесла:

- Нет, госпожа. Мы здесь умрем. Посмотрите, что творится вокруг. Здесь нет жизни, здесь только смерть.

- Но мы должны, от нас зависит судьба Мазарата.

- Не от нас Амена, а от вас. Я лишь служанка, а вот вам придется принять на себя весь удар.

- Знаю. Однако, если будем держаться вместе, то сможем выжить.

- Вы не ведаете, что говорите, - после этих слов она отвернулась.

Мы проехали через всю деревню, остановившись у следующих ворот, которые располагались внутри и отгораживали часть земли, затем Эфин велел нескольким воинам отправляться по домам, а двое других раскрыли ворота, впустив нас внутрь. Здесь было значительно чище, по центру стояло два огромных шатра, небольшой шалаш, видимо это была уборная, колодец, и вокруг всех этих сооружений стояло несколько одиноких молодых деревьев. Наверно это та часть деревни, где жили братья. В отдалении красовалось большое тренировочное поле с множеством различных приспособлений, канатов и лестниц. За шатрами виднелись еще одни ворота, которые по размерам походили на первые, видимо, это запасные, чтобы вожак мог покинуть деревню в случае угрозы. Наши лошади остановились и Эфин, распрощавшись с братом, подошел ко мне:

- Добро пожаловать в свой новый дом.

Я по-прежнему боялась смотреть ему в глаза, не желая встретить укора или презрения. Он же протянул руку и помог

спуститься.

- Наш первый шатер, можешь идти и устраиваться. Второй принадлежит Фарону, так что не советую их путать.

Но я продолжала молчать, отчего в глазах Эфина повис вопрос.

– Что с тобой? После той ночи ты словно язык проглотила, – он хотел дотронуться до моего лица, но я отошла в сторону.

Когда хотела уйти, то снова ощутила его руку, он подтянул меня к себе и посмотрел мне в лицо, в этот момент из глаз потекли слезы, так как я почувствовала себя жертвой пойманной для мучений и истязаний. Эфин первый раз увидел столько горьких слез, у него не было слов, поэтому немедленно отпустил, приказав Лумее сопроводить в шатер. Мы взялись за руки и проследовали внутрь, а он так и остался стоять позади. В новом жилище царила прохлада, которой так не доставало. Здесь было чисто, шатер делился на три комнаты, разделенные между собой звериными шкурами, посмотрев в одну из них, увидела большую каменную чашу, похожую на купель с множеством деревянных ведер, во второй комнате стоял круглый стол, выполненный так же из камня, а вокруг него несколько деревянных кресел. Заглянув в дальнюю, застыла на месте, там посередине расположилась широкая кровать с пологом. Я представила, что буду спать в ней с ним и слезы с новой силой полились из глаз. Повернувшись к Лумее, бросилась к ней и крепко обняла.

- Я не хочу! Лумея, я не хочу!

- Но вы же говорили…

Однако я не дала ей договорить.

- Знаю, что говорила, но не могу! Мне придется спать здесь с ним! С этим монстром! Понимаешь?! – слова периодически прерывались всхлипами, а в груди не хватало воздуха. – Что мне делать?!

- Я не знаю, Амена. Вам придется.

Отпустив ее, прошла в эту комнату и упала на кровать лицом вниз, руки сжимали покрывало, хотелось разорвать его от злости. Вся боль вернулась разом, та, которую испытала в день получения проклятого свитка, та, что была в ночь заключения союза и та, которая появилась сейчас. Пролежав так несколько часов, совсем обессилила от слез и переживаний, мне не хотелось есть, пить или спать, было только одно желание - открыть глаза и понять, что все это лишь кошмар. Еще через час в комнату вошла Лумея:

- Госпожа, номары принесли ведра с горячей водой, не желаете принять ванну?

- Да. Наверно это то, что сейчас нужно.

Действительно, что как не теплая вода избавляет от

напряжения, тем более я не принимала нормальной ванны уже несколько дней. Лумея все подготовила и позвала, когда я зашла туда, то в лицо ударил пар от горячей воды, которой была наполнена каменная чаша. Мне оставалось только раздеться и зайти внутрь, я очень аккуратно снимала жилет и разматывала повязки, рана на боку еще болела, когда избавилась от всей одежды, ступила в чашу. Вода согрела ноги, по телу побежали мурашки, тогда опустилась в купель, положив голову на край, теперь вода покрывала все тело и было ощущение, словно меня облачили в теплый и уютный кокон, из которого совершенно не хотелось вылезать. Лумея периодически подливала горячей воды, а я все лежала, не желая шевелиться, лишь спустя полчаса все же решила помыться. Мне было преподнесено несколько пузырьков с очищающими маслами и травами, от них все тело приобрело приятный аромат, волосы также пропитались запахами масел. Завершив купание, взяла шелковую простыню, завернулась в нее и проследовала в спальню. На кровати лежал поднос с едой и чашей какого-то напитка, я немного поела и выпила это зелье, в надежде, что оно окажется ядом, однако этот отвар всего лишь взбодрил, сняв чувство усталости.

Затем ко мне снова зашла служанка:

- В чем желаете спать? Есть халат или ночная рубашка.

- Пожалуй, ни в том и не в другом. Останусь в этом.

Тогда Лумея смущенно посмотрела на меня и спросила:

- Сегодня у вас первая ночь с Эфином. Вам страшно?

- Да. Даже ощущение того, что он где-то рядом уже наводит ужас, а сегодня ночью я перестану себя уважать, – мне по-настоящему было страшно, так как находиться в руках такого сильного и большого существа, это ужасно. Если он будет груб и жесток, то я наверно умру.

- Крепитесь, госпожа.

И Лумея вышла, оставив меня наедине со своими страхами, я периодически вставала с кровати и ходила то взад, то вперед, пытаясь представить, что меня ждет, но как только представляла, сразу садилась обратно и сжимала голову руками. На небольшом столике горела свеча и ее дрожащая тень падала на стены, отображая происходящее в моей душе, внутри сейчас все так же трепетало, я не знала, как избежать этого всего, не знала куда бежать и что делать. В таких муках провела пару часов, а на улице уже стояла глубокая ночь, но Эфина так и не было.

Промучившись еще немного, остановилась и глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки, и в этот момент, откинув шкуру в сторону, в комнату вошел он. Эфин был без рубашки, его накаченное тело блестело в свете догорающей свечи, тогда я

усмехнулась про себя и решила сдаться, все равно иного выхода нет. Развязав шелковый узел на груди, почувствовала, как легкая ткань слетела вниз, обнажив тело, и хотела уже лечь, как подошел Эфин и развернул меня к себе. Как ни странно, но он смотрел в глаза, его руки слегка коснулись моих бедер, а спустя пару минут, он взял меня на руки и положил на кровать. Я чувствовала, что сердце вот-вот разорвется, оно билось слишком быстро, глаза смотрели на него в ожидании дальнейших действий. Эфин пододвинулся ближе, оказавшись уже надо мной, и склонился, чтобы поцеловать, я же закрыла глаза от страха. Тогда он тихо прошептал:

- Ты можешь поцеловать меня так, как там, в реке? – я чувствовала его дыхание и боялась произнести хоть слово. – Скажи, Амена, я хочу услышать честный ответ.

- Нет. Я не могу этого сделать.

- Почему? В реке я не казался тебе таким отвратительным. Порошок не мог настолько затуманить твой разум.

- Потому что … - мне было тяжело говорить, но я собралась с силами. – Я не люблю тебя, Эфин. Как и ты меня.

- Не делай поспешных выводов, если бы мне было все равно, то я бы давно уже взял тебя силой.

- Что ты и сделаешь сейчас. Я не намерена бороться с тобой, я смирилась. Поэтому лучше сделай то, зачем пришел. Не заставляй меня мучиться еще больше.

Тогда он провел пальцами по моему лбу, носу и гудам, а затем встал, поднял упавшую простыню и протянул мне.

- Ты очень заблуждаешься, жена моя. Я не зверь и не насильник, мне нужно не только твое тело, но и твоя душа, поэтому сегодня ничего не будет.

- Какая разница. Ни за завтра, ни за послезавтра я не полюблю тебя.

- Знаю, вот почему даю тебе время.

- Сколько?

- Год. Я буду ждать двенадцать месяцев, но если за это время твои чувства ко мне не изменятся, то возьму то, что принадлежит мне по праву. А теперь спокойной ночи. – он уже собрался уходить, но остановился и добавил. – Завтра с восходом солнца буду ждать тебя на тренировочном поле. Захвати свой меч.

И он вышел из покоев, я же села, накрылась простыней. Эфин не стал брать меня силой? В этот момент вспомнились те мгновения у реки, там он тоже остановился, видимо, ему все же важно, что я чувствую. Но он не любит меня и в этом абсолютно уверена.

Глава V
Новые и старые раны.

Ночь тянулась медленно, я без конца задавала себе вопросы и пыталась ответить на них, но многие так и не находили своего ответа. Лежа на кровати, не могла найти себе места, и все время ворочалась, периодически давала о себе знать рана, отчего все тело побаливало. Мне не хватало воздуха, не хватало того вида, который открывался из окон отчего дома. Здесь все было чужим и отталкивающим, особенно то, что разворачивалось за воротами этого небольшого клочка земли. Та грязь, кровь и вид мерзких созданий застряли в сознании и вызывали тошноту. Когда же уснула, то перестала себя чувствовать, словно растворилась в темноте и тишине, если бы так могло быть всегда, но остаток ночи закончился быстро, а с восходом солнца сознание снова вернулось в тело.

С первыми лучами в комнату вошла Лумея и разбудила меня. Я совершенно не хотела вставать, усталость еще не прошла, хотелось спать как можно дольше. Но, моя служанка была непоколебима, порою складывалось впечатление, будто она исполняет не мои приказы, а Эфина. Он так ее запугал, что она боялась, если вдруг за мои ошибки номар будет винить ее, поэтому Лумея растормошила хозяйку:

- Амена? Пора. Эфин просил, чтобы вы были на поле. Вот, – она указала на одежду, висевшую на кресле рядом с кроватью, - оденьтесь. Я все почистила и зашила то место, где вас ранил зверь.

- Спасибо Лумея, но мне совершенно не хочется идти на то проклятое поле и встречаться с моим ненавистным мужем, так что оставь меня в покое, – и я накрылась с головой.

- Госпожа, вы же знаете, Эфин не любит, когда его не слушают.

- А мне все равно. Уходи и больше не буди меня.

Она вышла из спальни, я же снова задремала. Но спустя несколько минут в покои снова вошли, я все еще была под одеялом и не хотела из-под него вылезать:

- Лумея! Я же сказала, что не пойду…

- Но мне ты еще ничего не говорила.

Это был Эфин, мне же стало не по себе, поэтому продолжала лежать, укутавшись с головой.

- Эфин?

- Да, – он отвечал спокойно и тихо.

- Неужели это не может подождать? Я не спала почти всю ночь, позволь мне немного отдохнуть.

- Зато я прекрасно спал. Вставай, собирайся и иди на поле.

- Но зачем?

- Там все объясню. Учти, упрашивать не стану, если не встанешь через минуту, то отнесу тебя туда в том, в чем ты спишь.

Я же спала обнаженной, поэтому не стала искушать судьбу, ведь Эфин сделает, что обещает и глазом не моргнет, поэтому вылезла из своего кокона и посмотрела на него:

- Хорошо. Я встану. Только окажи одну услугу?

- Какую же?

- Отвернись. Я не одета.

Эфин усмехнулся, взял мою одежду в руки и уселся с ней в кресло.

- Знаешь, если я дал тебе время, то это не значит, что буду скромно отворачиваться и краснеть как несчастный юнец еще не видевший женского тела. Так что, вперед.

- Эфин. Ты негодяй.

После этих слов села на край кровати и ощутила на себе весь огонь смотрящих глаз. Он был спокоен и расслаблен, а я наоборот, скована и напряжена. Но делать нечего, посему набралась храбрости и встала, прикрывшись одеялом, затем подошла к нему:

- Давай, – я протянула руку в надежде, что мне отдадут одежду.

- Но тебе так явно неудобно, убери одеяло, и я отдам твои вещи, – он разматывал их в руке и нагло улыбался.

- Нет! Не уберу. Лучше верни одежду.

Эфин лишь покачал головой и, подавшись вперед, схватил край одеяла. Он дернул за него, и оно оказалось на полу, я же настолько разозлилась, что наверно потеряла весь стыд, поэтому не стала даже прикрываться, а снова протянула руку.

- Теперь ты отдашь мои вещи?

- Как я могу сейчас думать о каких-то тряпках, когда передо мной стоит голая дочь Правителя Мазарата?

Тогда подошла к нему и хотела выхватить одежду, но он резко встал и обнял, скрестив мои руки за спиной.

- Эфин. Ты же обещал, что дашь время. К чему это все?

- А может, я просто хочу осмотреть твою рану?

- Но сейчас ты ее не осматриваешь, а трогаешь меня.

- Надо же не только осмотреть, но и ощупать, – он медленно провел пальцами по шраму. – Так не больно?

- Нет. Кажется, мне значительно лучше, а теперь не мог бы ты отойти от меня.

- Что ж, теперь мог бы.

Эфин отошел в сторону и протянул вещи, а затем вышел из покоев. Я сглотнула тот ком, который все это время был в горле и глубоко выдохнула. Он не оставит меня в покое, снова, и снова будет провоцировать подобные моменты, как же плохо, что женщины не носят лат из металла, я бы и спала в них, будь у меня такая возможность. Немного успокоившись, оделась, закрепила меч на поясе и направилась в ванную, там уже стояла теплая вода, поэтому быстренько умылась, прополоскала рот и напоследок окунулась в ведро с головой, а когда поднялась, то ощутила десятки теплых струй, проникающих под одежду и бегущих дальше по груди и спине. Немного промокнув волосы полотенцем, вышла из шатра и осмотрелась. Сегодня будет жарко, солнце еще не успело подняться, а в воздухе уже ощущается жар и ни единого намека на ветер. Все тихо и спокойно, лишь за воротами слышится постоянное движение, рычание и какие-то крики, жизнь номаров кипит. Я направилась в сторону поля, но как только дошла до второго шатра, то встретилась с Фароном, он проследовал мне на встречу, но как только мы поравнялись, номар встряхнул головой и что-то тихо прорычал. Он явно испытывал ко мне неприязнь, это было видно еще в нашу первую встречу, когда я сидела с ними за одним столом. Фарон с негодованием в глазах перехватывал взгляды Эфина в мою сторону, но Эфин вожак, поэтому его брату оставалось только смириться с его решением.

Когда Фарон ушел, я продолжила путь, Эфин уже был на поле и тренировался с мечом. Зайдя за ограду, встала около столба и просто смотрела на него. Он проделывал удивительные вещи, его приемы не шли в сравнение с нашими, я начала понимать, почему армия крианцев потерпела крах. Номары мастера своего дела, единственное, что им удавалось блестяще, так это воевать. Действия Эфина напоминали скорее танец с мечом, чем грозные выпады вперед. И как только он остановился, то тут же обернулся в мою сторону:

- Нравится?

- Если честно, то да. Впервые вижу такую технику.

- Это не просто техника, Амена, это тактика выживания на поле боя. Это искусство жизни номара, – затем он снял с себя жилет, обнажив торс, и собрал волосы в высокий хвост. – Проходи вперед.

- Для чего? Ты будешь тренироваться на мне?

- А ты и вправду всего лишь глупая самка. Я буду учить тебя, тот случай с нападением Карукка показал твою неспособность выживать за пределами Мазарата. Неужели Минекая не смог научить тебя ничему стоящему?

- Он учил меня тому, что знал сам.

- Видимо, нет. Минекая отважный воин, он часто давал нам отпор. Но ничего, сейчас посмотрим, что ты умеешь. Становись в исходную.

Я не стала с ним спорить, потому что уже соскучилась по тренировкам, а сейчас у меня появился шанс забыться и вернуться в прошлое, когда ничего не отвлекало и не терзало душу. Встав в исходную позицию, отвела меч в сторону и приготовилась, Эфин так же встал в стойку.

- Нападай, – он стоял абсолютно спокойно, его рука была опущена, а меч расположился вдоль опорной ноги.

Мы находились в трех метрах друг от друга, но как только я хотела податься вперед и поднять меч, то остановилась, мне вспомнились слова Минекая, он говорил, что не стоит поддаваться провокациям врага, надо ждать, пока ему надоест лицезреть твое бездействие и он первым пойдет в атаку. Я решила последовать его совету и остановилась, возможно, Эфин решил, что глупая самка испугалась, поэтому еще несколько раз повторил свое требование, но я оставалась на месте. Мы стояли, выжидая, что будет делать каждый из нас, однако Эфин произнес в последний раз:

- Если ты сейчас же не сдвинешься с места, то … - но я его перебила.

- То что? Ты с одного размаха отсечешь мне голову? Что ты сделаешь?

Ответа не последовало, Эфин сорвался с места и пошел в мою сторону, после чего поднял меч и остановил его в сантиметре от моей шеи, я же все еще не двигалась.

- Ты будешь сражаться, либо я клянусь, сейчас прольется кровь.

Но я закрыла глаза и прислушалась к своему сердцу, оно билось неспешно, поэтому уловив момент между ударами, резко ушла вниз, села на шпагат, а потом с помощью кувырка отдалилась от него, оставшись стоять на одном колене и ждать его следующего выпада. Эфин довольно улыбнулся и направился ко мне. Мы встретились, скрестив мечи. Он наносил удар за ударом, я же отражала их, но в один прекрасный момент Эфин совершил очередной трюк и тут-то застал меня врасплох, он быстро ушел в бок, оказавшись за моей спиной, после чего в подкате сбил с ног и встал сверху, снова держа меч у шеи. Так закончилась наша первая битва, которая длилась около двадцати минут, но успела вымотать, ведь выносить удары, такого как Эфин, очень сложно. Этот номар смесь силы, скорости и техники, поэтому мои навыки смотрелись смешно рядом с его. Да, и кого я

представляла собой? Девчонка, которая видела только то, то ей позволяли видеть, и делала только то, что позволяли делать, я никогда не стояла на поле битвы, никогда по-настоящему не сражалась.

Спустя секунду он убрал меч и протянул мне руку:

- Вставай.

Когда же поднялась, он вытер пот со своего лба и довольно сказал:

– Для первого раза весьма неплохо, хотя ты и обращаешься с мечом, как младенец с погремушкой.

- Что ж. Признаю, ваше мастерство превосходит наше в сотни раз.

- Дело в том, Амена, что если кто-то рожден, чтобы воевать, он должен делать только это и быть лучшим.

- Да. Наверно.

Затем он подошел и положил свою руку мне на бок, где была рана.

- Сильно болело в момент сражения?

- Не знаю, не заметила.

- Значит, не сильно. Это хорошо, плоть срослась. Я устроил этот поединок только для того, чтобы встряхнуть тебя и проверить степень заживления.

- Отлично. Я не истекаю кровью и могу двигаться, – после этого хотела уйти, но он остановил.

- Не думай, что мы на этом закончили. Тебе надо многому научиться, потому что жить среди номаров и быть беззащитной - нельзя.

- Если честно, то среди вас вообще нельзя жить. И еще! Я буду находиться здесь в заточении? Мне нельзя покидать этот клочок земли?

Эфин подошел со спины и аккуратно убрал мои волосы с плеч.

- Всему свое время. А теперь ступай.

Я направилась к колодцу, хотелось умыться и попить, а Эфин собрался, взял под уздцы коня и направился к задним воротам. Когда он вышел за них, я села около колодца и оставалась там практически до самого вечера. Лумея вынесла немного еды и присела рядом:

- Что между вами происходит, Амена? Вчера он быстро вышел от тебя, не оставшись на ночь.

- Между нами ничего не было, он благородно дал мне время на то, чтобы полюбить его, - я засмеялась, - а точнее, подчиниться и признать его власть над собой. Пойми, Лумея, Эфин никого не любит, возможно, никого кроме своего брата, но все же. Он

жаждет власти и превосходства, а я никогда не покорюсь ему, в душе. Поэтому может пройти хоть сотня лет, но я все равно не полюблю его и не сдамся. Мой дух отправится к Скайре свободным.

Так потекли дни и ночи. Эфин приходил с утра, и мы шли на тренировку, он без конца объяснял, как правильно держать меч, как уходить от ударов, как идти в атаку и вовремя отступать, показывал множество приемов-ловушек и еще массу всего, а к полудню куда-то уходил через задние ворота. На поле с ним я чувствовала себя свободно, так как делала то, что любила больше всего - сражалась и училась. Мы часто сходились в клинче, и Эфин в такие моменты просто пожирал глазами, я же чувствовала смущение, отчего старалась быстрее высвободиться и нанести ему удар.

Иногда на поле приходил Фарон, он стоял, опершись на ограду, и смотрел на нас, его взгляд выражал лишь недовольство, и только когда я оказывалась на песке от мощного толчка, Фарон улыбался. Его забавляло то, что мне больно или стыдно, потому что Эфин частенько отправлял меня на песок пинком под зад, таким образом, новый учитель вызывал гнев, раззадоривал перед атакой.

В постоянных тренировках прошли три месяца моей жизни в деревне номаров, все это время я ни разу не выходила за пределы ворот. Чувствовала себя птицей в клетке, постепенно сходящей с ума. Каждую ночь снились сады Мазарата, бесчисленные тропы и существа, бегающие по ним, я каждую ночь просыпалась в холодном поту, желая немедленно сбежать из этой тюрьмы, но снова ложилась на подушку, закрывала глаза и очередной раз оказывалась на свободе. В один из дней случилось то, что окончательно переполнило чашу моего терпения.

Проснувшись утром, как всегда ждала Эфина, но он не пришел, поэтому я направилась на поле одна. Как только хотела пройти за ограду, отворились ворота, что ведут в деревню и на пороге появился Фарон, но он был не один. Держа за волосы самку номаров, волочил ее за собой. Она вырывалась и рычала, однако Фарон продолжал тащить ее в направлении своего шатра, а как только они скрылись внутри, то через минуту послышались дикие крики, спустя полчаса он вышвырнул номарку наружу, и она упала на землю. Вся одежда этой женщины была порвана, волосы на голове частично вырваны, из ее носа текла кровь, на ушах также зияли рваные раны. Еле поднявшись, номарка поплелась в сторону ворот, пока она шла, то несколько раз останавливалась и сплевывала кровь. После такого зрелища я хотела вернуться в шатер, но на полпути наткнулась на Фарона. В

его глазах появилась ярость, он схватил меня за руку, оттащил в сторону и прошипел сквозь зубы:

- Если хоть слово скажешь Эфину, то это же произойдет и с тобой, – он настолько сильно сжал руку, что она посинела.

- Я не знаю, что у вас там произошло и не желаю этого знать. Отпусти!

- Учти, крианская тварь, я предупреждаю всего один раз. Это мой братец может нянчиться с тобой и развлекать, играя в воинов, а я нет! Запомни! Тебе здесь не рады!

Тогда он отпустил меня и немедленно удалился, а я осталась стоять, погруженная в шок. Не понимая, чего сейчас больше всего хочу, то ли рыдать, то ли бежать со всех ног, направилась в свои покои. Лумея сразу же подошла:

- Госпожа? Госпожа, что с вами? Что он с вами сделал? Я все видела.

- Ты ничего не видела, Лумея! Поняла? – но она сидела и испуганно смотрела на меня, пришлось ее одернуть. – Ты меня поняла?

- Да, поняла. Но?

- Никаких «Но»! Нас не касается то, что номары делают друг с другом. Это их жизнь. Если хоть слово произнесешь Эфину, я потребую, чтобы он выселил тебя на улицу! Это ради твоего же блага.

- Хорошо, я все поняла.

- Вот и отлично, а теперь принеси мне листьев кассиса и холодной воды, надо избавиться от синяка, – к этому моменту на моей руке уже красовался огромный багровый синяк с кровоподтеками, надо было срочно как-то его скрыть.

Листья кассиса рассасывали гематомы и убирали синеву, но на это нужны были сутки. Эфин должен вернуться только к утру, поэтому у меня в запасе еще целый день и ночь, Лумея принесла листья и воду, после чего я удалилась в ванную. Взяв листья, обмотала их вокруг руки и перевязала тканью, смоченной в воде, это должно было помочь.

К утру все действительно прошло и от синяка не осталось и следа, а к приходу Эфина я быстро убрала все повязки и как всегда собралась на тренировку, но он снова не пришел, оставив меня в полной изоляции от окружающего мира еще на целый день. Мне вовсе не хотелось видеть именно его, я просто хотела общения, но Эфин словно испарился в той чаще, что произрастала за запасными воротами. Хотя, на этот раз мне никто не помешал пойти самой на поле и немного потренироваться, чтобы отточить все новые удары и приемы. Пока слушала звуки вонзающегося меча в дерево, думала о том, что произошло в

шатре Фарона. Удивляло то, как братья могли быть настолько разными, Эфин никогда бы не дотронулся до самки номара, так как испытывал к ним отвращение, что было видно, но вот Фарон не гнушался ничего, хотя внешне походил на брата. Никакой шерсти, гладкая кожа и внешность, не такая привлекательная, более грубая, но все же напоминающая внешность Эфина. Я стала понимать, что совершенно ничего не знаю о братьях, об их истории, семье и происхождении. В деревне номаров все было ясно, они наполовину звери, наполовину разумные создания, живут стаей и вершат свои низменные дела так, как им было определено самой Скайрой, но вот братья совершенно другие. Эфин благородный воин и лидер, который не будет сидеть в луже с грязью и мыть в ней волосы, он не станет есть сырое мясо и не будет спать среди дурно пахнущих воинов, он всегда держит дистанцию, но не забывает о нуждах своих солдат. Фарон другой, он стремится быть таким как брат, хотя получается это у него весьма скверно, в нем больше той животной части номаров. Кто они? И почему я никогда не слышала о таких, как они? Мне всегда казалось, что номары это отвратительные монстры, пожирающие плоть своего врага и разрушающее все вокруг, однако это не так, есть что-то еще, более высокое, что контролирует их и не дает творить хаос. И это что-то связано с братьями.

Повоевав со своим деревянным другом, легла на песок и решила немного отдохнуть. Мой взгляд был обращен к небесам, это единственное место, которое не имело заборов и границ, там царила полная свобода. Несмотря на то, что Мазарат уже многие годы был закрыт от внешнего мира, я все равно не ощущала себя там закованной в кандалы и ходящей по кругу, по сравнению с этим местом. Если бы не эти тренировки и периодические появления Эфина, я бы уже лишилась разума, Лумея также страдала, она каждый вечер приходила ко мне, и мы вместе вспоминали дом, как жили, с кем общались и что любили делать больше всего. Оказывается, Лумея давно была влюблена в местного крианца пекаря, молодого юношу с забавными кудряшками на голове. Она ждала моей свадьбы с Тарту, чтобы получить благословление Правителя и стать невестой, но ее жизнь в ту ночь изменилась до неузнаваемости, как и моя. Хотя Лумея и называла меня госпожой, все же мы смотрели друг на друга как равные, иногда приходилось пользоваться своим положением, но как только все дела заканчивались, две крианки превращались в подруг и болтали по вечерам за чашкой теплого молока.

Сегодня вечером мы с ней как всегда сидели за столом и

беседовали, как вдруг послышался скрип отворяющихся ворот, затем последовал топот лошадиных лап. А спустя пару минут в шатер зашел Эфин, он, молча, прошел к нам, взял меня за руку и вывел на улицу. Его взгляд был очень уставшим, на теле виднелись новые порезы, уходящие глубоко под жилет. Я поняла, что его отсутствие связано с очередными сражениями, поэтому не стала ничего спрашивать, Эфин же провел меня к своему коню и произнес:

- Фарон сказал, что тебе скучно здесь. Это так?

- Пожалуй, – про себя подумала, что вот Фарону весьма весело в отсутствие брата.

- Тогда позволь предложить небольшую прогулку по здешним местам.

И он снова протянул мне руку, помог сесть на коня, затем сел сам и мы направились к воротам, что вели в неизведанные дали. Из-за опустившихся сумерек я не могла рассмотреть всего, что было за пределами частокола, лишь сплошные леса и узкие тропы, убегающие в неизвестном направлении. Мы ехали быстро, Эфин все это время молчал, а спустя полчаса остановился:

- Все. Мы на месте.

Он слез, спустил меня и, взяв за руку, повел за собой. Пробираясь сквозь чащу, начала замечать, что земля укрыта плотным, сырым, но теплым туманом. Я была в шелковом платье, отчего подол начал путаться и прилипать к ногам, но пока пыталась отряхнуться, Эфин остановился перед занавесом из листьев, эти гигантские листья принадлежали саяновым лианам, они всегда росли рядом с водой и образовывали плотные занавесы, дабы скрыть влагу от чужих глаз. Я посмотрела на Эфина и спросила:

- За ними река?

- Не совсем. Проходи.

И он отодвинул часть листьев, когда же зашла внутрь, то в лицо ударил горячий пар, идущий откуда-то издалека. Пройдя еще несколько метров, мы встали напротив небольшого озера, вода в котором местами издавала шипение, вот откуда был тот туман и пар. Это горячий источник с минеральной водой. Эфин подошел ко мне и тихо сказал:

- Прошу, горячая ванна подана, – после чего он проследовал к краю берега, снял с себя всю одежду и зашел в воду.

Мне же стало неловко от увиденного, но в то же время, не каждый день увидишь номара в чем мать родила, так что я села у того берега и опустила ноги в воду, а они тут же покрылись сотнями пузырьков.

Эфин плавал в озере и периодически уходил под воду, видимо, это то место, где он отдыхает и набирается сил после очередной битвы. Я, конечно же, хотела искупаться, но смущал тот факт, что снова придется раздеваться перед ним и ощущать на себе его весьма необычный взгляд. Когда же он остановился, то повернулся ко мне:

- Так, ты идешь? Или снова будешь изображать стыдливую особу? В конце концов, я твой муж.

- Мне как-то не хочется очередной раз оказаться в твоих шаловливых руках, - усмехнувшись, сказала я.

Тогда он засмеялся и направился ко мне, подплыв совсем близко, схватил за ноги и стащил вниз, как всегда. Я и не заметила, как оказалась по шею в горячей воде. Эфин продолжал смеяться и смотреть на то, как я пытаюсь найти опору под ногами.

- Зачем ты в очередной раз это сделал?

- Не люблю упрашивать. Кстати, тебе надо снять платье, а иначе запутаешься.

- И, надеюсь, утону, – заявила я, поймав под собой небольшую кочку.

- Давай помогу.

И как только он это сказал, то сразу же нырнул под воду, а через секунду я уже почувствовала, что с меня снимают одежду. И вот, я голая, снова. Когда он вынырнул, то выбросил мокрое платье на берег.

- Так же лучше? – он подмигнул и немного отплыл. – А теперь давай за мной, здесь есть пороги под водой.

Мы направились к той части озера, где большие каменные глыбы уходили под воду, образуя лестницу, добравшись до них, забрались на те, что были сокрыты под озерной гладью. Я

впервые за несколько месяцев смогла расслабиться, эти пузырьки на теле словно вытягивали все напряжение и усталость. Эфин сидел, откинувшись на камни, с закрытыми глазами и лишь иногда двигал плечом, на котором поблескивали свежие раны. В этот момент захотелось пододвинуться к нему и посмотреть на порезы, я медленно подсела, оказавшись совсем близко, и вытащила руку из воды, чтобы дотронуться до плеча. Эфин продолжал смиренно сидеть, поэтому коснулась его тела и провела пальцами вдоль порезов:

- Раны напоминают следы от когтей. Не хочешь рассказать, где ты был эти два дня.

Тогда он приоткрыл глаза и посмотрел на меня абсолютно спокойно.

- Это неважно, главное, что тот, кто оставил эти следы, уже мертв.

- Эфин? Кто ты?

- Номар, – он снова засмеялся.

- Ты же знаешь, о чем я. Те номары, что живут в деревне совершенно другие.

- Амена. Не спрашивай то, чего тебе пока лучше не знать. Со временем я тебе все расскажу, - он взял мою руку и немного подтянул к себе так, что наши носы соприкоснулись. – Не хочешь поцеловать меня?

На этот раз у меня действительно возникло такое желание. Каждый раз, находясь с ним в такой близи, мое сердце начинало биться с новой силой, а щеки краснели в. Тогда ответила:

- Не знаю, – но в голове я уже знала, что хочу, поэтому положила ладонь ему на шею и закрыла глаза.

Однако, как только наши губы должны были соприкоснуться, откуда-то со дна вырвался воздух и сотнями огромных пузырей забурлил рядом со мной, отчего я взвизгнула и прыгнула к Эфину на колени. Он успел лишь поймать меня и прижать к себе:

- Крианка? Снова твои игры? – после этих слов он обнял меня и сразу же поцеловал.

Его руки скользили по моей спине, ногам, разгоняя пузырьки, а губы целовали так нежно, что я потерялась во времени, но как только он хотел коснуться груди, пришла в себя:

- Эфин! Подожди. Нам не стоит…

- Но ты же этого хочешь. Я чувствую.

- Это всего лишь минутное помутнение. Порыв, не более. У нас с тобой уговор.

Тогда он выдохнул и сбросил меня в воду, сказав с раздражением в голосе:

- В таком случае, не надо подсаживаться ко мне, касаться, а

затем запрыгивать на колени. Я мужчина и в следующий раз не буду терпеть. И еще! Ты ведешь себя как типичная крианская девка!

Последние его слова задели за живое, он обвинил меня в непристойности поведения, сравнив с фривольной девицей.

- Ах, значит, если я не хочу поддаваться на твои бесконечные провокации, то сразу превращаюсь в девку? Что ж, ты тоже не образец благородства и чистоты нравов. Грязный номар!

После всего сказанного поплыла к берегу, мне хотелось схватить какой-нибудь камень и запустить в него. Когда вылезла, подняла свое платье и быстро надела его, Эфин вышел через пару минут, также оделся и быстрым шагом направился к тому месту, где оставил своего коня. Я шла за ним и пыталась понять, зачем снова это сделала, ведь сейчас не было ни порошка, ни чего бы то ни было, что могло вызвать помутнение разума. Получается, сама этого хотела, а дав отказ, повела себя весьма глупо и Эфин не виноват, он по праву рассердился, опять. Он каждый раз дает мне выбор и не настаивает на близости, а я веду себя отвратительно, сначала даю повод, а потом отталкиваю. Возможно, мне стоит поумерить свои желания и прекратить обнадеживать его.

С одной стороны, мне хочется понять свои к нему чувства и вызвать в нем чувства к себе, но с другой стороны, я не хочу больше жить в этой проклятой деревне, не хочу каждый день слышать то пугающее рычание и не желаю больше видеть Фарона. Он постоянно находится рядом, отчего без конца ощущаю его взгляд не себе.

Эфин доставил меня до ворот и ускакал прочь, не сказав ни слова. Когда я зашла внутрь, то сразу же встретилась глазами с Фароном, он нагло усмехнулся и проводил взглядом до самого шатра, и так изо дня в день. Этот номар подобно птице Сарга, что преследует свою жертву, пока та не упадет от бессилия, после чего нападает и задирает заживо.

В шатре я обнаружила плачущую Лумею, она сидела на кровати, ее тело содрогалось.

- Лумея? Что с тобой? Почему ты плачешь?

- Пока тебя не было приходил Фарон.

- Что он сделал? – я почувствовала, как кровь закипает в венах, неужели этот монстр что-то с ней сделал? – Говори же! Он надругался над тобой?

- Нет, но был близок к тому. Когда я вышла, чтобы набрать воды, он подозвал к себе, а затем силой затолкал в свой шатер и… - Лумея снова заплакала.

- И, что?

- Прижал к кровати, а спустя минуту отпустил, сказав, чтобы

я благодарила тебя. Что если бы не ты, он бы сделал со мной все, что захотел.

Я ничего не могла понять, почему Фарон указал на меня, зачем вообще пошел к Лумее? В любом случае, жизнь здесь приобретает все более кошмарный вид, я не знаю, чего хочет Эфин, не знаю, зачем нас терроризирует Фарон. Кто эти братья и чего они добиваются?

Спустя пару часов Лумея успокоилась, но она слезно попросила, чтобы я больше не покидала ее, так как оставаться наедине с этим порождением демона нельзя, он делает все, что только ему заблагорассудится, а Эфин не обращает внимания на все бесчинства брата. Я также разочаровалась во всем, что происходило между мной и Эфином, он вовсе не желает понравиться мне, не желает стать лучше, он хочет лишь одного, укротить самку, сделать ее своей. Получается, что братья не сильно отличаются друг от друга, только один признал свою сущность и живет законами номаров, а второй пытается быть другим, однако является все тем же бесчувственным и жестоким убийцей.

Глава VI
На распутье.

С тех пор прошло еще четыре месяца моего заточения, Эфин приезжал редко и лишь для того, чтобы потренироваться. Он практически не разговаривал со мной. Фарон продолжал следить за нами и контролировать жизнь в деревне. Мне казалось, что хуже уже не будет, однако ошибалась.

В один из дней решила попросить Эфина о том, чтобы он разрешил нам немного прогуляться за пределами деревни, так как нахождение здесь уже начинало вызывать паранойю. Он прибыл рано, затем позвал меня на поле, и мы сражались около двух часов, его взгляд был холоден, а мысли сосредоточены на бое. Когда же все закончилась, я обратилась к нему:

- Эфин? Мы можем покинуть деревню, хотя бы ненадолго, чтобы прогуляться и развеяться.

- Нет. Ты сможешь выйти только тогда, когда я этого захочу.

- Но я не дикий зверь в клетке, чтобы приручать меня и натаскивать. Ты только и делаешь, что тренируешь, а потом исчезаешь, оставляя наедине со своим братом.

- Нахождение здесь будет хорошим уроком тебе, ты должна понять, кто такие номары и чем они живут, должна научиться слышать их.

- Да, я живу за забором от них. Как я могу понять их жизнь?

- Хочешь познакомиться с ними поближе? – он вложил меч в ножны и вызывающе посмотрел на меня. – Хорошо! Иди. Выйди за пределы ворот и посмотри на них. Покажи им себя,

Но я стояла неподвижно, боялась того, что Эфин заставит идти туда.

– Ну, раз ты не готова, то замолчи и делай то, что тебе говорят.

Когда же он собрался уходить, то обернулся и сказал напоследок:

- Амена! Ты должна четко уяснить, что здесь не та прекрасная и беззаботная жизнь, которая была у тебя раньше, и я не тот, кто будет вывозить тебя на прогулки по вечерам и напевать любовные песни. Здесь мы боремся за выживание, поэтому будь добра, выброси из головы все девичьи мечты и научись выживать в этом суровом мире. Я дал тебе возможность тренироваться, чтобы ты могла постоять за себя.

После он ушел, оставив меня в одиночестве. Я не могла найти себе места от злости и негодования, отчего метнула свой меч, и он вонзился точно в центр деревянной мишени, куда мы стреляли из луков, хотя раньше у меня так не получалось. Минекая сотни раз пытался научить метать ножи, но все его старания не имели успеха. Видимо, единственное, в чем и хорош Эфин, так только в способности быть терпеливым и обучать.

И зачем ему понадобилось, чтобы я научилась слышать номаров? Я и так уже давно понимала, когда они сердятся, когда ликуют, а когда готовятся к очередной драке. Номары практически не разговаривали между собой, они либо рычали, либо издавали отдельные звуки, как животные. Все их общение сводилось к подаче сигналов и не более того. Фарон каждый день проводил среди них, обучая и тренируя, он взращивал в них воинов, приучал к жесткой дисциплине и абсолютному послушанию, поэтому зачастую я слышала свист плети и вопли того несчастного, кто смел ослушаться его, не подчинившись приказу. Скорее всего, именно в этом причина грубости и жестокости Фарона, он слишком много времени проводит среди номаров, впитывая их агрессию и примитивные повадки.

Всю ночь пыталась понять причины происходящего вокруг, но не могла. Сон пришел лишь под утро, но как только мои глаза сомкнулись в покои вбежала напуганная Лумея, ее руки тряслись, слова путались:

- Госпожа, там пришел… - она пыталась собраться с силами. – Он.

- Кто? Эфин? – я нехотя привстала и смотрела на нее с прищуром.

- Нет. Фарон!

Тогда-то я проснулась и резко села:

- Фарон? Что ему нужно?

- Он сказал, что сам сегодня будет тренировать вас. И советовал не опаздывать.

На этот раз я решила не испытывать судьбу, поэтому быстро собралась и вышла на улицу. Фарон стоял около входа в шатер и чертил что-то мечом по земле, когда же увидел меня, то выпрямился и сказал:

- Доброе утро! – он ехидно улыбнулся. – Эфин просил меня сегодня заняться тобой. Хотя я не понимаю, зачем брат пытается обучить глупое создание технике боя, но его просьба это закон. Идем. Не хочу тратить слишком много времени на никчемные дела.

Мне стало не по себе от такого поворота событий, я не знала, что Фарон предпримет в момент тренировки, ведь от него можно было ждать чего угодно. Проследовав за ним, встала в исходную и приготовилась, но Фарон не захотел привычного сражения, он решил испытать меня на прочность и заставил влезть на самый верх тренировочной трапеции. Когда вскарабкалась, то узрела всю деревню, на некоторое время я даже ощутила свободу. Порывистый ветер разбрасывал волосы в разные стороны и придавал сил, а окружающий вид напоминал о том, что мир не заканчивается за этим забором. Фарон потребовал, чтобы я прошла по балке и встала в самом центе, он также направился в мою сторону. Все это казалось полным безумием, ведь я никогда не поднималась так высоко, отчего ноги подкосились, а дыхание сперло:

- Фарон?! Это сумасшествие! Я не смогу! – кричала я и одновременно пыталась балансировать.

- Не бойся, крианка! Даже если упадешь, сети тебя поймают. Иди.

- А если я не пойду?

- Тогда мне придется затащить тебя сюда силой, ты же знаешь, что я не торгуюсь.

Это-то я очень хорошо знала, поэтому аккуратно и медленно начала движение вперед, порою казалось, что ветер вот-вот собьет с ног, и я улечу в бездну, но это лишь страх, который надо преодолеть.

Добравшись до нужного места, встала напротив Фарона и ждала его следующего шага.

- Теперь становись в исходную, да так, чтобы обе ноги были поперек балки, найди опору и сосредоточься. Сейчас ты должна выработать чувство равновесия, а иначе даже небольшой толчок

может отправить тебя в полет.

Послушавшись его совета, встала в нужном положении, но как только он занес меч, я вздрогнула и пошатнулась, тогда Фарон проделал небольшой трюк, он прыгнул вперед и остановился прямо передо мной, а я не успела отскочить, ноги соскользнули с бревна и вот он, мой первый полет. Слетев с трапеции, упала в страховочные сети, а Фарон сидел наверху и готов был лопнуть от смеха, затем крикнул, чтобы я снова поднималась наверх. Я забралась на то проклятое бревно и посмотрела на него с яростью в глазах, Фарон же наоборот был невероятно спокоен и счастлив:

- Это даже интереснее, чем я мог себе представить. Летающая крианка.

- И сколько еще мне придется упасть, чтобы удовлетворить тебя? – скорее всего, он выдумал это только для того, чтобы потешить свое самолюбие и развлечься.

- Чтобы удовлетворить меня, милая Амена, тебе недостаточно просто падать.

- Конечно! Кто бы сомневался, – я вытерла пот со лба и снова встала в исходную.

Однако спустя уже пару минут опять летела вниз, и так продолжалось целых три часа. Фарон успевал наносить лишь пару ударов, после чего отправлял меня в сети. После этой тренировки я уже совершенно не боялась высоты, так же как и его выпадов, мне все еще не хватало равновесия, чтобы выдерживать удары и вовремя отходить назад. Как только мы спустились, Фарон подошел и сказал:

- Завтра опять поднимемся, и так будет до тех пор, пока ты не научишься держаться на ногах.

- Надеюсь, завтра меня придет тренировать Эфин?

- А что, разве нам было плохо вдвоем? – он усмехнулся и подошел ближе. - Эфин сейчас занят, так что будешь заниматься со мной. Поверь, из меня учитель не хуже, я каждый день тренирую номаров. И если Эфин просто развлекается с тобой, то я - нет.

- Эфин многому научил меня.

- Да, но этих навыков недостаточно. Надо уметь приспосабливаться к любым условиям, будь то горы, реки, поля или леса. В горах надо не бояться высоты, в реке нужно суметь устоять, а в лесу использовать деревья, лианы, все, что может помочь укрыться от удара, либо нанести его.

- Возможно, это необходимо для вашей армии, но зачем мне?

- А что ты будешь делать, если однажды Эфин бросит тебя посреди рассвирепевшей стаи врагов, будь то номары или тумо,

которые только и будут, что жаждать твоей крови?

- Никогда не думала об этом, – мне стало обидно и больно от его слов, ведь я действительно не задумывалась о такой возможности. Стало казаться, будто Фарон смотрит на все более реально и не тешит излишних надежд, либо он знает значительно больше, чем я могу себе представить.

- Так подумай об этом.

Фарон ушел, а я снова погрузилась в мысли, с каждым днем моя вера в хорошее таяла, сердце заполнялось горечью и чувством безысходности. Кто знает, в какие еще дьявольские игры предстоит сыграть? Эфин не просто так выбрал меня, ему была нужна дочь Правителя, которую он хочет использовать для чего-то, ведь за все эти месяцы он ни разу не показал своих чувств, ни разу не попытался стать мне ближе. Если бы ему просто нужна была женщина, он бы уже давно сделал меня своей, как это делает Фарон со своими самками, но Эфин выжидает и возможно, в скором времени я еще почувствую весь ужас своего бытия.

Дни сменялись один за другим, мы с Фароном каждое утро шли на поле и продолжали тренировки, я уже не так часто падала и значительно лучше удерживала удар. После того разговора перестала ждать каждый день прихода Эфина и перестала надеяться, постепенно превращаясь в немого воина, выполняющего все приказы. К слову, Фарон прекрасно учил, он занимался со мной, как и с другими, выкладываясь на полную силу, чего требовал и от меня. Теперь он ждал этих встреч, порою приходил даже раньше положенного времени и больше не говорил, что занимается бессмысленными делами, обучая глупую самку.

В одно прекрасное утро, когда на улице было прохладно, а ветер слегка касался лица, я стояла на вершине трапеции с закрытыми глазами, боялась упустить и мгновения из того спокойствия, которое царило вокруг. Мне стало так хорошо, что почувствовала то равновесие, о котором говорил Фарон. Разгуливая по бревну, словно подо мной широкая дорога, не замечала той высоты, не ощущала страха. Надо было месяц провести на высоте, чтобы почувствовать себя здесь как на земле, так оно и случилось, Фарон видел это, и на его лице блуждала потерянная улыбка.

Он забрался ко мне и велел приготовиться, мы бились долго, то он шел в атаку, а я отступала, то наоборот. Звон соприкасающегося металла единственное, что раздавалось в воздухе, везде же царила тишина. Когда Фарон очередной раз пошел в атаку, то неожиданно сделал подсечку, я сорвалась, но успела зацепить и его, поэтому вниз мы полетели вместе, а когда

достигли сетки, то оказалось, что Фарон все это время держал меня за руку. Он лежал рядом и смотрел наверх:

- Забавно. Значит, когда ты падаешь, то утягиваешь за собой. Хотя, это даже приятно, – тогда он повернулся ко мне и добавил. – Я бы упал с тобой на дно самого глубокого ущелья.

- Ты мне льстишь, – и я засмеялась, ведь за этот месяц мой взгляд на него изменился. Теперь Фарон не казался таким уж чудовищем, он всего лишь номар, который живет по своим законам.

- Почему же? – он пододвинулся еще ближе, и его рука коснулась моей ноги. – Скажи мне, а что ты чувствуешь к брату?

- С чего я должна обсуждать с тобой свои чувства? Ты же противник этого, считаешь, что между мужчиной и женщиной нет ничего, кроме природных нужд.

- А с чего ты взяла, что я так считаю? Из-за того случая с номаркой?

- Да.

- Что ж, тот случай носил скорее воспитательный характер, я всего лишь спилил ей клыки, так как она кусалась и не выполняла приказов.

- Клыки? – мои глаза округлились от удивления.

- А ты что думала? Решила я был с ней близок? – и он залился смехом. – Не ожидал, что ты такого обо мне мнения. Я и эта самка!

- Тогда почему ты велел молчать и чуть не раздробил мне кости?

- Потому что Эфин не одобряет таких методов. Он надеется, что сможет перевоспитать номаров, сделать их подобными себе. Но это невозможно, они никогда не станут такими как мы, Скайра создала номаров кровожадными существами.

- Однако, ты их тренируешь.

- Единственное, чего у них не отнять, так это способность подчиняться вожаку, у них это в крови. Я делаю из номаров воинов, которые будут биться за своего лидера до смерти. Но, мы отвлеклись, – и он снова посмотрел мне в глаза. – Так ты ответишь мне?

- Я не знаю, что чувствую. Эфин скрытен и замкнут. Он либо пытается подчинить меня, либо отталкивает, - не знаю, зачем я решила рассказать об этом Фарону, но смысла таиться уже не было.

После этого разговора неожиданно почувствовала себя лучше, пусть Фарон и не подходил к тем, кому можно излить душу, но с ним я ощущала себя спокойнее, не надо было все время задумываться о том, как повести себя и что сказать. Все было

проще. Его, порою, отчаянная дикость оправдывалась его жизнью, его делом, поэтому Фарон таков каков он есть.

Эфина все еще не было, а время продолжало идти, и оно уже было далеко не на моей стороне. До окончания нашего уговора оставалось всего четыре месяца, но кроме того, что мы стали хорошими партнерами по бою, больше ничего не изменилось. Фарон продолжал приходить и заниматься со мной, он многому научил, теперь я была готова к любым испытаниям. Лучшим местом тренировок была все та же трапеция, там ощущала себя свободной, поэтому после очередных сражений на земле, забиралась наверх и частенько встречала там закат. Солнце медленно уходило за линию горизонта, ветер стихал, а две луны заливали все вокруг нежно-лиловым светом, Скайра медленно засыпала, мне же хотелось сидеть там как можно дольше, лишь бы не спускаться в тот темный мир, который почти год держит в заточении.

Сегодня также решила встретить ночь на бревне, что находилось в шести метрах от земли. Но мое одиночество нарушил Фарон, он не застал меня в шатре, поэтому направился сразу сюда. Забравшись, сел рядом:

- Тебе здесь так нравится?

- Да. Здесь есть то, чего нет там, внизу, - я же ответила не сразу, мое тело было расслаблено, глаза прикрыты, поэтому не могла сосредоточиться и вернуться в реальность.

- И чего же?

- Свободы, Фарон, свободы.

Затем мы еще полчаса сидели в полной тишине, после чего номар спросил:

- А почему ты не интересуешься, где Эфин?

- Зачем? Все и так понятно. Скоро истекает срок нашего уговора, и он придет за мной.

- Какого уговора?

- А ты не знаешь? Удивительно, что брат не поделился с братом, – мне захотелось рассказать ему все. – Эфин дал слово, что не тронет меня в течение года, но если спустя это время у меня не появится чувств к нему, то он просто возьмет свое, – и я засмеялась

- Так значит, он еще не был с тобой? – Фарон сразу напрягся.

- Нет.

- Мой брат идиот! – и он широко улыбнулся, обнажив клыки.

- Не хорошо так говорить о вожаке за его спиной, – я иронично покачала головой.

- Просто, если бы я был на его месте, то все было бы иначе.

- Как же? Ты бы не дал время своей женщине?

- Не знаю, но она бы хотела быть со мной, – тогда он посмотрел на меня и слегка коснулся руки.

- Ты не можешь этого знать. Эфин угрозами забрал меня из отчего дома, пообещав в противном случае уничтожить мой народ, поселил в месте, от которого я медленно схожу с ума и исчез. Он не дал нам шанса.

- Эфин увидел в тебе особый трофей, он пошел на то, чтобы вести с Мазаратом переговоры по торговле вместо того, чтобы превратить крианцев в рабов. Я не понимал его и не одобрял подобных шагов до недавнего времени. Ты действительно особенная. За годы войн и нападений на различные города и деревни, я ни разу не видел таких как ты.

- Какая же я? В чем сам Фарон увидел во мне особенность?

- Ты не боишься грязи, не боишься оступиться. А еще, твои глаза, они завораживают, отвлекают внимание, заставляя противника открыть свое слабое место, – и он указал на сердце.

- Только Эфин не открыл своего слабого места.

- Но Эфин еще не весь мир, есть и другие, кто готов отбросить оружие и отдаться на волю судьбы, – он медленно взял мою руку и слегка сжал ее.

Тогда я поняла, что Фарон испытывает ко мне чувства.

Глава VII
Риск - благородное дело.

Спустя пару недель Эфин все-таки появился, он выглядел очень измотанным и обессиленным, этот высокий и сильный номар был очень слаб. На его спине появилось множество шрамов, которые еще не успели зажить, все это было ценой за его стремление к господству. Мне же было все равно, теперь я иначе смотрела на него, без какой-либо надежды и, тем более, вожделения.

Эфин зашел вечером в шатер и пригласил за стол, он не настаивал, не проявлял грубости, просто и спокойно попросил присесть с ним за общий стол. Оказавшись рядом, не хотела смотреть ему в глаза и не имела особого желания с ним разговаривать, он же напротив, не спускал с меня глаз, а через несколько минут заговорил:

- Мне кажется, я должен извиниться перед тобой.

- За что? – я резко повернулась, мои щеки загорелись, сильное чувство злости нахлынуло подобно гигантской волне на Большой воде.

- За то, что был вынужден отсутствовать все это время.

- Ничего страшного, я прекрасно проводила время, ни капли

не скучая. Фарон об этом позаботился.

Тогда Эфин нахмурил брови и так странно посмотрел на меня:

- Фарон? Что значит, позаботился?

- Ты же велел ему тренировать меня, что он и делал. Причем эти новые тренировки были значительно интереснее, чем та игра, в которую ты со мной решил поиграть.

- Значит, брат все это время развлекал тебя, – он встал и оперся о стол, наклонившись ко мне. – И его присутствие тебя привлекло больше?

Мне тогда захотелось нанести удар по его самолюбию. Я видела, что его глаза постепенно разгораются.

- Да! – я вскинула брови и широко раскрыла глаза, смотря на него. - С ним было хорошо, жаль нам не удалось посетить тот горячий источник.

После этих слов Эфин взорвался, он отшвырнул стул в сторону и, подойдя ко мне вплотную, схватил за плечи.

- Ну, продолжай. Мне очень интересно послушать, чем еще вы здесь занимались.

- Тем, чем не занималась с тобой!

Тогда он отбросил меня в сторону, а сам вышел из шатра. На этот раз я явно перегнула палку, поэтому сразу же побежала за ним. Выскочив на улицу, увидела, как Эфин входит в шатер брата, а спустя секунду Фарон выкатился наружу. Началась драка, два брата сцепились подобно зверям, а я не знала, что могу сделать, чтобы это прекратить. Сначала они были на земле, но вскоре встали и обнажили мечи, теперь их драка могла закончиться плачевно. Братья не замечали ни меня, ни чего бы то ни было вокруг, выясняя отношения:

- Я оставил тебя здесь, чтобы присматривать, а не лезть к моей жене под юбку! – Эфин скалился и пытался нанести удар, но Фарон уклонялся.

- Ты оставил ее здесь, в этой деревне. Признай брат, Амена для тебя ничего не значит, ты лишь хочешь своего особенного потомства, чтобы добавить в Тарон новую кровь.

- Я оставил ее в деревне, чтобы защитить! В Тароне сейчас небезопасно, и ты это знаешь. Я и не думал, что мой брат окажется такой змеей и будет отравлять ее мысли. Мне приходится каждый день отстаивать свой город, каждый день проливать кровь своих воинов, чтобы сохранить им жизнь!

- Это был твой выбор! Я никогда не хотел участвовать в этом кровосмешении, мы номары, наш отец был номаром, а ты избрал путь никчемного лизоблюда! Хочешь быть Правителем?! Считаешь нас ниже себя, вот и отправляйся в Тарон. Здесь уже

не твоя территория, а значит и Амена не твоя! – Фарон искусно уходил от ударов и сразу же шел в атаку.

Они продолжали наносить удары, один за другим, в свете лун вспышками рассыпались искры от раскаленного металла.

- Ошибаешься брат, здесь все мое! Я лидер и номары это знают, наши законы незыблемы. И Амена моя жена!

- Жена? Не смеши меня, она еще ни разу не была с тобой. Амена то, чем ты никогда не будешь владеть, ты познаешь с ней то же самое, что познал с нашей матерью!

В этот момент Эфин остановился, Фарон затронул в нем что-то мрачное, какую-то глубокую, но сильную боль.

- Амена другая, – тогда он обернулся и наконец-то увидел меня.

Фарон также остановился и обернулся в мою сторону. Я же не верила своим ушам, все это время меня держали как самку, для того чтобы она принесла потомство в скором времени, пополнив ряды таких как Эфин и его брат. Теперь все начало обретать свой настоящий облик.

После непродолжительного молчания, я подошла к Эфину и ударила его по лицу, что было сил, а потом поклонилась и сказала:

- Эфин, Правитель Тарона! Я виновата перед вами, так как солгала. У меня ничего не было с вашим братом. И я очень прошу вас, оставить меня в покое в течение оставшихся месяцев, а потом вы можете делать все, что хотите. Вы победили, я Амена, дочь Нитте признаю вашу власть над собой.

Сказав это с болью в сердце и комом в горле, удалилась в свой шатер. Как гласит Дух Великой Скайры, судьба каждого из нас давно предопределена, мы идем по уже уготованному пути и даже если оступаемся или пытаемся изменить судьбу, это все равно часть задуманного. Я должна пройти этот путь, нравится он мне или нет, ибо все напрасно. Остается лишь склониться и принять свою участь.

Спустя какое-то время в покои зашел Эфин, он осторожно сел на край кровати, я же лежала, закрыв лицо руками:

- Амена, – его голос впервые звучал так нежно и спокойно. – Я многого не рассказал тебе, о чем очень жалею.

- Мне не стоит этого знать. Я не хочу. Ты дал мне время, чтобы принять неизбежное, чтобы осознать, что я в этом капкане навсегда. Я осознала. А теперь, сделай одолжение, оставь меня в покое. У меня осталось совсем немного времени, чтобы попрощаться с собой, со своей честью и гордостью.

- Не говори так. Я бы ни за что не оставил тебя здесь навсегда. И если бы не обстоятельства, то и последние пару

месяцев был бы рядом.

- Нет, – я открыла лицо и посмотрела на него глазами полными отчаяния. – На самом деле, эти два месяца без тебя были самыми лучшими. Я не знаю Эфин, кем ты хочешь быть, но в душе ты так и останешься жестоким созданием, которое рождено для того, чтобы разрушать чужие жизни. Видит Скайра, я пыталась увидеть в тебе хотя бы каплю света, но нет, в твоей душе только тьма.

Эфин ушел, не сказав более ни слова, он не злился, не был раздражен, он просто тихо встал и вышел прочь. Я же так и осталась лежать на кровати. Удивительно, что номары не только уничтожали целые виды, они убивали душу.

На следующий день стало немного легче, так как я приняла все, что со мной происходило, происходит, и еще будет происходить. Поразительно, как смирение могло излечивать больную душу! Выйдя на улицу, вздохнула полной грудью и отправилась на поле, мне захотелось снова посетить трапецию, чтобы встретить этот чудесный день с высоты. Забравшись наверх, осмотрела уже привычные пейзажи и решила сделать то, что Фарон мне не позволял - сальто вперед. На земле у меня это получалось с легкостью, но вот на тонком бревне! Можно было с легкостью свернуть себе шею, если оступиться хоть на миллиметр. Хотя, терять мне особо нечего, поэтому можно и рискнуть. Я отошла к самому краю трапеции, затем разбежалась и прыгнула, в этот момент мое сердце замерло, но как только я открыла глаза, то обнаружила, что стою на бревне. У меня все получилось! Когда же хотела повторить этот прыжок, только на этот раз, собираясь сделать сальто назад, снизу меня окликнули. Фарон подбежал к лестнице и немедля направился ко мне, а забравшись наверх, закричал:

- Что ты делаешь?! Совсем ума лишилась?! Ты еще не готова к такому! – он был очень зол.

- Ты прав, ума и вправду лишилась, живя здесь. Поэтому могу делать то, что захочу. Сумасшедшим же все можно. Тем более, мой первый прыжок удался.

- Я не позволю тебе повторить его.

- Почему же? Неужели Эфин настолько запугал тебя, что ты начал думать о моей безопасности?

- Мне плевать на мнение брата. Я просто не хочу, чтобы ты сломала себе шею. Тем более, от тебя зависит многое, а если умрешь, то Эфин расторгнет договор с Нитте.

- Знаешь, Фарон? Мне уже все равно. Вы лжете, не останавливаясь, каждое ваше слово это сплошная ложь. Поэтому я не верю в то, что Эфин сдержит обещание. Тем более, для него

ничего и никого не существует. Чего он хочет? Зачем мучает меня? Ты можешь мне ответить?

- Брат хочет изменить то, что не может быть изменено. Его цель – новый вид, новые номары. Он пытается воплотить в жизнь идеи отца, но отец хотел лишь получить идеальных воинов, а Эфин желает получить номаров, которые будут такими же оседлыми и мягкотелыми, как и многие из обитателей Скайры. Для этого ему нужна ты, для потомства. Он держит тебя здесь, чтобы ты стала покорной и смирилась с этой клеткой. В его новом мире нет места ни тебе, ни его народу, - и он указал на деревню, - там будут только они - полукровки, а Эфин будет их Правителем.

Тогда я села на балку и закрыла глаза, ощутила, как слезы тихо – тихо скатываются по щекам, Фарон подсел ко мне и взял за руку:

- Амена? Эфин никогда не полюбит тебя.

- Что ты знаешь о любви? Ты такой же, как и твой брат.

- Ты права. Возможно, мы не созданы для романтики, но у меня есть сердце, и оно умеет чувствовать. Если ты только позволишь, я могу все изменить.

- Зачем тебе это? Ты должен быть заодно с братом, таковы ваши правила и законы.

- Я не хочу смотреть, как Эфин превращает их в рабочий скот. Эти номары кочевники, они не могут жить на одном месте, это сводит их с ума. Они рождены для другого. Но я бы мирился с этим еще долго, если бы не ты, – он посмотрел на меня с надеждой. – Ты не должна так жить.

- Почему? Я же никчемная крианка!

- Просто, - он долго собирался с мыслями, но потом произнес, - я влюблен в тебя. И я готов пойти против брата, лишь бы ты не досталась ему.

Затем Фарон медленно склонился ко мне и поцеловал, казалось, что это все происходит не со мной, что это не я сижу здесь, не мои губы касаются его. А через минуту сего забвения нас вдруг окликнули.

Внизу стоял Эфин. Не знаю, как долго он был там, но выражение его лица говорило о том, что сейчас либо умру я, либо Фарон. Когда же мы спустились на землю, то Эфин немедля подошел ко мне, взял за руку и повел прочь, как выяснилось, он вел меня к воротам, что ведут в деревню. Я пыталась вырваться, так как боялась оказаться среди тех диких животных, умоляя его остановиться. Но он был непреклонен и продолжал тащить за собой. Добравшись до ворот, Эфин открыл их и швырнул меня вперед, после чего вышел сам и встал напротив:

- Значит вот благодарность за все?

Я же не могла молчать и, поднявшись, посмотрела не него свысока, с гордо поднятой головой:

- А за что мне благодарить тебя? – мне сразу вспомнился разговор с отцом и матерью, когда они продали мою душу демону. - За то, что ты решил использовать меня в своих целях? За то, что хочешь навсегда оставить здесь и превратить в безмолвное животное? За то, что хочешь превратить здесь всех в рабов?

- Рабов?! Это Фарон сказал?! - тогда он схватил меня за шею и повернул лицом к палаткам, в которых жили номары. – Смотри, смотри внимательно, что такое номары.

И передо мной открылась картина, от которой захотелось плакать. Некоторые самцы номаров дрались между собой, пока один из них не падал от полученных ран и увечий, другие хватали своих самок и волоком тащили в палатки, вышвыривая оттуда детенышей. И если эти дети попадались под ноги другим, то их просто топтали, оставляя лежать бездыханных, а когда матери выходили из палаток, все растрепанные и побитые, то брали их на руки и выбрасывали в ближайшие канавы, либо в полыхающие костры, без жалости и сочувствия. Они испражнялись там, где ели и пили, мылись в лужах с протухшей водой. Все это творилось в течение нескольких часов, повторяясь снова и снова. Я стояла в ужасе, боялась пошевелиться, а Эфин был рядом и наблюдал за мной. К вечеру мы вернулись обратно, я, молча, проследовала в свой шатер, а он зашел вслед и велел сесть за стол, после чего сказал:

- Теперь ты видишь, как живут номары? Фарон считает, что это нормально, что это их право творить тот ужас. Они не просто животные, они хуже. Я же пытаюсь изменить это. Пытаюсь приучить их к дисциплине, привить хоть какие-то знания и манеры, но начинаю думать, что это бесполезно. Их нельзя выпускать, нельзя дать им возможность и дальше разрушать все, что только попадается на пути.

- Тогда почему я все еще здесь? Среди этих монстров? Значит, моя жизнь для тебя ничего не значит.

- Ты здесь потому, что сейчас небезопасно там, где я хотел бы, чтобы ты жила. Мы ведем борьбу с обезумевшими тумо, которые каждый день осаждают стены Тарона.

- Но тумо ваши родственники. Зачем им это?

- Мы запретили им убивать другие виды, но они практически истребили все живое в лесах, поэтому им теперь нечего есть. У тумо, как и у номаров, есть неписаный закон - закон крови, по которому они не могут ослушаться своего лидера. Поэтому решили меня убить, это их единственный шанс освободиться. Моя

армия пытается оттеснить их, однако они каждый раз возвращаются.

- А какова моя роль во всем этом? – хоть я и знала ответ, но все равно хотела услышать, что скажет Эфин.

- Ты мне нужна.

- Для чего?

- Я не могу сейчас сказать тебе этого.

После его ответа, встала и, не сказав ни слова, удалилась в свои покои. Насколько же малодушен Эфин, что не может даже признаться в том, что хочет превратить меня в самку, молчаливо приносящую потомство.

Он ушел, а я долго не могла заснуть, ворочаясь и пытаясь осмыслить все, что он сказал. Но когда ночь овладела землей, и вокруг все стихло, я встала и вышла на улицу. Перед глазами бесконечно мелькали те ужасы, которые видела в деревне, представляла, как буду вынашивать детей для Эфина, много детей, а он будет появляться и насиловать меня из раза в раз. Тогда я села у шатра и закрылась руками, уткнувшись лицом в колени. Неужели я заслужила все это? Неужели такова цена за спокойствие моего отца? Нет, я не хочу такой судьбы, не хочу и не буду его жертвой. Пусть Эфин строит свою империю на крови и страданиях других. В этот момент в голове пронеслась мысль: «Бежать, только бежать!». Тогда я поднялась и вернулась в шатер, чтобы разбудить Лумею, она немедленно поднялась:

- Что случилось, госпожа?

- Тише, – я затушила свечу и заговорила шепотом. – Мы сегодня бежим отсюда.

- Как?

- Не задавай лишних вопросов, у нас мало времени, до восхода семь часов, поэтому надо торопиться.

- Но как же ваш отец?

- Плевать! На все плевать. Я не позволю, чтобы они издевались над нами. Нам придется обойти деревню, так как нужны лошади. Без них далеко не уйдем.

- Куда же мы направимся?

- В Тихие леса, я видела, они произрастают у той скалы, где на нас напал Карук, эти хищники водятся только там. Но до скал без лошадей не доберемся, так что придется рискнуть.

Лошади номаров паслись за первыми воротами, поэтому нам надо было обойти всю деревню, добраться до пастбища и взять пару коней. Мы быстро собрались и практически на цыпочках пошли в сторону запасных ворот, они ни кем не охранялись, так как Эфин был уверен, что мне не придет в голову бежать. Фарон также ни о чем не подозревал и спокойно спал. Добравшись до

ворот, аккуратно сняли засов и приоткрыли створу, к нашему счастью они хорошо были смазаны и не издавали скрипа. Выйдя за пределы деревни, пошли вдоль забора, мы часто останавливались и прислушивались к происходящему вокруг, но кроме звуков спящих джунглей, ничего не слышали. Спустя какое-то время достигли конца деревни, но чтобы пройти к главным воротам и пастбищу, надо было пересечь широкий ров с черной водой, в которой плавало множество останков различных животных, источая зловоние. Однако, выхода у нас не было, и мы ступили в эту мерзкую жижу, шаг за шагом, погружаясь все глубже, пока вода не достигла уровня груди. Я держала Лумею за руку и чувствовала, как ее трясет, но она хорошо держалась и не издавала ни одного звука, хотя было видно, что хочет кричать. Перейдя ров, выбрались на берег и оказались как раз справа от ворот, часовые стояли спиной к нам и, видимо, спали, поэтому осмотрелись и тихо пошли в сторону пастбища, где паслись их лошади.

Но перед нами стояла еще одна задача - оседлать этих лошадей, ведь они такие же дикие и злобные, как и их хозяева. Добравшись до них, вытащила из сумки пару кусков мяса, которое прихватила с собой и стала всматриваться в лежащих на земле хищников. Они спали, периодически встряхивая шерстяной гривой, затем мой взгляд остановился на одной из них, которая была в стороне. Одиночка, ее не приняли в стаю, только тогда эти лошади держались поодаль от остальных. Я тихо и беззвучно прошла к ней и села рядом, сердце в этот момент готово было выпрыгнуть, ведь либо эта лошадь нападет, либо примет дар и позволит оседлать себя. Положив перед ее носом кусок мяса, слегка погладила по спине, она неспешно открыла глаза и сразу посмотрела на меня, я же сидела неподвижно, так как боялась спугнуть. Спустя несколько минут, когда лошадь поняла, что ей ничего не угрожает, взяла с земли мясо и жадно проглотила его, после чего потянулась к моей сумке в поисках добавки, но вместо лакомства, я положила руку ей на морду и ласково произнесла:

- Тихо, тихо… Ты получишь еще, только давай сначала прогуляемся, – немного похлопав по спине, поднялась на ноги. – Ну, вставай милая, вставай

Она не заставила долго ждать и также поднялась, в ее глазах уже не было испуга или недоверия, поэтому она спокойно стояла и ждала, что будет дальше. Теперь дело стало за второй лошадью, но искать ее не пришлось. Мне в спину кто-то дышал горячим паром, толкая сумку с едой. Спокойно повернувшись, увидела, что рядом стоит конь и с умоляющими глазами смотрит на сумку. Я аккуратно достала еще один кусок мяса и протянула ему, тот

сразу же схватил угощение и мигом проглотил. Когда доверие было налажено, достала две веревки, обвязала шеи каждого, после чего потянула за собой в сторону Лумеи, мы все же держались ближе к стаду, чтобы часовые не заметили отделившихся.

До рассвета оставалось около трех - четырех часов, надо было торопиться. Мы шли пешком и вели за собой лошадей, так как номары могли услышать топот бегущей лошади и поднять всех. Направляясь по той дороге, по которой прибыли в деревню, все время оглядывались и прислушивались, но как только отошли на столько, чтобы часовые не смогли нас видеть, оседлали аттаринов и тихо поехали вперед. Отъехав еще на несколько километров, прибавили ходу и уже поскакали так быстро, как только могли. Солнце должно было встать всего через пару часов, поэтому спешили добраться до лесов, которые начинались сразу после выжженных равнин. Вскоре впереди показалась темно-лиловая стена из деревьев, тогда я поравнялась с Лумеей и мы остановились:

- Ты помнишь наш путь?

- Да, госпожа, помню.

- Давай договоримся. Сейчас каждая из нас поскачет в свою сторону, чтобы сбить их со следа, а встретимся у реки. Если ехать, не останавливаясь, то доберемся до нее через шесть или семь часов. Доберешься первой, жди около часа, если я не появлюсь за это время, уходи.

- Но Амена?

- Не спорь! Делай то, что говорю. По пути может случиться все, что угодно. Я также буду ждать тебя около часа.

- Но почему мы не можем поехать вместе?

- Номары идеальные следопыты, нельзя настолько упрощать им задачу. Вот держи, - я протянула ей кинжал, который висел у меня на поясе.

Она взяла его, и мы распрощались, Лумея поскакала направо, а я налево. Теперь жизнь каждой из нас в наших собственных руках, остается только молиться Скайре, чтобы она помогла и защитила нас в момент опасности.

Глава VIII
Братья номары.

Рассвет наступил спустя час, деревня постепенно оживала и приходила в движение. Фарон также проснулся, он еще какое-то время лежал в своей кровати и что-то обдумывал, как к нему ворвался Эфин и силой вытащил из постели:

- Это твоя работа?! – он рычал на брата и все сильнее прижимал его к центральному бревну, что удерживал шатер.

- Эфин?! Ты совсем с ума сошел?! О чем ты?

- Амена! Ее нет!

- Что?! – Фарон отбросил руки брата и оттолкнул его в сторону. – А служанка?!

- Ее тоже нет. Они бежали! Видимо, ночью, пока ты представлял во сне, как забавляешься с моей женой. – Эфин сел на кровать и обхватил голову руками, он явно был расстроен, но не как тот, кто потерял свой трофей, а как тот, кто переживает сердцем.

- Я здесь ни при чем, брат, – пробубнил Фарон и задумался.

- Учти, если это твоих рук дело, я лично четвертую тебя.

Но, Фарон сразу же пришел в себя и спросил:

- Стоит ли так переживать? Она сбежала, а значит, нарушила уговор. Можешь собирать войско и идти в Мазарат.

Но Эфин лишь оскалился и вышел из шатра. Великий воин был растерян, он впервые не знал, что ему делать, ведь в его душе зародились чувства, которые терзали каждый день и каждую ночь. Эфин уже давно ложился спать с образом Амены перед глазами, а, просыпаясь, мечтал увидеть ее. Этот номар был груб, жесток и переполнен ненавистью ко всем, кто встречался ему на пути, но только не к ней. Не зная и не понимая тех необычных чувств, которых никогда не было раньше, Эфин мучился и презирал себя, однако не мог перестать думать о дочери Правителя Мазарата.

Зайдя в покои своей сбежавшей жены, он взял ее шелковый шарф и сел на кровать. Перебирая в руках этот кусочек ткани, который так нежно пах ее телом, Эфин вспоминал все, что сделал, но самое главное, вспоминал то, что сделал не так - бросил Амену здесь, в деревне кишащей дикими монстрами, потерявшими контроль и жаждущими лишь насилия и крови. Но спустя пару часов он встал и направился к брату, Фарон тем временем обследовал путь, которым ушли крианки. Двое встретились на дороге, ведущей в деревню:

- Что скажешь?– Эфин со злостью в глазах смотрел на него.

- Они ушли ночью, пробрались на пастбище и взяли двух лошадей, затем еще какое-то время шли по дороге, но потом оседлали аттаринов и направились к лесу.

- Что дальше?

- Дальше они разошлись. Амена направилась в восточную часть, а служанка в южную. Как думаешь, куда они направляются?

- Не знаю, но разными путями они не пойдут, а значит, должны где-то встретиться. Им известен только тот путь, которым мы прибыли сюда.

- И ты будешь ее искать? – Фарон казался спокойным, но его спокойствие было лишь внешним, а внутри него все кипело, так как он тоже желал Амену и каждую ночь представлял ее в своих руках. – К чему это все?

- Она моя жена, тем более у нас уговор.

- Кого ты пытаешься обмануть, Эфин? – он засмеялся. – Причина уже давно не в этом треклятом перемирии, а в ней, в Амене. Тебе нужна она.

Тогда Эфин подошел вплотную к брату и, обнажив клыки, произнес:

- А разве тебе она не нужна? А? Фарон? Не ты ли протянул к ней свои грязные лапы?

- Да! Нужна! – Фарон так же оскалился. – Амена знает, для чего ты ее держишь здесь и что хочешь получить. Тебе нужны лишь полукровки, которыми ты заполняешь Тарон, а она идеальный вариант, здоровая и красивая крианка, наследница критти, в ее венах течет кровь этих кочевников, которым не было равных в хитрости и жестокости. Даже номары веками содрогались перед топотом копыт их лошадей, оставляли свои земли и бросали добычу, лишь бы миновать столкновения. Хочешь создать непобедимую армию, забыв о том, кто ты есть? Знай Эфин, номары не будут долго ждать, их терпение на пределе.

Но Эфин отошел от брата и направился к своему коню, а оседлав, сказал напоследок:

- Следи за деревней. Надеюсь, с этим ты справишься, и номары не разбегутся от тебя под покровом ночи. Я найду ее и вернусь, тогда и решим, кто из нас ей нужен больше.

И уже через несколько минут Эфин скрылся из виду, а Фарон остался стоять, провожая взглядом брата, но в его душе зародились большие сомнения.

Глава IX
Сразись со мной!

Мы движемся уже несколько часов, но до реки путь не близок, поэтому пришлось остановиться у попавшегося на глаза ручья, и дать возможность моему коню напиться. Аттарины могут долгое время обходиться без еды, но вода для них очень важна, без нее эти могучие животные слабеют и теряют скорость. Пока мой конь жадно вбирал воду в свою пасть, я присела у ручья и умылась. Сквозь деревья проглядывало солнце, его лучи мелким бисером рассыпались по травяному ковру, отчего вся земля блестела и переливалась. Вокруг нас раскинулись густые леса,

которые казались бесконечными и одинаковыми, любой неопытный путник мог заблудиться здесь в считанные секунды, я тоже плохо знала здешние места, но отчетливо помнила направление ветра и цвет коры деревьев, она была красноватая с той стороны, откуда мы пришли, а значит, я следую правильным путем. Надо лишь набраться терпения и не терять надежды.

Сейчас меня совершенно не волновало то, что я нарушила наш с Эфином договор, я бежала оттуда, где нет жизни. Номары уже мертвы, их души давно прокляты и Скайра наблюдает, как они постепенно уничтожают друг друга изнутри. Возможно, Фарон прав и эти создания не пригодны для оседлой жизни, но если им дать возможность идти вперед, то они начнут разрушать все вокруг себя, никого не щадя, так пусть лучше номары перебьют друг друга, чем заберут сотни и тысячи невинных душ.

После небольшой передышки снова двинулись в путь. Если все верно, то до реки оставалось еще два – три часа, там мы должны встретиться с Лумеей и уже вместе следовать до Тихих лесов. Я молилась только, чтобы она была там. Пробираясь сквозь деревья, почувствовала как ветви цепляются за волосы и лицо, то были Каршевые заросли, их ветви покрывали острые шипы и, вонзаясь ими в плоть, будь то птица или любое другое животное, питались кровью, оставленной жертвами на них. Мы попали в самый рассадник этих кровососов, конь беспрестанно рычал и бросался из стороны в сторону, но продолжал идти вперед. Как только Каршевая чаща осталась позади, мы остановились, и я какое-то время стирала кровь со своего лица, шеи и рук, казалось, будто нас изрезали сотнями тонких иголок, все порезы жутко чесались и постепенно начинали болеть. Видимо, эти проклятые деревья еще и ядовиты, а спустя некоторое время стала замечать, что аттарин прихрамывает, словно ноги не слушаются его.

Спрыгнув на землю, решила осмотреть несчастное животное, и моим глазам открылась чудовищная картина, все тело коня было покрыто глубокими порезами, из которых сочилось что-то желтого цвета, очевидно, яд. Раны вздулись и продолжали увеличиваться, а я ничего не могла сделать, аттарин постепенно угасал. Аккуратно усадив его на землю, достала из сумки небольшой кувшин с водой и дала ему попить напоследок. Он сделал несколько глотков, и его голова упала мне на колени. Как оказалось, самые ядовитые шипы у тех деревьев располагаются ближе к земле, поэтому основной их удар пришелся на коня, я же получила меньшую дозу. В теле ощущалась слабость и слегка кружилась голова, но все-таки могла двигаться вперед. Произнеся молитву за душу усопшего животного, погладила его гриву на

прощание и пошла дальше. До реки еще пару часов, значит надо спешить, иначе Лумея уйдет.

Продолжая идти, вспоминала все дни, проведенные в деревне, но почему-то самыми запоминающимися были именно встречи с Эфином, в нем было что-то особенное. Сквозь дерзость и грубость все равно прокрадывалась нежность, он тщательно ее скрывал и не хотел показывать, но я ее чувствовала, возможно, Эфин и переживал за свой народ, пытаясь сделать его лучше, но это не в его силах. И как же было больно от того, что он решил безжалостно использовать меня в своих планах, я надеялась на него, на возможность быть с ним и надеялась на те чувства, которые, как казалось, возникли в нем, но это все ложь. Эфин одержим, отчего не видит и не понимает любви.

В таких мыслях прошло еще около полутора часов, вечер постепенно опускался на леса, лиловые лучи проникали сквозь деревья, мне же становилось не по себе, так как бродить в лесной чаще среди ночи не сулило ничего хорошего. Но скоро заметила блеск, исходивший из-за плотно сросшихся кустов, добравшись до них, раздвинула листья и моя душа наполнилась радостью. Река! Вот она! Мне удалось найти то место, где мы останавливались, я вышла из чащи и села на прибрежные камни. Лумеи не было, и радость постепенно сменялась переживаниями. Просидев около часа и успев искупаться, пыталась понять, что же делать дальше, то ли продолжать ждать и подвергнуться риску встретить номаров, то ли уйти, но куда я пойду? В ночи, без лошади! Оставалось только заночевать здесь и кто знает, может быть Лумея все же придет.

Как только хотела забраться на дерево, чтобы не стать случайной жертвой какого-нибудь хищника, услышала треск веток, этот шум исходил с той стороны, откуда должна была появиться Лумея, но то были не шаги лошади. Я попыталась всмотреться в темноту лесной чащи, однако кроме мрачных стволов и черных пустот ничего не видела, словно кто-то прятался там - в глубине и выжидал момент. Возможно, это очередной зверь, желающий отужинать мной, я же стояла здесь как открытая мишень и не двигалась, но не от страха, а потому что понимала, дальше пути нет. Попытка бежать закончилась провалом, Лумеи нет, нет лошади, нет ничего, что могло бы помочь, кроме меча, но какой толк от него, если здесь обитают те, кто по праву зовутся властителями леса.

Через минуту этот треск повторился, оно приближалось медленно, но уверенно, а спустя секунду я увидела фигуру, которая подняла руку, и что-то бросила в мою сторону, из темноты вылетело нечто легкое и подобно сизому облаку

спустилось на землю, я сделала шаг вперед, чтобы поднять. Как только дотронулась, уже поняла, что это такое. Шарф. Тогда из тени вышел тот, кто прятался, и грустная усмешка появилась на моем лице:

- Эфин, – я прошептала его имя и опустила глаза на шарф.

- Ты думала я не найду тебя? – он говорил тихо и спокойно, в его голосе не было злости или раздражения, словно мы оба боялись разбудить лес.

- Я надеялась на это.

- Почему? – Эфин сделал еще несколько шагов вперед и остановился в паре метров от меня.

- К чему отвечать, ты и так все знаешь.

- Но ты не дала мне шанса рассказать тебе.

- Я уже все знаю. Прости Эфин, но я не могу так жить. Если ты хочешь, то можешь собрать армию и пойти на Мазарат, мне уже все равно.

- Я не отпущу тебя, ты моя жена.

- Нет, не жена. Перед Скайрой я не стала твоей женой, так как наш союз был заключен без любви. А значит, ты мне не муж и ты не сможешь больше удерживать меня.

Тогда Эфин достал свой меч и еще больше вышел на свет:

- Хорошо, в таком случае давай заключим сделку, если ты нанесешь мне хотя бы один удар, и твой меч окрасится моей кровью, то я отпущу тебя, а если нет, мы вернемся вместе.

- Что ж, справедливо.

Я также достала меч и приготовилась, Эфин как всегда стоял спокойно, был абсолютно расслаблен, как и в самые первые наши тренировки. Но первый удар нанес он, лезвие его меча коснулось моего, и искры посыпались на землю. Мы сражались яростно, так как каждый хотел добиться своего, я изо всех сил пыталась ранить его, а он без труда уклонялся, словно мои удары наносились не мечом, а пером. Спустя некоторое время тщетных попыток, вспомнила, чему меня учил Фарон, он говорил, что атаковать надо в тот момент, когда враг только заносит свой меч, и, дождавшись этого момента, выставила меч вперед, чтобы отвлечь Эфина, а сама незаметно вытащила нож, который хранился в сапоге, и как только он поднял свое оружие, то бросилась на него. Пока он отвлекся на основной удар, вытащила из-за спины нож и нанесла секущий удар, проведя лезвием по его животу. Эфин оттолкнул меня и отошел в сторону, а я встала напротив и подняла вверх нож, лезвие которого было покрыто кровью. Тогда он посмотрел на свой живот и, проведя по нему рукой, обнаружил кровь.

Эфин поднял глаза и улыбнулся:

- Я горжусь тобой, Амена, ты впитала все, что надо было. Стала настоящим воином, как и твои предки.

- Неважно, – ответила, пытаясь отдышаться. - У нас был уговор. Теперь я свободна.

- Да! Только позволь сказать тебе на прощание, – и он подошел совсем близко. – Я пришел в Мазарат, чтобы подчинить вас, но там, на поле среди солдат увидел одного, чьи глаза рассказали о нем все. То были глаза женщины, страстной, нежной и сводящей с ума, она не боялась, а готова была идти вперед. И потом, эти же глаза я увидел, распахнув двери зала твоего отца. С того момента все изменилось.

- Что же изменилось? Ты решил использовать одну меня, вместо всех?

- Я не собирался использовать тебя. Конечно, дети рождаются, но не ради каких-то целей. Мне хотелось научиться у тебя особым чувствам, ведь я мог дать тебе только знания и умения воина, а ты же дала мне много больше.

- Что же? – у меня вдруг снова образовался ком в горле, в груди все сжалось.

- Дала мне шанс. Шанс познать любовь, – тогда он взял мою руку и подтянул к себе. – Да. Я люблю тебя. Люблю.

Мне так захотелось поверить ему, но в памяти всплыло все, что произошло за последнее время, все слова Фарона, вся жестокость и дикость номаров и то, что Эфин месяцами не появлялся, бросив меня на волю судьбы. И я ответила ему:

- Прости, Эфин. Но я не верю тебе. Ты играл мной все эти месяцы, мог бросить или наоборот попытаться овладеть, говоря, что я вольная девица. Какими бы благородными ни были твои стремления в попытках создать новый вид и спасти номаров от них самих, но я не хочу принимать в этом участие, рожая полукровок.

Услышав последние слова, Эфин отпустил мою руку и отошел, в нем словно что-то надломилось, отчего взгляд наполнился печалью и разочарованием:

- Полукровок? Даже если бы у нас и были когда-то дети, то ты посчитала бы их выродками? Скажи, – в этот момент он не выдержал и крикнул. – Скажи!

Я желала лишь одного, скорее уйти отсюда и забыть все, что произошло, а главное забыть его, поэтому ответила совершенно не то, что хотела бы:

- Да!

- Ясно. Как оказалось, ты не такая, какой я тебя представлял. Можешь идти, и еще, не забудь забрать свою служанку, она ждет там, за деревьями.

Мое сердце заболело, сильно заболело, ведь я сказала нечто ужасное. Не знаю, почему Эфин испытал такое разочарование, но я разочаровалась в себе не меньше, меня учили любить этот мир, любить детей. Лишь они могут спасти заблудшую душу и излечить израненное сердце, в детях мы находим благословение Скайры, ее одобрение и покровительство. История знавала не мало случаев рождения тех, в ком текла кровь двух и более видов и это никогда не было причиной ненавидеть такого ребенка или презирать его. Надеюсь, Скайра знает, что на самом деле я думаю иначе.

Смотря на Эфина, видела в его глазах отчаяние, он сел на камень и принялся смывать с себя кровь, я же понимала, что все, вот она - свобода, стоит лишь повернуться к нему спиной и идти на встречу чему-то хорошему, однако ноги не слушались. Тогда Эфин посмотрел на меня и произнес сквозь зубы:

- Убирайся. Надеюсь, наши пути больше никогда не пересекутся.

Я глубоко вздохнула, и сказав «Прощай», повернулась в сторону чащи, где должна была ожидать Лумея, но как только сделала шаг вперед, из темноты выскочили оба коня, на одном из них сидела Лумея, она быстро соскочила с лошади и, спотыкаясь, подбежала ко мне, ее глаза были полны ужаса.

- Что случилось?

Но в этот момент встал Эфин и прислушался, после чего тихо сказал:

- Здесь тумо. Их трое или четверо, и они идут прямо сюда.

- Тумо? Разве они водятся здесь?

- Нет, но они, скорее всего, шли за мной. Я пришел один, без войска, а им только этого и надо.

- Ты справишься с ними? – подойдя к нему, посмотрела в глаза.

- Не знаю. Они очень сильны, в одиночку с ними практически бесполезно сражаться.

- Тогда надо бежать. Лошади здесь, садись и скачи прочь.

И только мы собрались оседлать лошадей, как два этих монстра выскочили из леса и остановились в нескольких метрах от нас. Я впервые видела их так близко, пасти были полураскрыты и из них текли слюни, а глаза горели в ночи оранжевым светом, все тело тумо было покрыто длинной шерстью. Они стояли, полусогнувшись и расставив лапы с когтями в разные стороны. Тогда Эфин обнажил меч и, рыча, вышел вперед. Тумо обошли его, один стоял спереди, другой за спиной, а спустя пару минут к ним подоспели еще двое, Эфин оказался в кольце, откуда, казалось, невозможно вырваться.

Лумея подбежала ко мне в этот момент и начала тянуть в сторону лошади:

- Амена?! Давай, нам надо уходить. Сейчас самое время, пусть эти звери растерзают его и все, мы свободны!

Но я не могла бросить Эфина, не хотела.

- Нет. Я останусь, а ты можешь идти.

- Что?! Зачем же тогда вы бежали, раз остаетесь здесь на верную смерть?!

- Эфин не должен погибнуть от лап этих мерзких тварей.

И вытащив меч, пошла в направлении тумо. Они не обращали на меня внимания, так как были сосредоточены на Эфине, ведь он их главная цель, тогда подняла с земли камень поувесистее и, что было сил, бросила в голову одного из них. Тумо получил удар в затылок и резко развернулся, его глаза засверкали, источая ненависть, он выпрямился и медленно направился ко мне, в этот момент Эфин нанес первый удар, началось сражение. Тот, что шел на меня, постепенно опустился на землю и на четырех лапах помчался вперед, я же побежала от него в сторону деревьев, и, добравшись до них, одной ногой оперлась о ствол, а другой обхватила ближайшую ветку, оказавшись наверху. Тумо так же решил забраться, но я перелезала с дерева на дерево, добираясь до тех ветвей, что росли, нависая, над рекой. Как только подо мной заблестела река, я остановилась и ждала эту тварь. Тумо, не обращая внимания ни на что, пробирался ко мне и когда ему оставалось только броситься, я ухватилась за лиану. Тумо выставил когти вперед, после чего прыгнул, но я оттолкнулась и, держась за лиану, обогнула его, нанеся в этот момент удар ровно между ребрами. Он хотел поймать меня, но запутался в ветвях и сорвался в воду, я же бросилась на него сверху и вонзила меч в шею, вдоль позвоночника. После такого монстр схватил меня за плечи и отшвырнул в сторону, но больше ничего не сделал, его тело рухнуло и медленно погрузилось под воду. Один вышел из боя.

Выбравшись на берег, посмотрела на Эфина, он также разделался с одним из них, остались двое, но они и не собирались сдаваться, эти два чудовища действовали слаженно, когда один оборонялся, второй шел в атаку и наоборот. Я побежала к Эфину, но как только он заметил меня, то резко ушел в сторону и не позволил приблизиться, попытки отвлечь тумо на себя не увенчались успехом. Тогда я снова забралась на дерево, что раскинуло ветви над сражающимися, и, дождавшись момента, спрыгнула, оказавшись прямо в центре. Тумо немного расступились, они продумывали свои дальнейшие шаги, а Эфин попытался вытолкать меня, но это не так-то просто:

- Уходи отсюда глупая самка! – он рычал и продолжал выталкивать меня.

- Нет. Я уложила одного, так что могу помочь.

- Здесь ты только помеха, эти двое братья, они сражаются вместе.

- Вот именно, что их двое, а ты один! Как можно быть таким волком одиночкой?!

- Мне на роду написано быть одному, так что все!

И он хотел уже вытолкнуть меня, как я увидела за его спиной летящего тумо. Зверь размахнулся и всей своей мощью нанес удар Эфину, его даже отбросило на три метра в сторону берега. Эфин лежал на песке и не проявлял никаких признаков жизни. Тот, что нанес удар, направился к нему, чтобы завершить начатое, но как только приблизился, то резко остановился и все, что я слышала после, это свист стрел. Из чащи начали выскакивать один номар за другим, выпуская стрелы в тумо. Номары бросались на них, нанося удар за ударом, тумо растерялись, они не ожидали такого поворота событий, поэтому замешкались и дали время, чтобы убить себя. А под конец из лесной глуши вышел конь, на котором сидел Фарон, он проследовал к нам и, спустившись с лошади, направился к Эфину. Тот продолжал лежать с закрытыми глазами, его дыхание было прерывистым и мне казалось, что он вот-вот умрет, поэтому подбежала и постаралась перевернуть его, чтобы взглянуть на рану. Мне помог Фарон, а когда мы повернули Эфина спиной, то обнаружили три глубокие раны, тянущиеся от плеча до левого бока, кровь лилась ручьями. Тогда я посмотрела на Фарона:

- Надо прижечь!

- Раны слишком глубокие, кровь не остановится. Надо либо зашивать, либо дать ему умереть. Но, иголок и ниток здесь нет, как назло я забыл свою корзиночку с шитьем дома, – он ехидно усмехнулся.

- И ты вот так просто сделал выбор?! Он же твой брат.

- Хорошо, а что ты предлагаешь, беглянка?

В этот момент я вспомнила, что несколько острых шипов Каршевых деревьев застряли в моей одежде, которые вытащила, но не стала выбрасывать. Я достала их и взяла тот шелковый шарф, вытянув из него нити.

- Вот, что я предлагаю. Я могу зашить его раны, здесь достаточно ниток, надо лишь сделать из этого шипа иголку, – достав шип, протянула Фарону. – Вот, держи, в них уже нет яда.

Фарон нехотя взял свой кинжал и проделал в шипе небольшое отверстие, после чего вернул мне. Я немедленно вставила в него нить и попросила, чтобы с Эфина сняли жилет,

когда же все было сделано, села рядом с ним и помолилась Скайре.

Фарон стягивал края рассеченной плоти, а я сшивала их. Часы тикали, на небе забрезжил рассвет, но мы продолжали, время работало против нас, Эфин терял много крови, и мне надо было торопиться. Сшивая последнюю рану, почувствовала, как руки начинают дрожать, но я не останавливалась, продолжая закрывать рассечение. Фарон иногда смотрел на меня, и на его лице блуждала печальная ухмылка, он видел, что я устала, поэтому решил нарушить молчание:

- Ну, брат! За тобой должок, если все-таки очнешься.

- Очнется, обязательно очнется, – я наносила последние швы, а в глазах уже все сливалось. Вид разорванной плоти ужасен, но когда встает вопрос жизни или смерти, приходится забывать о своих страхах и действовать.

- Тебе важно, если он выживет?

Тогда в голове пронеслась мысль, что да, важно. Мы с Эфином в чем-то схожи, мы оба настойчивы и полны решимости:

- Важно. Я ему задолжала свою жизнь, ведь он однажды спас меня. Теперь мы квиты.

- Только ли дело в долге? Вот вы оба все время говорите о договоре, долге и ответственности, но как-то сложно поверить в то, что это лишь ваши принципы.

Но я ничего ему не ответила, просто не знала, что сказать. Возможно, дело не только в долге, не в идеалах и не в принципах, а в чем-то другом.

Закончив с ранами Эфина, отсела в сторону и попросила, чтобы мне принесли раскаленный кинжал, им я прижгла края ран, чтобы окончательно остановить кровь, так же прижгла и тот порез, что оставила ему на животе. К счастью Эфин все это время был без сознания, поэтому не чувствовал той кошмарной боли, хотя он из тех, кто может пришить себе ногу в полном сознании. Главное, что он дышал, и его дыхание пришло в норму, как и сердцебиение. Обработав напоследок раны той мазью, что номары всегда носили с собой, закрыла спину оставшимся куском шарфа.

Теперь можно было отдохнуть, номары развели костер, поймали кого-то в лесу и уже медленно зажаривали его на вертеле. Я же сидела, откинувшись спиной на дерево, и смотрела на реку, на то, как вода плавно бежит куда-то, ее вид умиротворял, однако долго наслаждаться одиночеством не получилось, ко мне подсел Фарон и принес кусок зажаренного мяса:

- Вот, держи, – он протянул мне еду. - Оказывается ты не

только женщина-воин, но еще и лекарь. Не перестаешь меня удивлять!

- Чему только не научишься, живя с такими, как вы, – и я усмехнулась. – Кстати, а что ты здесь делаешь?

- Долг! – Форан засмеялся. – Мы же братья, – в его словах было столько иронии, что я невольно тоже засмеялась.

- Да, хороший же ты брат, пришел спасти, но решил оставить его умирать.

- Я не за ним пришел, Эфин настоящий воин, который не признает больше никого, так что моя помощь ему не нужна.

- Что же ты тут делаешь?

- Хотел поймать тебя и вернуть на законное место.

- Но я жена твоего брата, – я удивленно посмотрела на него.

- Перед Скайрой ты ему не жена, – тогда я еще больше удивилась. – И, да. Я знаю законы нашего мира. Это Эфин считает себя превыше всего, мне не нужны его лавры, не нужен его Тарон и все эти полукровки. Я хочу выбрать себе женщину и быть с ней всегда.

- Ты тоже другой, вы с Эфином уже смешанные.

- Да. Я такой, какой есть и другим мне не быть.

- Отчего же столько ненависти к полукровкам?

- Из-за матери, – и Фарон стал серьезным, его взгляд наполнился грустью. – Наша мать принадлежала к бескалам, тем, что проживают в Тихих лесах. В те жуткие времена, когда наш отец, истинный номар, понял, что так дальше нельзя жить, решил создать воинов, обладающих умом, хитростью и проворством, ему надоело управлять кучкой бестолковых зверей. И они начали похищать женщин разных видов, выбирая тех, чьи предки были Великими воинами. Эти несчастные самки жили как рабыни и рожали им детей, смешанных. От союза номара Танафера и бескаллины Ат-Тури появились мы с братом, но наша мать ненавидела нас всем своим существом, как ненавидела и отца. Мы для нее были животными, Эфин старший и он больше привязался к отцу, а я не мог понять, почему родившая нас женщина, так ненавидит своих детей. Позже я все понял, но легче не стало. Эфин все скрывает в себе, всю боль, но она есть, в глубинах души.

Тогда я поняла, почему Эфин так разочаровался во мне, услышав о том, что рожденные от него дети, это выродки, полукровки, но только не те, кого надо любить и лелеять.

Пока Фарон рассказывал их историю, я заметила, что солнце уже высоко и пора принимать решение, то ли уйти, то ли остаться и вернуться в ту проклятую деревню. Как только Фарон ушел, я встала и подошла к лежащему Эфину, он был по-прежнему без

сознания, а его лицо казалось таким настоящим, без какой-либо наигранной злости, без этого чудовищного безразличия. Передо мной лежал мужчина с красивым прямым носом, пухлыми губами и длинными черными ресницами, сейчас я не видела в нем номара, тогда-то и поймала себя на мысли, что он нравится мне, очень. Тем более, проделав такую работу, спасая его, просто не могу остановиться и бросить все на полпути, и я четко решила, что вернусь в деревню, чтобы продолжить ухаживать за ним.

Спустя около трех часов все начали собираться, номары взяли Эфина, уложив его на подобие носилок из связанных между собой стволов молодых деревьев, а Фарон посадил меня на своего коня и сел сзади, его рука обнимала за талию крепко, но в то же время очень нежно, а его дыхание ощущалось на шее и мурашками расходилось по спине. Но у меня не было сомнений, я выбрала Эфина и хотела бороться с ним до конца, желая вытащить наружу настоящие чувства.

Глава X
Весь путь.

Мы вернулись в деревню к ночи, номары занесли Эфина в наш шатер и уложили на кровать. Я же нагрела воды и стерла с его тела все следы крови, затем увлажнила лицо. Он все еще спал, поэтому накрыла одеялом и вышла. Сама легла на тахте, на которой спала Лумея, заснула в считанные секунды. Слишком многое произошло за эти два дня, словно мы умудрились прожить пару лет. Говорят, что беды и болезни сближают, возможно это так, ведь пока я была вся в его крови и пыталась зашить раны, то думала, что он только мой и ничей больше, так как его жизнь находилась в моих руках.

На следующее утро решила пойти на поле и немного побегать. А когда солнце поднялось выше и начало припекать, направилась в шатер, чтобы искупаться, но как только зашла внутрь, то обнаружила Фарона, он стоял рядом с братом и они разговаривали, Эфин наконец-то пришел в себя, я же решила не мешать, спрятавшись за шкурами:

- Очнулся? – Фарон улыбался и пытался казаться счастливым.

- Честно говоря, не ожидал, что ты придешь за мной, – он хотел приподняться, но не смог, поэтому остался лежать на прежнем месте. – Благодарю за то, что спас мне жизнь.

- Меня можешь не благодарить, штопала тебя она. Я бы не стал, – и Фарон усмехнулся.

- Кто, она?

- Странно, ты вроде бы головой не бился. Что ты вообще

помнишь из той ночи?

- Помню, как отпустил Амену, как напали тумо, и как эта никчемная крианка пыталась все время мне помешать.

Меня слегка задели его слова, но я понимала, отчего он так говорит.

- Так, ты ее отпустил? – Фарон удивился, ведь он думал, что я вернулась не по своему желанию. – Что ж, тогда она что-то здесь забыла.

- Амена здесь? – Эфин приподнял голову и с надеждой посмотрел на брата.

- Да. Здесь. Это она спасла тебя, так что радуйся.

После этих слов Фарон отвернулся и вышел из покоев, по пути он встретил меня, и в его глазах было разочарование, он не ожидал, что я вернусь из-за Эфина. Проводив номара взглядом, повернулась в сторону спальни, но зайти не смогла, струсила, так как чувствовала вину перед ним. Слегка приоткрыв занавес, посмотрела на Эфина, он положил руку себе на глаза и лежал, не двигаясь, а мне нравилось смотреть на него, нравилось то, как при вздохе поднималась его грудь, как вторая рука лежала на согнутой ноге. Что же со мной происходит? Это опять какое-то помутнение, если дам себе волю, то снова натолкнусь на его черствость, поэтому вышла из шатра и направилась к колодцу. Набрав ведро воды, вылила на себя и только тогда мысли просветлели, я не должна влюбляться в него, пусть он стал ближе и мое сердце болит из-за него, но любовь станет для нас наказанием.

Так шли дни, я, молча, приносила ему еду, меняла повязки и обрабатывала раны, он также не говорил ни слова и всегда отворачивался, когда я заходила. Спустя неделю Эфин начал вставать, правда, ноги еще плохо слушались, но он не подпускал меня, чтобы помочь. В один из вечеров номары натаскали воды в ванную, чтобы их вожак мог помыться. Тогда я решила настоять на помощи и зашла в комнату, Эфин выглядел весьма беспомощно, пытаясь снять повязки:

- Я помогу, – и, зайдя за его спину, начала аккуратно снимать бинты, раны выглядели значительно лучше, швы получились на удивление ровными и тонкими. Как только все было убрано, я прошла в ванну.

- Куда ты собралась? – он шел за мной и явно не желал там моего присутствия, либо делал вид, что не желает. – Амена выйди.

- Неужели Великий Эфин стесняется? Лучше не спорь, твои раны не должны касаться купели, тем более ты не сможешь нормально помыться, швы разойдутся. – Хотя я солгала, швы бы

не разошлись.

Тогда он замолчал и, раздевшись, залез в воду, я же была в тонком платье, которое пропиталось влагой от пара и прилипло к телу, поэтому Эфин периодически смотрел на меня, но как только я ловила его взор, сразу же отводил глаза. Поливая его горячей водой, смывала с волос пену и кусочком ткани проводила по спине, очень нежно, чтобы не потревожить раны. Он сидел, нагнувшись вперед, и ему это нравилось, его сердце участилось, дыхание стало более глубоким. Затем коснулась его груди, но ткань съехала и ушла под воду, я же не остановилась и продолжила его мыть голой рукой, проводя по плечам, шее и снова спускаясь к груди. И вдруг он поднял глаза, посмотрел на меня как раньше, после чего взял за руку и наклонил вперед, а буквально через секунду вылил мне на голову целое ведро с водой и засмеялся:

- Не ожидала, крианка? Или ты думала, что я снова попытаюсь поцеловать тебя?

На этот раз он обидел меня, обидел по-настоящему, унизив и оскорбив. Я немедленно выдернула руку и, бросив это ведро в него, вышла прочь. Еще бы чуть – чуть и Эфин увидел бы мои слезы. Он явно не ожидал такого, поэтому сразу же встал и вышел из ванны, но я не стала ждать, схватила на ходу боевой костюм и отправилась на поле. С волос капала вода, а со щек слезы, я чувствовала, что снова ошиблась и он никогда не перестанет издеваться. Спрятавшись за столбами, быстро переоделась и забралась на свое единственное желанное место, на трапецию. Просидела там до глубокой ночи, не хотела возвращаться в шатер, но и спать здесь не представлялось возможным, поэтому все-таки спустилась. Пока шла назад, хотела только одного, незаметно пройти внутрь и быстро уснуть, но как только зашла в шатер, заметила горящую свечу в спальне, Эфин уже спал. Прокравшись к нему, хотела тихо затушить огонь и выйти, но как только склонилась над свечой, Эфин повернул голову и снова взял меня за руку, затем поднялся и встал напротив:

- Прости. Я не хотел обидеть тебя, ты вернулась сюда, заботишься обо мне, а я как последний негодяй… - и он замолчал, а спустя несколько секунд спросил. – Зачем ты вернулась? Скажи, Амена. Из-за брата?

- Нет, не из-за него, – я смотрела ему в глаза и чувствовала, как сердце набирает обороты.

- Тогда почему? Я отпустил тебя, ты могла бы вернуться домой, найти себе крианца и жить счастливо с множеством чистокровных детишек.

- Эфин? То, что я сказала тебе у реки, не правда. Мне жаль,

что так вышло.

- Но, ты так и не ответила, почему вернулась.

И я сглотнула тот ком, который в очередной раз появился в горле, пора сказать правду как ему, так и себе:

- Из-за тебя, меня тянет к тебе. Не знаю почему, но это так.

Больше Эфин ничего не говорил, он лишь подошел совсем близко и поцеловал, я же не стала сопротивляться. Его руки медленно развязывали шнуровку на моем жилете, на брюках, после чего те оказались на полу, затем я взяла его руку и подвела к кровати, сама же забралась на нее с ногами и замерла в ожидании. Тогда дыхание участилось, тело покрылось мельчайшими капельками пота. Эфин также снял оставшуюся одежду и сел рядом. Он обнимал, ласкал, целовал, я же ощущала его и готова была сгореть. Даже не заметила, как легла, Эфин был сверху и его губы касались моего лица, плеч, груди, а руки нежно скользили по всему телу, касаясь тех мест, до которых еще не дотрагивался ни один мужчина. Но потом он остановился и посмотрел мне в глаза:

- Ты хочешь этого? – он смотрел так пронзительно, что в душе все задрожало, отдавая вибрации в низ живота. – Если нет, то я пойму.

- Я хочу. Но я боюсь.

- Чего? – он продолжал ласкать мое тело.

- Боли.

- Если ты позволишь, то я сделаю так, как это принято у нас, чтобы не было так больно.

- Хорошо, – и я закрыла глаза.

Эфин прижался ко мне и склонился к уху, затем слегка прикусил его и в этот момент сделал своей, я практически ничего не почувствовала, лишь небольшой укол в мочке уха.

Он становился то настойчивее, тогда крепко прижимал мои ноги к своим будрам, овладевал полностью, не позволяя противостоять себе, то наоборот, превращался в пленного, моего пленного.

Теперь мы едины, он любил меня всю ночь и такой нежности я еще никогда не испытывала, этот сильный номар проявлял лишь любовь, от которой перехватывало дыхание и кружилась голова. Я словно растворилась в нем и перестала замечать, что-либо вокруг, потому что всем был только он.

Наутро проснулись вместе, я лежала на его плече и держала за руку, тогда в моем сердце воцарился покой. Эфин медленно проводил пальцами по моему лицу и тихо говорил:

- Ты не жалеешь о том, что вернулась?

- Нет.

- Прости, что между нами все началось так, я бы хотел, чтобы мы встретились иначе.

Тогда я повернулась к нему и приложила его руку к своим губам:

- Неважно, как все началось, главное, что мы сейчас вдвоем и между нами теперь не будет лжи. Нам еще только предстоит узнать друг друга, но когда я увидела тебя впервые, то в моем сердце что-то дрогнуло.

- В моем тоже, я влюбился в тебя.

Мы еще какое-то время лежали, и я пыталась поверить в то, что теперь Эфин мой мужчина, и что он любит меня. Казалось, будто теперь все будет по-другому, без угроз, насмешек и постоянного страха, что Эфин заберет меня отсюда в свой таинственный город Тарон.

Когда время пришло вставать, я оделась и вышла на улицу, чтобы принести воды, но стоило мне сделать шаг, как передо мной возник Фарон, он посмотрел как-то странно и, ничего не говоря, пошел в шатер к брату. Они долго о чем-то разговаривали, иногда спорили, но в итоге Эфин встал и начал собираться, а когда я вернулась, он подошел и сказал:

- У меня накопилось очень много дел, придется покинуть тебя на какое-то время, – он дотронулся до моего лица и с сожалением посмотрел в глаза.

- В Тароне?

- Да. Но я обещаю, что в скором времени вернусь.

- Я могла бы поехать с тобой, с тумо уже встречалась, так что вряд ли они испугают меня.

- Ты видела только четверых, а там их десятки, оголодавших, диких и обезумевших зверей, которые осаждают нас. Сейчас там не место для тебя. Город закрыт, жители напуганы и не готовы к переменам.

- Хорошо.

Мне казалось непонятным, что он упорно не хочет показывать мне Тарон, Мазарат тоже осаждали номары и тумо, но это не мешало жить в нем, а оставаться здесь среди не менее обезумевших номаров, опасно. Но я не стала придавать этому большого значения, решила дать ему время и понадеялась на то, что теперь мы вместе и между нами все будет иначе.

К полудню Эфин покинул нас, а я осталась на попечении Фарона, снова. Дни начали неспешно сменять друг друга, Эфин продолжал спасать свой город, Фарон сутки напролет тренировал номаров и лишь изредка появлялся, чтобы научить меня очередному трюку, я ощущала себя очень одинокой, ведь Лумеи больше не было рядом, вероятно она вернулась в Мазарат или

отправилась в Тихие леса. Перед ней теперь вся жизнь, свобода и право выбирать, я же могла только порадоваться за нее и поблагодарить Скайру за все, что она сделала.

Спустя неделю Эфин все же появился, он сразу же направился ко мне и страстно поцеловал. Я очень соскучилась, поэтому немедля отдалась в его руки. Мы провели ночь, а к утру его снова не стало. Нет ничего хуже, томиться в ожидании, понимать, что эти встречи скоротечны и на следующий день ты снова будешь одна. Так продолжалось около двух месяцев, он вдруг появлялся, а к утру растворялся, оставляя меня в полной растерянности и тоске. Постепенно ко мне начинали возвращаться прежние страхи и сомнения, а вдруг это все обман и нет никакой любви, вдруг это все не по-настоящему, а Эфин лишь воплощает в жизнь задуманное, держа меня здесь и изредка навещая только для утех.

Затем он исчез еще на месяц, тогда я поняла, что больше так жить не хочу, либо он заберет меня отсюда, и мы будем вместе как семья, либо я уйду. Очень сложно верить в любовь, когда мы постоянно в разлуке, а Эфин считает это нормальным и его не заботит то, что я здесь страдаю. В моем городе было принято, что муж и жена вместе всегда и во всем, даже во время войны и отражения бесконечных атак со стороны номаров. Мужчины и женщины были рядом друг с другом, пусть жены не воевали, но они в любой момент были готовы прийти на помощь. А я по-прежнему словно пленница, которая не имеет права выйти за пределы этого клочка земли, по словам Эфина здесь везде поджидает опасность, будь то номары, или тумо, или еще сотни жутких тварей, жаждущих твоей крови. Возможно, он просто не хочет быть всегда рядом, потому что привык к одиночеству и не нуждается в ком-то более чем на одну ночь. Я же не могу так, мне хочется чувствовать его, заботиться о нем и помогать, пусть это будет просто, как поднести кувшин с водой или подстраховать в бою.

Прошло три месяца, которые окончательно меня убедили в том, что я обманываю себя, пытаясь поверить в нас. В один из дней, когда продолжала ждать Эфина, чтобы поговорить, ко мне в шатер зашел Фарон, он сел рядом и спросил:

- И тебе нравится такая жизнь?

- О чем ты?

- Не притворяйся Амена, я же вижу, как ты страдаешь, – он смотрел на меня, в его глазах была жалость, которую я так ненавижу. – Эфин появляется здесь лишь на одну ночь и использует тебя.

- С чего ты взял, что мы вообще вместе?

- Брось. В тот самый день, когда ты вышла из шатра, я

почувствовал его запах на тебе. Не забывай, мы все же ближе к животным, поэтому способны отличать такие вещи.

- Чего ты хочешь, Фарон?

- Хочу помочь тебе понять, кто есть на самом деле мой брат. Неужели ты не видишь, что он не стал другим, не начал любить тебя как, возможно, обещал. У него есть цель, которую он преследует и не откажется от нее.

Мне было очень больно слышать его слова, но в них есть правда.

- Раз ты все знаешь за своего брата, то ответь, почему он не заберет меня?

- В Тарон? – Фарон усмехнулся. – Там нет места для тебя, Тарон город для избранных, в нем живут лишь смешанные. Ах! Да! Есть еще одна причина, по которой ты не можешь жить с ним в Тароне.

- Какая же? Помимо тумо, смешанных, что еще?

- Женщина. У него в Тароне есть женщина, которая станет его женой и будет править вместе с ним.

- Что? – я не верила своим ушам. – Ты лжешь! Да, ты специально говоришь так, ведь я досталась ему, а не тебе! – но слезы все же выступили из глаз.

- Не веришь? Тогда я докажу тебе, – он спустился на колени и сел напротив меня. – Амена, то, что ты провела с ним несколько ночей, не означает, что я оступлюсь и перестану бороться за твое сердце. Разве тебе нужна такая жизнь? Разве ты хочешь до конца своих дней сидеть здесь взаперти и рожать ему смешанных детей, которых он будет забирать в Тарон? Ты не создана для такого, в тебе есть жажда к приключениям, к чему-то особенному, а не к этому, - и Фарон брезгливо окинул взглядом все вокруг.

- Чем ты сможешь доказать, что у него есть другая? – мои мысли были только об одном.

- Наглядным способом, я тайно сопровожу тебя в Тарон. Никто не узнает, что ты была там. Я покажу тебе дом, в котором живет он и его будущую жену.

С моих щек скатывались слезы, подобно ливню в сезон дождей.

- И что мне делать, если это окажется правдой? – этот вопрос я скорее задала себе, но ответ хотела услышать от него.

- Уйти навсегда. Эфин недостоин тебя. Ты же должна быть с тем, кто больше никогда ни на кого не посмотрит, кто даст тебе свободу и положит весь мир к твоим ногам.

- И это ты? – печальная усмешка появилась на моем лице.

- Да, Амена. Это я. Мне плевать на все, что задумал брат. Я готов отделиться от него и вести номаров, покинув здешние

места. Они уже не доверяют Эфину, он перестал заботиться о них, переложил деревню на мои плечи.

- Когда ты отведешь меня в Тарон?

- Завтра, как только сумерки коснуться земли.

- Тогда до завтра Фарон, я хочу отдохнуть.

Он слегка коснулся моего лица и стер слезы со щек:

- Конечно.

Затем Фарон встал и вышел из шатра, а я побежала в спальню и бросилась на кровать. Слезы лились ручьями, во мне все переворачивалось и полыхало от обиды, от унижения и позора. Видимо, мать была права, я никогда не буду настоящей девой, меня превратили в вольную девицу, рабыню, которую используют когда хотят.

Дожидаясь вечера следующего дня, не могла найти себе места и хотела кричать, но как только наступила ночь, я вдруг успокоилась. Словно кто-то свыше дал приказ отпустить все переживания, возможно, это Скайра и она сейчас рядом, помогает и ведет меня как слепого детеныша сэти. Фарон прав, я не достойна такой жизни, в моих венах течет кровь критти, кочевников, поэтому пора признаться себе и решиться на отчаянный поступок. Я хочу оседлать лошадь и мчаться по равнинам, пробираться сквозь леса и скалы, но не сидеть здесь в ожидании ночи с тем, кто не видит во мне ничего, кроме детородной самки. Это несправедливо и неправильно.

Глава XI
Сладкая месть.

Сегодня Фарон был сам не свой, он обдумывал план, с помощью которого мог бы убрать брата со своего пути. Желая только одного, уверить Амену в том, что Эфин ее не любит и использует, Фарон ранним утром направился в Тарон.

Этот город стоял на побережье, с одной стороны его окружали леса, а с дугой раскинулся голубой океан. Лишь небольшой лес отделял Тарон от деревни номаров, поэтому Фарон уже через час прибыл на место. Пройдя через ворота, направился к дому Сафиры, в надежде получить от нее помощь, то была молодая женщина из нового рода номаров, потерявшая в сражениях своего мужа, в чем винила Правителя. Она мечтала отомстить за свою утрату и вступила в связь с Фараоном, который уже давно обещал ей помочь в получении возмездия.

Фарон постучал в ее двери, и как только Сафира появилась на пороге, он подхватил ее на руки и занес в дом. Проведя эти несколько часов вместе в одной постели, Фарон взял ее за волосы

и подтянул к себе:

- Я соскучился, – он улыбался и смотрел на нее с вожделением.

- Давно ты не появлялся, неужели был так занят?

- Да. Жизнь в деревне не стоит на месте, номарам необходим постоянный контроль. Но я все же вырвался, чтобы увидеть свою обожаемую самку.

- Что-то сдается мне, что ты не просто так пришел.

- С чего ты взяла?

- Перестань Фарон, за столько лет я изучила тебя. Ты никогда не появляешься только лишь для того, чтобы встретиться со мной.

- Ладно, ты права. У меня к тебе есть очень важное дело. Ты же все еще хочешь испортить жизнь моему брату?

- Да, – она привстала, в ее глазах тут же загорелся особый интерес.

- Тогда слушай. Эфин взял в жены крианку.

Но Сафира перебила его:

- Что?! Но почему никто в Тароне не знает об этом? Кто она? Красива, молода?! Она уже пожалела, что родилась на этот свет?

- Не перебивай! – Фарон слегка оскалился на нее. – Она не пожалела, потому что брат влюблен в нее, но крианка временно живет в нашей деревне и Эфин не спешит с ее переездом, отчего в ее душе появились сомнения, а ты, моя милая Сафира, должна будешь их подтвердить.

- Как же я это сделаю?! – растерялась Сафира. - Эфин появляется поздно ночью, сразу же ложиться спать, около его дома всегда дежурят стражники. Они не пропустят меня.

- А ты что-нибудь придумай, а я тебе дам кое-что, чтобы сделать брата податливее, – и Фарон вытащил из своего жилета небольшой сверток с каким-то порошком, протянул его Сафире. – Вот, возьми. Подмешай ему в питье и уговори выпить, все должно быть сделано к полуночи. Если же не используешь возможность, то брат в один миг узнает о предателе в своих рядах и тебе ой как не поздоровится. Ты же знаешь, что у нас делают с предателями.

Номарка резким движением выхватила сверток и встала с кровати.

- Не надо пугать меня, я все сделаю так, что эта крианка навсегда исчезнет из его жизни, – но тогда она повернулась к Фарону и спросила. – А зачем тебе это?

- Семейные дрязги.

Как только Фарон покинул Сафиру, она швырнула в дверь глиняный горшок, тот раскололся и рассыпался по каменному полу десятками черепков. В ее сердце разгорелось пламя ненависти и отчаяния, но упустить возможности отомстить Эфину

за погибшего мужа она не могла, поэтому села и погрузилась в мысли, пытаясь придумать план проникновения в покои Правителя Тарона.

В охранниках у Эфина были два номара, которые страсть как любили выпить настоя из перебродивших ягод кумата, поэтому Сафира подготовила особый напиток для них, в настой она добавила отвара, от которого тянет в сон и ближе к вечеру, одевшись в свой лучший наряд, направилась в сторону дома Правителя. Эфин уже прибыл, в его окнах горел свет, а номары как всегда стояли у дверей, Сафира зашла за угол и, немного растрепав на себе одежду, вышла вперед, ее слегка шатало, в руках раскачивалась корзина с кувшином. Номары заметили ее и немедля остановили, ибо в Тароне запрещалось гулять женщинам с затуманенной головой. Только мужчины могли позволить себе выпить, но также не терять своего достоинства, поэтому охранники задержали Сафиру и потребовали показать содержимое корзины:

- Доставай! – один стоял напротив, а второй поддерживал опьяненную деву.

- Мальчики, ну почему одинокой женщине нельзя немного выпить? Откуда такие глупые законы?

- Ты сейчас стоишь у дверей Правителя, хочешь, чтобы мы сопроводили тебя к нему? Или обойдемся без этого, отдай корзину и иди домой.

- Вы мерзкие создания! – Сафира делала вид, что пьяна, специально тянула слова. – Я буду делать то, что хочу-у-у. И не вы, ни этот. Ну, тот, - она, качаясь, указала на окно, - что зовется Эфином, не помешаете мне запивать свое горе.

Номары не пожелали более ее слушать и, взяв под руки, сопроводили к Эфину. Правитель в это время сидел за столом, о чем-то думал, как в его двери ввели шатающуюся номарку. Охранники вышли вперед и произнесли:

- Эфин! Вот, эта женщина разгуливала по городу в неподобающем виде, а также смела грубо высказаться в вашу сторону.

- Что? – он отвлекся от мыслей и нехотя повернулся в сторону Сафиры.

- Пьяная, ходила по городу, – после этого номары отпустили ее, и вышли прочь.

Эфин поднялся со стула и прошел к ней:

- Ты кто такая? – он обошел ее и принюхался.

- Меня зовут Сафира и я не пьяна! – она продолжила свою игру.

- Да? А что же тогда от тебя разит на весь Тарон? С чего ты

решила, что имеешь право ослушаться моих приказов?

И тогда Сафира резко села на пол, заплакала:

- Вы не понимаете, я осталась совсем одна. Мой муж погиб, сражаясь за Тарон. Мне больше ничего не оставалось сделать, как напиться и прийти к вам, чтобы вы наказали меня, отправив в подземелье, где я и умру от тоски.

Эфин скривился, слушая ее, но не стал кричать:

- Вставай. И иди, сядь на стул, – он указал на место подле своего.

Сафира медленно встала и направилась к столу, она села, разрыдавшись еще сильнее:

- Вы не понимаете моей боли, ведь вы никогда и никого не любили! Что вы можете знать о таких чувствах, мой муж был для меня всем, а теперь его нет.

- В сражениях многие погибли. Не одна ты осталась вдовой. Как звали твоего мужа?

- Тафен, его звали Тафен. – Сафира вытирала слезы и одновременно осматривала комнату в поисках кувшина с водой. Спустя несколько секунд ее взгляд остановился на глиняной чаше, что стояла рядом с дверью, а неподалеку находился стакан.

- Увы, но я не помню по именам каждого из солдат, – тогда Эфин посмотрел на нее. – Тебе лучше?

- Да, немного.

- В таком случае ступай, я не буду наказывать тебя во имя памяти о твоем муже.

Сафира встала и собралась уходить, как обернулась и спросила:

- Вы не будете против, если я выпью немного воды.

- Нет, можешь пить, - и он указал на ту чашу. – Вон, там вода.

Номарка подошла к чаше и пока наливала себе воды в стакан, высыпала все содержимое свертка в оставшуюся воду, затем поблагодарила Эфина и вышла из покоев. Но она не торопилась уходить, ведь охранники уже спали, опустошив принесенный ею кувшин, поэтому Сафира затаилась и ждала, когда Правитель пожелает испить.

Эфин еще какое-то время сидел и обдумывал всевозможные варианты защиты от тумо, но как только на небе появились первые звезды, подошел к чаше и выпил из нее. Его голова закружилась через пару минут, перед глазами все поплыло, он, качаясь из стороны в сторону, добрел до кровати и упал в нее.

Снадобье не просто вскружило голову, оно вызвало галлюцинации, оставив в сознании. Тогда Сафира снова зашла в комнату и проследовала до спальни, медленно подошла к Эфину и тихо прошептала ему на ухо:

- Я могла бы сейчас достать кинжал и заколоть тебя, но у кое-кого на тебя большие планы, поэтому мы сегодня развлечемся, устроим небольшое зрелище. К утру ты уже ничего и не вспомнишь, но последствия сегодняшней ночи буду ошеломляющими.

После этих слов номарка сняла с Правителя всю одежду и разделась сама, она легла рядом с ним и начала его ласкать, Эфин чувствовал прикосновения, но имя произносил только одно: «Амена».

Глава XII
Большое разочарование и маленькая надежда.

Фарон явился за мной, когда на небе уже показалась первая луна. Мы вышли за ворота, оседлали лошадей и поехали вглубь леса, вокруг стояла тишина, лишь изредка раздавалось хлопанье крыльев ночных созданий, деревья казались огромными монстрами, спящими в лиловом свете, а их ветви касались лица, оставляя на одежде опавшие лепестки. Я очень боялась того, что должна была увидеть, и, несмотря на то, что больше не хотела жить в деревне, вдруг ощутила страх перед таинственным городом. Фарон был очень спокоен, его лицо выражало удовлетворение, я же хотела пришпорить лошадь и умчаться как можно дальше, ведь если он прав и Эфин обручен с другой женщиной, то моя жизнь превратится в кошмар, я не прощу себя за то, что впустила его в свое сердце.

Пока мы ехали, на небе показалась вторая луна, она озарила лес еще большим светом, теперь все вокруг выглядело не так мрачно, а спустя полчаса мы вышли на дорогу, которая вела к Тарону. Когда я увидела темные очертания города, то набрала побольше воздуха, чтобы скрыть волнение, и чем ближе мы подъезжали, тем сильнее колотилось сердце, а руки начинали трястись. За километр мы остановились, и Фарон протянул мне плащ:

- Надень, в городе не должны тебя видеть, иначе у меня будут проблемы.

Я укрыла свое тело плащом, набросила капюшон, чтобы никто не видел моего лица. Добравшись до ворот, мы встали в ожидании ночных сторожил. Когда же створы раскрылись, то передо мной развернулся город, в котором все улицы были вымощены камнем, дома возвышались в три этажа, располагаясь друг напротив друга, везде стояли клумбы с цветами, где-то кучковались деревья, а вдоль улиц стояли фонари, я никогда таких не видела, они были сделаны из железа, внутри которых

горели факелы. Удивительно, но этот город был прекрасен, однако на восхищение не оставалось времени, ведь я пришла сюда, чтобы подтвердить свои самые страшные опасения, либо опровергнуть, но почему-то сердце готовилось к худшему.

Фарон свернул с главной улицы и поехал по тропе, что вилась между линиями домов, я следовала за ним, а через несколько минут впереди показалась небольшая площадь, в конце которой стоял дом в четыре этажа, он был выше всех остальных, а значит, принадлежал Правителю. В окнах все еще горел свет, хотя время шло к полуночи, мы остановились у двери и слезли с лошадей. Фарон зашел первым, после чего пригласил меня. Поднимаясь по ступеням на четвертый этаж, надеялась увидеть Эфина одного, но как только мы поравнялись с входом в его покои, Фарон повернулся ко мне и тихо сказал:

- Иди, я буду ждать тебя здесь.

Я прошла в комнату и сняла капюшон, кровать находилась в углу за ширмой, поэтому тихо обогнув ее, остановилась прямо напротив. В кровати лежал Эфин, а на нем сидела обнаженная номарка, они занимались любовью, не обращая на меня ни малейшего внимания. Не знаю почему, но какая-то странная улыбка появилась на лице, будто бы я получила то, зачем пришла и теперь моя душа спокойна, не было желания плакать или кричать, хотелось только одного, развернуться и уйти отсюда навсегда. Так я и поступила! Выйдя из покоев, посмотрела на Фарона и нежно пожала ему руку, а затем произнесла:

- Я благодарна тебе за то, что не дал ошибиться в вас.

- В нас? Это Эфин сейчас забавляется с той номаркой, не я.

- Это так, но ты не многим отличаешься от брата, твое желание уничтожить его величие настолько сильно, что ты ни перед чем не остановишься и это лишь малая часть твоей большой игры.

- Что ты такое говоришь?

- Давай прогуляемся по этому чудесному городу, - я тихо засмеялась и побежала по ступеням вниз, Фарон последовал за мной, его лицо в этот момент выражало недоумение. Он, скорее всего, ожидал много слез, слов разочарования, но никак не смеха.

- Да, что с тобой происходит? Ты будто бы рада, что уличила Эфина в измене.

- Нет, я вовсе не радуюсь. Просто на меня снизошло прозрение о том, какие вы. Неважно, смешанные или чистокровные, но вы номары, одинаковы. Лживы, изворотливы и невероятно эгоистичны. Вот ты. Скажи, – я положила руку ему на сердце и пристально посмотрела в глаза. – Зачем тебе все это нужно?

Тогда Фарон взял мою руку и слегка сжал:

- Я уже говорил, что влюблен. Что хочу тебя и не желаю отдавать брату для его грязных целей.

- Ты меня хочешь? – я еще больше рассмеялась. – Возможно, прямо сейчас?

- Не шути со мной Амена, я грежу тобой уже очень долгое время.

- Так что же теперь мешает? Эфин там, развлекается со своей женщиной, а ты здесь! Ведешь глупые беседы.

После всего сказанного побежала к своей лошади и, оседлав ее, помчалась прочь, Фарон направился вслед, мы подобно двум молниям пронеслись через все улицы и выскочили за пределы ворот. Добравшись до леса, еще какое-то время гонялись друг за другом, а потом остановились на небольшой поляне, Фарон снял меня с лошади и, взяв на руки, отнес в сторону высокой травы. Мы упали в нее, он начал целовать меня, обнимать и постепенно раздевать. Не знаю, что я делала в этот момент и зачем, но спустя минуту этого безумия, перед глазами возник Эфин, словно это он обнимает, целует, тогда-то и пришло просветление. Остановив Фарона, села и сказала ему то, что должна была:

- Нет! Я не могу так поступить. И знаешь почему?

Он часто дышал и встревожено смотрел на меня:

- Почему же?

- Потому что люблю твоего брата.

- Любишь? – он сел и обхватил руками колени. – За что? За то, что он силой и угрозами забрал тебя из дома? Или за то, что он держит тебя как зверя в клетке, расслабляясь в это время с другой? За это?

- Возможно. Когда он забрал меня из дома, то не дал вступить в союз со старым крианцем, что словно муха вился около отца, когда оставил в деревне, то научил меня гораздо большему, что я когда-либо знала. И самое главное, он отпустил меня. Теперь я свободна! Могу уйти в любое время, не боясь, что номары придут в Мазарат. За это я его и люблю, пусть он и разбил мое девичье сердце, но закалил дух.

- И что же ты намерена делать дальше?

- Вернуться домой. Только теперь я не позволю помыкать собой и решать за себя.

- Могу ли я просить тебя остаться? – Фарон встал, протянул мне руку и помог подняться.

- Прости, но я не могу. Это неправильно. Как можно из-за желания отомстить, провести ночь с тем, кого не любишь?!

- Эфина ты тоже полюбила не сразу.

- Это правда, но я его полюбила, когда он был со мной груб и

жесток, а значит, время здесь ни при чем.

- Хорошо, Амена! – он глубоко выдохнул и провел ладонью по моему лицу. – Я сопровожу тебя домой, в Мазарат. Сегодня же мы выдвинемся в путь.

Я обняла его и, прижавшись, еще какое-то время слушала, как сердце Фарона стучит подобно барабанам на празднике, он переживал и не хотел отпускать, но и останавливать не стал. Мы вернулись к рассвету, дождались пробуждения деревни. Фарон отправился к номарам, чтобы собрать небольшое войско, а я зашла в шатер и хотела забрать вещи, но решила ничего не трогать и оставить все здесь. Зачем мне то, что будет напоминать об этой жизни, зачем платья, в которых встречалась с Эфином, зачем украшения, которые он надевал мне на шею, единственное, что мне дорого - это мой меч, он со мной всегда и везде. Этот меч сохранит самые главные воспоминания, от которых я не в силах отказаться. Так что, положив в мешок немного еды, вышла на улицу. Когда Фарон закончил сборы, то отворил ворота и ввел моего коня, вот и все.

Мы выдвинулись немедленно, чтобы не терять ни минуты драгоценного времени. Покидая деревню, я чувствовала, что часть меня осталась здесь, ведь за год с лишним многое изменилось. Пришлось научиться терпеть боль, унижения и одновременно научиться любить, а это делает нас сильнее, выносливее и закаляет дух. Любовь всегда граничит с разочарованием, а жестокость с нежностью, между ними очень тонкая связующая материя, сегодня мы можем ненавидеть и презирать того, кто идет рядом, но как только случатся что-то, что меняет наше представление, то на месте прежних чувств могут возникнуть совершенно противоположные. Так было и с Эфином, сначала я ненавидела его, но в самые ответственные моменты он был рядом и помогал, поэтому мои чувства изменились, однако сейчас они снова пережили изменения, а любовь превратилась в разочарование.

На этот раз я дала себе слово, что мы не будем лишний раз останавливаться, так как вернуться домой хотела как можно скорее. Пусть родители и отдали меня, но в этом был свой смысл и своя польза, они получили мир, а я - опыт, теперь все будет иначе, больше никто не сможет заставить меня подчиниться чьей-то воле. До Мазарата обратный путь составлял менее двух дней, значит, уже скоро я увижу родные стены, они помогут забыть все произошедшее или нет, но все равно будет легче.

Фарон вел себя достойно, более не пытался приставать, он вел нас вперед с высоко поднятой головой, номары уважали его, и порою мне казалось, даже больше, чем Эфина. Они отлично

понимали друг друга, Фарон был настоящим лидером этих диких созданий. Видимо, у них было значительно больше родственной связи с ним, чем с Эфином.

Первый день нашего пути прошел нормально, мы останавливались всего лишь раз, но когда наступила ночь, Фарон приказал разбить лагерь, так как впереди начинались Тартовые леса, а через них лучше пройти не останавливаясь. На этот раз дорога не была такой изнурительной как раньше, то ли от того, что я изменилась, то ли из-за того, что это был путь домой. Когда номары развели костер и разбрелись в поисках еды, Фарон подошел и сел рядом со мной:

- Ты неплохо держишься.

- Да, на этот раз мне значительно проще преодолевать такие расстояния.

- Все еще не передумала? – он улыбнулся и слегка толкнул меня в плечо. – Может, останешься, и мы отправимся в большое путешествие по Скайре. Я могу показать тебе удивительные места, где дыхание перехватывает, а сердце останавливается.

- Фарон. Возможно, если бы мы с тобой и встретились раньше, то между нами и возникли бы чувства, но сейчас мое сердце занято. Разве ты хочешь быть с той, которая думает о другом?

- Мне все равно любишь ты Эфина или нет, потому что я точно знаю, эти чувства обман, и ты скоро это поймешь. Мы бы смогли быть вместе, и для меня бы не существовало ни одной женщины кроме тебя. Но настаивать не стану, я уважаю твое решение и готов примириться с ним.

- Если ты не против, то я хотела бы иметь такого друга как ты.

- Прости Амена, но другом я тебе не стану, потому что буду всегда любить и ждать большего.

Так мы просидели всю ночь, я спала на его груди, а он держал меня за руку. Как только забрезжил рассвет, все проснулись и начали собираться, Фарон уже давно был на ногах, занимался лошадьми, я все еще лежала, укрывшись одеялом, и думала, вспоминала, пыталась понять себя и свою жизнь в целом. В голове вдруг зародилась мысль, а вдруг Фарон прав и мое место рядом с ним, пусть сейчас нет любви, но она появится позже, ведь если я смогла полюбить Эфина, когда он был ужасен, то почему не смогу того же почувствовать и к Фарону при том, что он наоборот нежен со мной. Кто сказал, что мир крутится только вокруг Эфина? Я не должна страдать по нему, не должна продолжать любить и мучить себя в надежде увидеть его снова, все это уже бессмысленно. Он там, в своем городе, со своей

женщиной, а я всегда была где-то на окраине, только воистину глупая самка может продолжать переживать за такого как Эфин.

Однако, что меня ждет с Фароном? Он такой же номар, который презирает все идеалы брата, желая выпустить огромную смертоносную силу, которая будет сметать со своего пути все вокруг. Я не смогу следовать за ним и видеть постоянное насилие и убийства, либо это убьет меня, либо превратит в такого же монстра, но я не хочу ни того, ни другого, а значит, наши пути не должны пересечься. Кто знает, может быть, я еще встречу достойного мужчину, который будет видеть во мне весь мир, который даст мне веру в то, что взаимная любовь существует. У Минекая много воинов, будет из кого выбирать.

Весь этот день мы потратили на то, чтобы пройти Тартовые леса, сегодня там было холодно как никогда, дули сильные ветра, неся за собой пыль и мелкие камни. Нам пришлось облачиться в плащи, чтобы избежать мелких ранений, Фарон следовал как всегда впереди, а я сзади. К вечеру мы должны были добраться до Мазарата и это ожидание добавляло мне сил, ведь что может быть лучше, чем пройтись по привычным улицам, пробраться сквозь сады в казармы и вернуться в комнату, из окна которой открывается такой прекрасный вид на Тихие леса.

К вечеру наш отряд вышел из ледяных лесов, оставив весь ужас позади, а спустя еще несколько часов впереди показался Мазарат!

Глава XIII
Возвращение домой

Амена в сопровождении Фарона явилась к воротам Мазарата, стражники немедленно отворили их, впустив дочь Правителя. По дороге к дому ее встретил Минекая, его счастью не было предела:

- Амена! Дочка! – он бросился обнимать ее и целовать.

- Минекая, как же я соскучилась по тебе!

- Неужели Эфин разрешил тебе посетить отчий дом?

- Он не просто разрешил мне приехать, он отпустил меня. – Амена произнесла это с грустью в голосе, но глаза ее светились от радости.

Затем все проследовали к дому Правителя, а как только ему сообщили о приезде Амены, то он выбежал из дверей и бросился к дочери. Нитте все осознал, в его сердце уже больше года не было покоя, он ненавидел себя за то, что позволил номарам увести свою старшую дочь. Единственный, кто не переживал, так это мать, Инзила отвергла дочь и больше не пожелала ее знать, однако приезд Амены поверг в шок и ее. Крианцы вышли из своих

домов, они с испугом в глазах наблюдали за всем происходящим, боялись того, что номары пришли расторгнуть мир между двумя видами, но как оказалось, Амена вернулась победительницей. Среди толпы стояла и Лумея, из ее глаз текли слезы счастья, так как увидеть госпожу, с которой она так долго пробыла в том жутком месте, это все равно, что увидеть чудо.

Как только Нитте отвлекся от дочери, то его взгляд перешел на Фарона, который стоял, молча, ожидая своего часа. Правитель Мазарата проследовал к нему и крепко пожал руку номару:

- Я и не думал, что когда-то буду так радоваться встречи с тобой.

- Не могу ответить взаимностью, но если позволите, то я хотел бы обсудить с вами кое-какие дела. Наедине. – Фарон говорил достаточно тихо.

- Что ж. Пройдем.

Нитте указал на дверь, и они скрылись в темноте коридоров. Пройдя в зал Советов, Правитель просил всех благородных мужей покинуть помещение, а оставшись наедине, Фарон сел за круглый стол и еще какое-то время молчал, прислушиваясь к шагам за дверью. Когда же все стихло, номар подался вперед и произнес:

- Вам грозит опасность. Эфин собирает войско, чтобы в скором времени атаковать Мазарат.

- Что? – Нитте был поражен, его глаза сильно округлились от услышанного. – Но Эфин обещал.

- Эфин много чего и кому обещает, неужели вы настолько глупы, что верите слову брата? – Фарон усмехнулся и посмотрел на Нитте свысока. – Мой брат основал город, в котором находятся сотни номаров подобных мне, они значительно умнее, проворнее и прекрасно подготовлены. Эфин создал особое войско, несравнимое с кучкой тех номаров, что стоят на улице.

Нитте встал со своего кресла и принялся ходить из стороны в сторону, он был возмущен всем, что услышал. Правитель Мазарата понимал, что не готов к такой атаке, и, повернувшись к Фарону, спросил:

- Но зачем тебе это надо? К чему ты посвятил меня в планы твоего брата?

- Видишь ли, Нитте, в наших рядах уже давно назрели большие перемены. Номары не хотят больше делить землю со смешанными, они желают свободы и нового лидера, поскольку Эфин полностью сконцентрирован на своих полукровках. Я же имею доверие у номаров, они готовы идти за мной, но для этого необходимо свергнуть Эфина с позиции вожака. А если номары отделятся от него, то отделятся и тумо - основная мощь Эфина в войне. Понимаешь о чем я?

- Понимаю, но какова моя роль в этом? И что нам с этого будет?

- Помоги мне свергнуть брата, и я даю слово, что номары и тумо уйдут с этих земель.

- А как же полукровки?

- Мы объединим наши силы. Ваши войска и мои нанесут поражение Эфину, раздавят Тарон, погрузив его в хаос, и полукровки падут. Войска смешанных ничто без помощи номаров и тумо, – после этого Фарон встал и направился к выходу, сказав напоследок. – Я приеду через две недели за ответом, надеюсь, ты примешь правильное решение.

- Подожди, Фарон! – Нитте подошел к нему. – Ты говоришь, что слово твоего брата ничего не значит, но как насчет твоего слова? Сдержишь ли ты его?

- Сдержу! И знаешь почему? – Номар склонился к уху Нитте и прошептал. – Потому что люблю твою дочь.

- Как любишь? Ты же вернул ее!

- Да, вернул, чтобы потом забрать. Только ей не нужно об этом знать. Ради Амены я сдержу свое обещание, и Мазарат останется нетронутым, вы вернетесь к прежней жизни и забудете о том, что с вами по соседству когда-то жили номары.

- Я не могу снова предать ее, – глаза Правителя наполнились слезами, ведь он снова должен был распорядиться жизнью дочери.

- А никто не говорил, что будет легко! Наша жизнь это постоянный выбор, все зависит только от того, что находится на каждой из чаши весов. Подумай об этом. Если ты не поможешь мне, то Мазарат подвергнется налету сначала тумо и номаров, которые уничтожат первую половину ваших войск, а затем настанет час смешанных, они раздавят остальных.

И номар вышел прочь, оставив Нитте в полной растерянности и отчаянии, снова. На этот раз Правитель не обратился за советом к своим приближенным, он решил все сохранить в тайне, единственный крианец, который об этом узнал, это Минекая, но даже Главнокомандующий армии Мазарата не знал, чего потребовал в обмен Фарон. Нитте также запретил Минекая что-либо говорить дочери, объяснив это тем, что Амена и так настрадалась за все это время.

Амена вернулась в отчий дом, она зашла в комнату и сразу же села у окна, чтобы наконец-то увидеть те загадочные дали, о которых слагалось так много сказок в детстве. Ей сразу стало легче, прежние воспоминания уступили место настоящему, а в глазах появилась искра. Когда мы оказываемся там, где родились и выросли, то в душе всплывает все, что делало нас счастливее,

что заставляло нас просыпаться как можно раньше и бежать навстречу своим детским приключениям, что дарило нам чувство безопасности. Отчий дом это то место, откуда начинают расти мечты и откуда рождаются цели, поэтому эти воспоминания так важны. Амена все вспомнила, она, словно погрузилась в те времена наивности и озорства. Ей на мгновение показалось, будто той деревни и не было, как не было и Эфина, но это лишь временно, так как все, что мы испытываем, это часть одного большого пути под названием жизнь.

Глава XIV
«Все придет, когда ты уверуешь»

В моей комнате ничего не изменилось за все то время, что провела среди номаров. Все тот же полог над кроватью, те же скатерти на столах и все то же зеркало, в котором я видела несчастную невесту год назад. Моя мать так и не пришла, чтобы порадоваться или хотя бы поприветствовать, но пришли сестры, они с большим интересом слушали истории о номарах и их жизни. Им казалось, будто я вернулась не с соседних земель, а с того Света, так как все крианцы продолжали трепетать перед врагом.

Спустя несколько дней, когда страсти улеглись, и все вернулось в прежнее русло, я начала ходить в казармы и тренироваться, только теперь все было иначе. Минекая был поражен моими умениями и знаниями, поэтому больше не учил меня, он лишь давал своих солдат в соперники и смотрел за боем. Теперь могла сражаться наравне с мужчинами, периодически одерживая победу. Однажды я подошла к наставнику и сказала:

- Минекая? Я хотела бы вступить в ряды твоих воинов.

- Что?! – он даже поперхнулся, все же еще ни одна женщина не была среди солдат Мазарата. – Где такое видано, чтобы прекрасная дева стояла среди них? - и Минекая указал на скопище крианцев, что валялись в грязи и боролись.

- Поверь мне, это меньшее из того, что должно тебя волновать. Я многому научилась и не хочу растерять умений, разгуливая в шелковых нарядах и с венками на голове среди остальных дев. Это не мое, ты же знаешь. Тем более, отец вряд ли будет против.

- Что ж, твоя просьба для меня закон. Но, ты должна будешь тренироваться как все, никаких поблажек и девичьих манер.

- Согласна, – и я усмехнулась. – Ты все-таки забыл меня.

С тех пор я тренировалась как все, отчего чувствовала себя свободнее. Тренировочные сражения помогали избавиться от мыслей, которое продолжали одолевать по ночам. Прошло уже больше недели, как я вернулась, а Эфин даже и не попытался найти меня, хотя, возможно, оно и к лучшему, мне все равно нечего ему сказать. Но сердце продолжало болеть, ведь я все еще люблю его, несмотря на обиды. Мы многое пережили и не бросили друг друга в тяжелый момент, однако не сумели спасти своего счастья. Эфин предал нас, растоптал все, чего мы добились и просто исчез. Всё же номары не способны на любовь и уважение, как бы Эфин ни стремился создать новое общество, он

все равно не изменит устоев своего народа, потому что сам не в состоянии быть другим.

Возвращаясь домой из казарм, думала о том, что будет дальше, пыталась представить свою дальнейшую жизнь, однако впереди видела лишь пустоту. Сколько же еще должно пройти времени, чтобы я все забыла и перестала страдать по тому, чего уже не изменить? Лишь Великой Скайре это известно, а мы все те же слепые детеныши, которых она ведет по уже уготованному пути. Я была подавлена, так как перестала видеть будущее, понимать его. Когда меня забрали и когда я жила у номаров, то все равно могла увидеть себя через несколько лет, мечтая или наоборот разочаровываясь, но сейчас передо мной ничего нет, ни единого образа, словно кто-то поставил стену. Все слилось в единую серую массу, и только постоянная работа облегчала состояние, но стоило вернуться домой и лечь спать, как серая масса снова спускалась и заставляла страдать.

Мне иногда снились сны, в которых я была рядом с Эфином, но он каждый раз оставался в стороне, тогда просыпалась с болью в груди. А ведь он сейчас счастлив и не вспоминает обо мне, я же, как глупая самка, привязалась к нему и не могу отпустить. Удивительно, насколько несправедлива жизнь. Когда я его сторонилась и избегала, он не находил себе места и постоянно сердился, когда же открылась, то он просто всадил мне нож в сердце, наверное, то была его месть.

Когда все же добралась до дома и прошла в свою комнату, то села у окна и начала слушать песни Тихих лесов, они манили к себе, обещая спокойствие и умиротворение, но мое единение с природой нарушил отец. Он вошел в покои и очень робко спросил:

- Я не помешал тебе? Могу ли войти?

- Конечно, сейчас у меня редко бывают гости, - я засмеялась, так как кроме редких визитов сестер больше никто не приходил.

Отец сел в кресло, что стояло рядом с моим и также посмотрел в окно:

- Чем тебе так нравятся Тихие леса?

- Не знаю, они всегда успокаивали.

- Амена? Я давно хотел спросить.

- Да, – я перевела на него уставший взгляд и слегка прищурила глаза.

- Почему Эфин отпустил тебя?

- Потому что я выиграла спор, - в этот момент отец приподнял брови, и на его лице появилась неуверенная улыбка. - Да-да, именно так. Он не такой и плохой, каким казался. Мы поспорили, и он дал слово, что в случае моей победы, отпустит

домой, так все и вышло.

- А что с Фарном? – отец явно начал нервничать.

- А что у меня может быть с Фароном? Он проявил благородство и сопроводил в Мазарат.

- И все? Просто мне показалось, что он заинтересован тобой.

- Папа? Ты знаешь чего-то, чего не знаю я?

- Нет, что ты, – он откинулся на спинку кресла, и все та же неуверенная улыбка блуждала у него на лице. – Мне показалось, что ты ему нравишься.

- Возможно, номары любят женщин других видов. Мы провели много времени вместе, он учил меня, охранял, но он не тот, кто мне нужен. Я больше не хочу быть чьей-то прихотью, игрушкой или просто порывом, мне нужно значительно больше.

- Я тебя понимаю, - отец глубоко вздохнул, а в его голосе появились нотки печали. – Не знаю, сможешь ли ты когда-нибудь простить меня за все, что я сделал.

- Папа, - я взяла его за руку. – Все, что произошло, это было не случайно и имело важные для меня последствия. Чтобы освободиться, мне пришлось пройти этот путь, я стала сильнее. А ты как Правитель защищал свой народ. Поэтому я больше не сержусь на тебя, главное, что теперь все будет иначе.

- Как иначе?

- Я сама буду распоряжаться своей жизнью, больше никаких договорных союзов или обменов. Минекая официально принял меня в свое войско, теперь я воин Мазарата.

- Как воин? – он не ожидал услышать такого, - но почему я не знаю об этом?

- Я надеялась, что ты будешь не против, поэтому уверила Минекая в том, что у него не будет проблем с этим. Пойми отец, я рождена, чтобы держать меч в руках. Ты же знаешь, кем были наши предки.

Тогда отец совсем замешкался и не знал, что ответить, а я продолжила:

- Критти были не просто кочевниками, они были захватчиками и Великими воинами, которых веками боялись такие как номары. В наших венах течет их кровь, мы стали слишком мягкими и запутались в своем прошлом, поэтому номары одержали верх, но если бы мы помнили о своих корнях, то никто бы не покусился на нашу землю. Я же больше не хочу быть одной из тех глупых дев, которые лишь умеют примерять наряды и собирать плоды Капры. Мы должны вернуть былую славу, во имя наших предков.

- Уже слишком поздно.

- Что значит поздно? Номары зареклись не трогать Мазарат,

теперь у нас есть время, чтобы подготовиться.

- Я не хотел тебе всего рассказывать, но сейчас понял, что окончательно паду в твоих глазах, если не признаюсь, – он так нежно улыбнулся и впервые посмотрел на меня, как на своего ребенка. – Ты особенная Амена, в тебе всегда было что-то, что вызывало во мне восхищение и одновременно страх, но я заблуждался, и то был не страх, а предчувствие. Предчувствие Величия. Даже ребенком ты не переставала быть сильной, твои сестры другие, в них этого нет.

- Так в чем же твоя тайна?

- Фарон сказал, что его брат готовится к войне с нами. И он предложил объединить силы, чтобы противостоять Эфину, а за нашу помощь обещал уйти, забрав с собой номаров и тумо. Однако, он потребовал кое-что взамен.

- Что же?

- Тебя. В противном случае, они разрушат Мазарат.

После всего сказанного я закрыла глаза и засмеялась:

- Фарон! Он истинный номар. Ведь в его поступках никогда не бывает чего-то просто так, у него всегда есть план, только вот я упустила это из виду. Значит, ему нужна я, а также убрать со своего пути брата.

- Ты что-то знаешь?

- Нет, отец, я ничего не знаю. Я уже ничего не знаю. Хотя, единственное правильное решение, которое нужно принять, это никогда не верить номарам!

- Фарон скоро прибудет за ответом, я снова должен буду сделать какой-то выбор.

- Тебе необязательно играть по их правилам. Если братья решили бороться между собой за власть, то мы должны сделать все, чтобы избежать потерь среди наших. Нам нужен план, но чтобы быть увереннее, мне надо встретиться с Эфином.

- Зачем?! – отец встал и вскинул руки. – Зачем тебе с ним встречаться?! А вдруг Фарон не лжет, и его брат готовится к нападению на нас? Если ты встретишься с Эфином, то у него могут появиться подозрения.

- Отец, посуди сам, Эфин основал город, в котором взращивает смешанных номаров, он желает быть Правителем подобным тебе, а Фарон хочет только лишь власти и разрушений, стремится выпустить на волю изголодавшихся и свирепых монстров. Я знаю, о чем говорю, я видела их. Эфин пытается удержать номаров, чтобы они служили ему как рабы, как мясо на поле боя. У них намечается внутренняя война, а Мазарат Эфину ни к чему, это лишь попытки Фарона сделать из нас своих солдат, которых он первым делом пустит в расход, когда попытается

перехватить власть. Но, это лишь мои догадки, я уже никому не верю, поэтому хочу поговорить с Эфином.

- Все слишком сложно. Мы не готовы обороняться в случае нападения, также мы не готовы воевать с Эфином, если, как ты говоришь, Фарон желает использовать нас. В любом случае нас ждет поражение.

- Поэтому нам и нужен план. Собери всех благородных мужей и пригласи Минекая, нам необходимы их опыт и знания.

В этот момент отец подошел и обнял меня:

- Я очень горд, что вырастил такую дочь. Ты не крианка, ты самая настоящая критти.

После чего он вышел из покоев, а я пыталась сообразить, каким образом смогу увидеть Эфина до приезда его брата в Мазарат. Фарон должен был явиться через пару дней, я не успею за это время добраться до Эфина, ведь он может быть где угодно, сражаясь с тумо.

Так ничего и не придумав, решила лечь спать, возможно, завтра найдется какое-то решение.

Закрыв глаза, вспоминала Эфина. Я не могла понять, зачем ему может понадобиться Мазарат? Скорее всего, это проделки Фарона, очередная ложь, но уверенным быть нельзя. Когда же сон опутал сознание, мне очередной раз привиделся он, а когда открыла глаза, то вздрогнула, напротив кровати стояла темная фигура. Как только я попыталась встать, чтобы зажечь свечу, то этот незнакомец вышел вперед и схватил меня, его руки немедленно опустились к ногам, после чего он бросил меня на кровать и лег сверху, тогда я рассмотрела его лицо, это был Эфин. Он ничего не говорил, лишь срывал одежду и пытался овладеть мной. Хотелось кричать, но не получалось, поэтому я зажмурила глаза и приготовилась к худшему, но в этот момент все померкло и вокруг уже никого не было, Эфин будто испарился, а я уже лежала не на кровати, а на берегу того озера, в глубинах которого били горячие источники. Среди того пара и тумана виднелись двое, они дрались и каждый из них смотрел на меня, пытаясь заколоть своего противника, затем все смешалось, теперь вокруг нас стояли тумо, они рычали, но не двигались, ожидая конца битвы. А как только рассеялся туман, то рядом со мной появился Минекая, он был один. Мы какое-то время молчали, затем наставник произнес:

- Ты должна верить тому, кто хранит твое сердце.

Я смотрела на него и пыталась понять, почему вокруг никого больше нет и где тумо или те, кто сражался? Где они все? А Минекая продолжал говорить:

- Сейчас здесь никого, но скоро все изменится, – затем он

повернулся к озеру. - Ты несешь истину, которой должна поделиться с хранителем твоего сердца.

- Но кто это? И что за истина?

- Не пытайся сейчас найти ответы, они пока глубоко внутри твоей души. Ты критти, а они никогда не спешили с ответами. Все придет, когда ты уверуешь…

После этого все растаяло, наступила темнота, тогда я проснулась, мое сердце хотело выскочить, а все тело было покрыто холодным потом. На улице тем временем уже начинали показываться первые лучи, солнце медленно и нехотя выплывало из-за линии горизонта, вокруг стояла тишина и только в моей голове, будто стучали сотни молотов по наковальне. Это был не просто сон, это было видение, как у критти. Они могли связываться с Духом Скайры и видеть то, что другим не под силу, только сейчас я начала понимать, что моя связь с предками куда более сложная, видимо, поэтому номары так заинтересовались мной, они чувствовали древнего воина внутри. И те слова, что произнес образ Минекая! Я должна верить, но кому? Кто из них не лжет?

Глава XV
Сын Танафера!

В то утро, когда Амена покинула земли номаров в сопровождении Фарона, Эфин проснулся в постели с Сафирой. Он не мог понять, что эта номарка здесь делает, также не мог вспомнить того, что произошло прошлой ночью. Его голова болела, вокруг все еще продолжало кружиться, Эфин попытался встать, но его ноги подкосились, поэтому он снова сел и обратился к той, с которой, очевидно, провел ночь:

- Что ты здесь делаешь?

Но Сафира изобразила слезы и с дрожью в теле повернулась к нему:

- Разве вы не помните, что сделали прошлой ночью?

- Нет! Все будто в тумане. Так, что же произошло?

- Меня привели к вам, когда я была пьяна, мучаясь и страдая из-за своей утраты, а вы воспользовались случаем и напали на меня. Это такой позор! – и она уткнулась лицом в подушку, продолжая причитать. - Что же теперь со мной будет?

- Я напал на тебя? – Эфин снова попытался вспомнить хоть что-то, но у него ничего не получалось. – С какой стати, мне было нападать на тебя?

- Это только вам известно, но вы угрожали, что если я откажу и буду кричать, то вы убьете меня.

В его голове тогда все окончательно перепуталось, он все же встал и прошел к чаше с водой, чтобы умыться. Вылив на себя несколько черпаков, оперся о стену и посмотрелся в зеркало, он не мог поверить, что этой ночью изнасиловал эту женщину. Сафира лишь тихо встала и начала одеваться, она все время вздрагивала, боялась смотреть ему в глаза, номарка отлично сыграла свою роль, после чего вышла прочь. Когда она шла по улице, то на ее лице воссияла улыбка и радость от того, что она отомстила Правителю, разрушив его союз с возлюбленной, это доставляло ей истинное удовольствие. Весь день Сафира провела дома, напевая песни и наводя чистоту, ей хотелось как можно скорее похвастаться Фарону и получить его одобрение, ведь ее одинокому сердцу больше нечему было радоваться.

Эфин же все еще не мог отойти от того жуткого состояния, тошнота подкатывала к горлу, голова шла кругом, шрамы на спине ныли. Ему не хотелось верить в то, что сегодня произошло, ведь единственная женщина, о которой он мечтает каждый день – это Амена, только она вызывает в нем страсть и желание, чувства притяжения и любви. Отчего же случилось так, что он проснулся рядом с этой незнакомкой? Не находя ни одного ответа, Эфин вызвал своих стражников, что дежурили этой ночью:

- Что было после того, как я пришел домой?

Номары переглянулись, но они и сами не знали, ведь всю ночь проспали как младенцы, они лишь видели уходящую утром Сафиру, однако признаться в том, что пили на посту, не имели права, тогда Правитель накажет их, поэтому солгали:

- Мы привели к вам женщину.

- Что дальше? – он сидел в кресле, зашнуровывая свои сапоги.

- Она осталась с вами.

- И вы не слышали и не видели ничего подозрительного?

- Нет! Все было тихо.

Эфин отпустил их, осознавая с горечью, что все-таки сделал нечто ужасное. Затем собрался и направился прочесывать леса в поисках тумо, в попытке как можно дальше оттеснить их от границ Тарона, но его голова была полна мыслей, от которых чувствовалось отвращение и презрение к себе. Эфин был жесток, он мог убить лишь за одно слово, сказанное против него, но никогда в его правилах не было насилия над женщиной, еще ребенком он понимал последствия, ведь его отец каждый раз брал мать силой, за что она испытывала ненависть к Танаферу и своим детям. Он понимал, семья не для него, он дитя, рожденное в мире порока, что Скайра презирает таких как он, но любви покорны все и Эфин не удержался, влюбившись в крианку. Уже несколько раз Правитель Тарона молился и просил прощения у Скайры в

надежде на снисхождение, но эта ночь перечеркнула все, он думал, что уподобился отцу, отчего ненавидел себя.

Номары Тарона следовали за своим лидером, они находили и уничтожали тумо, одиноко бродивших в лесах, порою сталкивались с целыми группами и тогда происходили ожесточенные схватки, победителями из которых выходили далеко не все номары. Хотя тумо и являлись сородичами, но они совсем утратили свой разум и подчинились инстинктам, которые вели их убивать, чтобы добыть себе пищу. Соседство с ними становилось все опаснее, они начали нападать на смешанных, считая их чужаками. Каждый день от их лап гибли охотники и рыболовы Тарона, каждый день совершались нападения на женщин и детей, тумо пробирались в город ночами, нападали на дома, вырезая целые семьи. Эфин больше не мог терпеть этого, поэтому решил оттеснить их в соседние леса, а частично уничтожить, вожаки нескольких групп тумо открыли охоту на лидера номаров, желая его смерти. Эта война длилась уже несколько лет, Эфин как мог держал оборону, но тумо с каждым разом становилось только больше, они распространялись как зараза по здешним местам, оккупируя последние территории, где можно было охотиться и ловить рыбу.

Единственные кого не трогали тумо, это были чистокровные, у них от рождения существовала особая связь, которая ставила этих монстров в подчинение номарам. У смешанных связь прервалась, поэтому тумо обратили весь свой гнев против них. Но Эфин все еще был лидером чистокровных, поэтому окончательным способом разрушить слабую связь можно было лишь убив его.

Отряд провел в лесах несколько дней, обнаружив всего лишь четверых тумо, которые разведывали обстановку вокруг Тарона, смешанные уничтожили их, после чего Эфин вернулся в город, а там его встретил Фарон. Брат выглядел расстроенным, они зашли в дом и Фарон сказал то, что окончательно раздавило Эфина:

- Прости брат, но у меня печальные новости.

- В чем дело? – Эфин насторожился, ведь его волновало только одно, это безопасность Амены.

- Амена покинула деревню.

- Что?! – он вскочил со своего стула и схватил брата за грудки. – Это опять твоих рук дело?

- Скорее твоих, – и Фарон улыбнулся, затем убрал руки брата и сел на край стола. – Амена видела, как ты развлекаешься здесь, пока она мучается и страдает, живя в деревне.

- Она была в Тароне? Но, как она здесь оказалась?

- Твоя жена больше не хотела ждать и решила уйти, но я ее

остановил, предложил посетить Тарон и выяснить все раз и навсегда. Она хотела встретиться со своим мужем и поговорить, но зайдя в дом, увидела такое, – и Фарон поднял глаза кверху. – Что ж ты так? Обещаешь ей одно, а сам предаешься утехам с другой.

- Где она? – Эфин сел на стул, теперь и в его душе поселилась пустота.

- Вернулась домой, ты же все равно ее отпустил, вот она и воспользовалась твоей щедростью. – Фарон встал около брата и нехотя положил руку ему на плечо. – Не переживай, мы номары, а значит нам не дано познать любви. Зачем тебе эта крианка? В твоем распоряжении целый город незамужних красавиц, да ты и сам об этом прекрасно знаешь. Кто была та номарка?

- Я не знаю.

- Даже счет потерял, - Фарон засмеялся. – Вот это мой брат!

- Мне никто не нужен кроме нее, я лишь хотел быть другим, не таким как Танафер, – в этот момент у Эфина все перевернулось внутри, и он спокойно говорил о своих страхах, которые всю жизнь держал в тайне.

- Но мы те, кто мы есть. Номары, пусть в наших венах и течет кровь других видов, но это не меняет нашей сущности, в душе мы все те же изощренные убийцы. К чему мучить себя, пытаясь притворяться другим?

- Я поеду за ней и верну.

- Это не лучшая идея, она же гордая. Да, Амена стерпела твою грубость, она пыталась стерпеть даже то, что ты буквально запер ее в деревне, кишащей монстрами, но измену - нет брат, этого она не простит. Оставь ее в покое, ты испробовал ее на вкус, пусть теперь крианка достанется тому, кто создан для всей этой сопливой жизни, - и Фарон собрался уходить. – Подумай об этом, ты не способен сделать ее счастливой, рядом с тобой всегда будет блуждать смерть и насилие, мы не любим и не ходим под ручку со своими избранницами, мы созданы для войны. Вспомни нашу мать и отца. Она бросилась с утеса, а прежде хотела отравить мужа. Ты этого хочешь для своей обожаемой Амены? Такой судьбы?

Фарон ушел, а Эфин остался сидеть, из его глаз скатились ровно две слезы, которые были первыми в его жизни и самыми горькими. Он предал ту, ради которой готов был перевернуть мир.

Где-то в глубинах души у Эфина теплилась надежда на то, что он сможет создать семью и будет достойным Правителем Тарона, где не останется места насилию и жестокости, где народ

будет процветать, живя в мире с соседями. Эту мечту он вынашивал с детских лет, притворяясь перед отцом таким же монстром, каким был сам Танафер. Эфин рос в жестокости, он с девяти лет мог убить своего ровесника, с которым они боролись на поле для тренировок. Он был вынужден делать все, что велел Танафер, только чтобы выждать время и занять место лидера, оттого в нем появилось столько грубости и хладнокровия. Фарон был другим, он сражался яростно и самоотверженно, наслаждаясь пролитой кровью, стараясь быть достойным отца, но Танафер выбрал старшего сына, оставив второго в запасе. После этого Фарон возненавидел брата и все его идеалы, ведь Эфин хотел мира, тогда как Фарон желал войны. Они долгие годы жили, пробиваясь каждый к своей цели. Старший брат в свои двадцать шесть лет основал город, где поселились все смешанные номары, он изолировал их от чистокровных, чтобы те не имели возможности приобщиться к жизни убийц и насильников. А Фарон остался в деревне, тренируя и подчиняя номаров, он готовил их к войне, подбивал на бунт, но чистокровные очень преданы своим традициям, поэтому служить тому, кого оставил после себя Танафер - это закон. Однако ничего не стоит на месте и Фарон постепенно вкладывал в их умы, что Эфин давно забыл о них, не желая вести дальше, что он хочет превратить их в рабов и ждать, пока не сгинет каждый из чистокровных. Те номары, которые были выбраны, чтобы стать отцами смешанных, проживали в Тароне, так как они полностью приняли новый уклад, но остальные продолжали жить подобно зверям, поэтому оставались в деревне. Эфин пытался изменить их, но ничего не получилось, так как природа сильнее его желаний, поэтому он решил оставить чистокровных на соседней земле, дабы избежать бессмысленного кровопролития.

Правитель Тарона еще несколько дней мучился, пытаясь сдержаться, чтобы не отправится за своей женой, но слова брата не выходили из его головы. Он перебирал все воспоминания, все дни, которые провел с Аменой, и ему все больше начинало казаться, что Фарон прав и у них нет будущего. Что может дать номар такой как Амена? Он не умел быть таким, каким надо было, не умел дарить ласку и заботу. Все, на что годился Эфин, так это прижечь рану, полученную в бою, защитить от врагов и принести еды. Для Амены этого недостаточно, ей нужна любовь и семья, а не постоянные скитания среди грубости и эгоизма. Так думал Эфин, он уверял себя в этом, чтобы меньше страдать и перестать думать о ней.

Спустя неделю Эфин окончательно уверил себя в том, что он злобное порождение своего отца, поэтому замкнулся и

переключился на тумо. Его лазутчики донесли, что в пятидесяти километрах от Тарона собираются большие группы монстров, они готовят нападение, и для того чтобы избежать потерь среди мирных жителей, Эфин решил собрать войско из самых лучших номаров, подкрепив его чистокровными, и отправился на встречу врагу. Если тумо доберутся до города, то крови не избежать, погибнет много женщин и детей, тем более эти звери почувствуют силу и уже не остановятся, они будут сотнями атаковать Тарон, пока не перебьют всех.

Глава XVI
Потомок Кумеро.

После ночного видения все время представляла те образы и прокручивала в голове сказанные Минекая слова. Мне нужно было как-то встретиться с Эфином и выяснить все. Но, как и где? Гуляя по улицам Мазарата, не переставала думать о нем, все, что звучало в ушах, это его голос, все, что чувствовалось на коже, его прикосновения. Я и не заметила, как забрела в заброшенный сад, там давно уже никого не бывало, раньше нам рассказывали страшные сказки об этом месте, чтобы мы не бегали сюда, здесь все казалось таким старым и мрачным. Одинокий колодец, стоящий посреди поляны, заросшей дикими цветами, высокие деревья, которые раскинули свои ветви на несколько метров, множество лиан, опутавших их могучие стволы. Только одинокие солнечные лучи, умудрившиеся пробиться сквозь сросшиеся кроны, белыми струйками опускались на землю, озаряя темный сад.

Пройдя к колодцу, заглянула в него и увидела лишь паутину, которая окутала все внутри, возможно, там, на дне еще и есть вода, но ее совсем не видно. Когда же взгляд соскользнул на каменную основу, то глаза остановились на старинной фреске, которая уже давно покрылась пылью и потеряла былые краски, расчистив ее руками, посмотрела на то, что было изображено на ней. На большом бледно желтом полотне красовались несколько дев, они стояли, взявшись за руки, а внутри их кольца сиял лиловый шар.

Ниже была надпись: «Загляни в душу Скайры и найдешь все ответы» Удивительно, но фреска была сделана слишком давно, так как одеяния тех дев принадлежали эпохе критти, видимо этому колодцу не одна сотня лет. И что могло значить, заглянуть в душу Скайры? Критти имели много тайн, которые унесли с собой, оставив лишь часть скромных подсказок, а мне сейчас как раз нужны ответы.

Я бродила по саду, ловила руками солнечный свет, затем села около одного из деревьев и прикрыла глаза, очередной раз в сознании нарисовался образ Эфина, как он стоит или сидит, но главное, где он сейчас может находиться, ведь нам так надо поговорить. Но как только открыла глаза, то замерла от увиденного, впереди стояли несколько дев, их тела состояли из тумана, они звали меня, приглашая присоединиться к ним. Не заставляя их ждать, я тут же поднялась и подошла к одной из девушек, она смотрела на меня очень спокойным добрым взглядом, затем протянула руку и указала на остальных. Как и было изображено на фреске, девы встали в круг, но в центре была я. Они что-то шептали, обращаясь к своим праотцам, а через несколько секунд тот солнечный свет, что был разбросан лучами по саду, сконцентрировался на мне. Перед глазами все слилось, вокруг было лишь солнце, но вскоре ярко желтый свет сменился лиловым, в нем начали появляться чьи-то образы и силуэты, пока все ни прояснилось и я не увидела Эфина, стоящего в окружении своих воинов. Все было словно наяву, я оказалась в каком-то лесу и могла спокойно наблюдать за всем происходящим, расхаживая между номарами. Эфин стоял в ожидании чего-то, остальные искали следы, я подошла к нему и захотела обнять, но прошла насквозь. Только в этот момент Эфин пошатнулся и начал глубоко дышать, возможно, он что-то почувствовал, но спустя секунду меня перенесло уже в другое место, я оказалась среди тумо, их было огромное множество, они рычали, суетились, что-то вынюхивали, затем двинулись в сторону побережья. Тогда я поняла, что тумо идут в Тарон, а Эфин их поджидает в лесу, он не знает об их планах, а значит, рискует не успеть. Затем перед глазами снова все слилось, и я вернулась в сад. Девы все еще стояли вокруг, они улыбнулись, после каждая дотронулась до моего лба, а через мгновение призраки растаяли в воздухе.

Мне не верилось в то, что произошло. Я побывала там, где сейчас находится Эфин, это именно то, чего я хотела узнать. Но главное, он не знает, куда отправились тумо! Я должна найти его, во что бы то ни стало.

Выбравшись из сада, быстро побежала домой, хотела немедленно отправиться в путь. Но у порога меня встретил отец, он был чем-то встревожен и явно ждал моего прихода:

- Что случилось, отец?

- Фарон здесь.

- Что? Уже? – я не ожидала, что он так быстро приедет, ведь в запасе был еще один день.

- Да. Он требует ответа, а еще желает видеть тебя.

- Что ж! Тогда соглашайся на его условия. Подыграем ему.

- Но, что будет потом?

- Я найду Эфина и мы придумаем что-нибудь.

- Дочка! – отец нахмурился и строго посмотрел на меня. – Это не игра. Либо мы разработаем план, который убережет нас от бессмысленной войны, либо мы понесем поражение. С номарами шутки плохи.

- Я знаю. И поверь, папа, у меня есть план. Только для начала я должна встретиться с Эфином, у меня сегодня было видение в заброшенном саду, а еще ночью.

- Видение?

- Да. Прошу доверься мне, хоть раз.

Отец еще какое-то время думал, он колебался, ведь на карту было поставлено слишком многое. Но вскоре ответил:

- Хорошо. Я дам ему согласие. И как ты найдешь Эфина?

- А вот это сложнее. Тот путь, которым он вез меня в деревню слишком долгий, а вот если пойти через Тихие леса и добраться до Большой воды, то получится быстрее.

- Я дам отряд, Минекая будет сопровождать тебя. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

- Спасибо, отец, – я обняла его, и мы вместе зашли в дом.

Фарон ожидал в зале Советов, он стоял напротив камина, смотрел на огонь. Когда мы зашли, номар немедленно обернулся и проследовал ко мне:

- Амена. Ты прекрасна как всегда.

- Благодарю, – я смотрела на него, как и раньше. - Ты вернулся? Не ожидала.

- Да, вернулся. Мне необходимо поговорить с твоим отцом о торговле зерном. Но если позволишь, то я бы с большим удовольствием прогулялся с тобой после того, как мы все обсудим.

- Не смею отказать.

Выйдя из зала, направилась в свои покои, мне хотелось поговорить с Фароном, чтобы понять его настроение и желания. Он явно что-то затевал, но действовал ли сам или с подачи брата? Мне кажется, что я уже ничего не понимаю, все стало таким сложным и неоднозначным, если бы тогда Эфин не пришел и не увидел меня, то всего этого и не случилось бы, но Скайра для чего-то нас свела, как свела и с Фароном. Эти номары не хотят жить в мире, они как дымящийся вулкан, который вот-вот взорвется и покроет пеплом все вокруг. Я не желаю, чтобы Мазарат оказался под слоем этого пепла, поэтому должна разобраться во всем раз и навсегда. Должна договориться с ним и расстаться, хотя в голове и роились образы Эфина, но мы не можем быть вместе, ведь оставаться всю свою жизнь вторым

блюдом не для меня.

С того момента как я покинула зал, прошло около часа, но уже скоро в коридоре послышались медленные уверенные шаги, это был Фарон. Он остановился у двери, и только собрался постучать, как я открыла. Его взгляд был каким-то другим, более настойчивым, номар вошел в комнату и сразу же обнял меня:

- Фарон? Что ты делаешь? – я не отталкивала его, но чувствовала себя скверно.

- Просто соскучился.

Как только он отпустил меня, я спросила:

- Где Эфин? Что с ним?

- Тебя все еще волнует мой брат? – Фарон усмехнулся, а его глаза наполнились блеском. – С ним все в порядке, управляет Тароном, ублажает свою женщину.

- Кто она? Кто эта номарка?

- Я не понимаю, зачем тебе все это надо? Неужели он недостаточно унизил тебя?

Тогда увидела в нем гнев, его очень раздражало то, что я продолжаю думать об Эфине, и решила сыграть на этой злости:

- Просто очень сложно забыть все, что мы с ним пережили. Все проведенные ночи, его ласку.

Фарон злился все больше, он сжал челюсти и всеми силами пытался сдержаться:

- Мы так и будем продолжать говорить о нем? Сколько можно, Амена? Его не должно быть в твоей голове. Мой брат не должен был быть с тобой, – затем он замялся и добавил. – Все произошло так, как предначертано Скайрой.

- А ты знаешь, что Скайра приготовила каждому из нас? – я подошла к нему и положила руку на плечо, затем медленно перевела на шею, заставив его сесть в кресло. – И что же уготовано нам? – продолжая касаться его, наклонилась над ухом и стала говорить очень тихо. – Скажи, Фарон.

Он не ожидал такого, поэтому растерялся.

- Это было видно сразу, - он говорил прерывисто, пытаясь справиться с внутренним порывом. – Эфин недостоин тебя, как недостоин и места лидера номаров.

- Но его же выбрал ваш отец.

- Он его выбрал только потому, что поверил в ту ложь, которой Эфин окутал умирающего старика.

После этого Фарон схватил меня и усадил к себе на колени:

- Ты ведешь себя иначе, будто лед твоего сердца растаял, – он касался моих волос, лица.

- Я лишь пытаюсь понять тебя. Чего ты хочешь? Я вижу, что ты не просто так приехал.

- Если я скажу, то позволишь поцеловать себя?

- Смотря, каким будет ответ.

- Я хочу тебя. Вот и весь ответ, – тогда он прижал меня к себе. – Так что? Этого достаточно, чтобы поцеловать тебя?

- Вполне, – мне пришлось согласиться.

Мы поцеловались. Фарон готов был идти дальше, но я остановила его. Когда же он встал, то посмотрел в глаза и тихо произнес:

- Ты будешь моей, Амена. Только моей.

Затем вышел из покоев. Я же начала понимать, Фарон желает сместить брата, лишить его самого дорогого: уважения, положения среди номаров и любви, а значит, Эфину я все же была дорога, несмотря на случившееся. Здесь явно что-то происходит, Фарон затеял эту игру, но я в ней не причина, а средство.

Как только номары покинули Мазарат, я немедленно отправилась к отцу. Он сделал все так, как мы и договаривались, ответив согласием на условия Фарона. А сейчас надо было срочно отправляться на поиски Эфина, который находился где-то в Тихих лесах.

Собрав отряд из двадцати лучших воинов, возглавляемых Минекая, мы выдвинулись из города, путь предстоял сложный и полный опасностей, ведь спустившись с плато, мы попадем на территорию тумо. Придавало уверенности только то, что они сейчас сосредоточены на Тароне и его Правителе.

Нам удалось добраться до Тихих лесов к вечеру, здесь все постепенно оживало, посему приходилось смотреть в оба. Минекая следовал рядом со мной, он долго молчал и внимательно следил за всем происходящим вокруг. Как только мы вышли на открытое пространство, так называемые пустоты Мулу, где не было ни одного дерева, но и не было открытого неба, так как деревья на несколько десятков метров раскинули ветви, отчего те сплелись и образовали купол, Минекая подъехал ко мне вплотную и спросил:

- Зачем тебе это все надо?

- Я не хочу подобно факелу переходить из рук в руки. Сначала был Эфин, а сейчас Фарон.

- Что? О чем ты?

- Видимо, отец упустил этот момент. Фарон хочет забрать меня после того, как разобьет войско брата и сместит его с позиции лидера. Этот номар что-то задумал.

- Они не оставят тебя в покое. Надо было бежать еще в самом начале.

- Ты же понимаешь, что это не выход. На тот момент Эфин готов был исполнить свое обещание в случае моего отказа.

- А сейчас? Что такого произошло между вами, что он отступился и отпустил тебя?

- Между нами произошло то, что изменило по-своему каждого из нас. Главное, что он больше не претендует на Мазарат.

- Ты лукавишь, Амена. – Минекая улыбнулся и потер свои усы. – Как только ты вернулась, начала тренировки, затем попросилась ко мне в воины, все это время твоя голова была полна мыслей, а глаза печали. И мне кажется, что эти мысли именно о нем.

- Я и забыла, что ты знаешь меня лучше, чем я сама себя. У меня действительно зародились чувства к Эфину, и они живы по сей день, только вот смысла от них уже нет. Мы никогда не сможем быть вместе. Он сделал свой выбор.

- Так зачем ты идешь к нему?

- Мне нужна его поддержка. Поговорив с Фароном, я поняла, что Эфину Мазарат не нужен, он не желает войны, тем более, у него сейчас много проблем с тумо, которые атакуют Тарон уже несколько лет. Эфин полностью сосредоточен на них. Но вот Фарон хочет воспользоваться моментом и уничтожить брата. Ты только представь, какую армию он пытается собрать: тумо, чистокровные номары и мы! Армия Эфина не выдержит. Однако, если мы присоединимся к смешанным, то уравновесим силы и дадим себе шанс на победу.

- С тумо и номарами сложно воевать.

- Это так. Только вот смешанные тоже номары, при этом они превосходят чистокровных по уму, силе и технике. Если разработать стратегию и тактику, то можно будет одержать верх над зверьми, которые воюют только за счет своей силы, но не ума. Тем более, если одолеть чистокровных, то уйдут и тумо, так как эти монстры зависимы и всегда обитают неподалеку друг от друга.

- Твой план интересен и возможно успешен, но с чего ты взяла, что Эфин присоединится к нам?

- А разве у него будет выбор? Мазарат не сможет остаться в стороне, либо мы примкнем к смешанным, либо к чистокровным.

- Я верю в тебя Амена, поэтому и согласился идти вместе с тобой.

- Правда, есть кое-что, чего я еще никому не говорила.

- Что же?

- Видения, которые посетили меня на днях, – наставник растерялся и не знал, как реагировать на мои слова. – Первое было во сне, но вот второе. Оно случилось в заброшенном саду, там, где стоит древний колодец, сохранившийся еще со времен критти.

- И у тебя было видение подобно тому, что изображено на фреске?

Я удивилась, так как Минекая явно что-то знал об этом:

- Да. Ты знаешь, о чем я говорю?

- Я слышал легенды, их мне рассказывал дед. Критти были одними из первых детей Скайры, поэтому имели с ней очень тесную связь, могли общаться и посредством этого общения заглядывать в будущее, но как только критти покинули город, то остальные с годами потеряли эту связь. Именно женщины обладали такой способностью, но не все. Рождались избранные, которые становились оракулами, их почитали, прислушивались к ним и защищали. На той фреске изображены пять дев Оракулов, они соединяют свои силы, образуя внутри кольца энергию, управляя которой могли увидеть то, что пожелают.

- Удивительно, сколько я еще не знаю о своих предках. Только в моем случае все было как-то иначе. Эти девы явились мне, но в центре их кольца была я и видела Эфина, затем перенеслась в другую часть леса и наблюдала уже за тумо.

- В центре была ты?! – глаза наставника округлились в этот момент.

- Да, их свет прошел сквозь меня и перенес в другое место.

- Значит ты не просто Оракул, ты есть сама энергия. В тебе соединились и проводник, и источник. Это просто невозможно. За всю историю критти только одна женщина могла самостоятельно взывать к Духу Скайры и одновременно видеть будущее. И она была лидером, ведущим за собой свой народ. Ее звали Кумеро. Но я думал, что это лишь очередная выдумка, коими окутали историю предков.

- Кумеро? Я никогда о ней не слышала.

- О ней знают немногие, несмотря на ее величие. Кумеро должна была воссоединить народ критти, так как одна часть обитала в Гуттовых лесах, а другая в скалах, но она не сделала этого, потому что ей бы пришлось пролить кровь несогласных. Она вошла в те поселения со своим многочисленным войском и увидела, что те критти уже были другими, их кровь смешалась с другим видом, они стали более воинственными и независимыми, также она предвидела возможные последствия столкновения. Кумеро не пожелала войны и вернулась обратно, но Совет старейшин не простил ей этого. Они изгнали ее, после чего вернулись в скалы и попытались силой воссоединить народ, но получили отпор, потеряв немало солдат. После всех событий Кумеро присоединилась к смешанным критти, и они покинули скалы в поисках нового дома, а спустя несколько лет скитаний остановились на плато и основали Мазарат.

- Так нас сюда привела Кумеро? Женщина?

- Она была очень сильной и могущественной. Как только критти основали город, они вскоре осознали, что не смогут так жить. Но Кумеро понимала, если веками кочевать с места на место, то от народа ничего не останется, поэтому оставила здесь нескольких из своих детей и ушла. Ее сыновья и дочери продолжили род, население росло, постепенно менялись устои, правила и, спустя века, они назвали себя крианцами. Однако кровь Кумеро продолжала течь в венах крианцев. И, видимо, она возродилась в тебе. А если так, то ты способна вернуть нам былое величие.

- Мне рассказывали, что номары боялись критти, это так?

- Да, так. Когда критти еще не достигли плато, они сталкивались с номарами, их тогда было значительно больше, чем сейчас. Те номары не сильно отличались от тумо, поэтому постоянно происходили сражения, но критти всегда одерживали верх, из-за способностей Кумеро, она предвидела их действия. Они всегда оказывались на шаг впереди и номары терпели поражение за поражением, их численность уменьшилась вдвое и они также разбрелись по всей Скайре, чтобы повысить шансы на выживание, – затем Минекая посмотрел на меня и взял за руку. – Ты ее дитя, а значит мы все в твоей власти.

- Я не могу взять на себя такую ответственность.

- Ты уже взяла, когда отказалась бежать и ушла с Эфином. Ты прошла этот путь и стала сильной, а как только Скайра поняла, что ты готова, то открыла тебе свою душу.

- У меня было всего лишь два видения, кто знает, может их больше не будет? – я сомневалась и боялась того, что эти воины и Минекая последуют за мной. Вдруг я подведу их? – Я боюсь, отец.

- Не бойся, дитя. Скайра ведет нас, она уже все знает. Ты поделишься с нами ее истиной и вернешь крианцам надежду.

После этого разговора мы ехали, молча, я пыталась понять все, что Минекая рассказал мне, пыталась поверить в это, но не могла. Возможно, критти и Кумеро были великими, но крианцы изменились, сложно поднять народ, если он веками живет в страхе.

Глава XVII
Битва за Тарон.

Мы прошли Тихие леса и вышли на побережье, которое не одним десятком километров тянулось вдоль Большой воды. Время шло, а я не знала, то ли видела будущее в момент встречи с таинственными девами, то ли настоящее. Оставалось только

надеяться, что это видение еще не сбылось. Ночь сменилась утром, наш отряд двигался без остановок, а значит, мы могли добраться до Тарона к вечеру.

Спустя еще несколько часов изнурительного пути под палящими лучами солнца, Минекая приказал остановиться, чтобы воины могли отдохнуть. Я же слезла с лошади и зашла в океан, его волны накатывали, оставляя пену на ногах и это было необыкновенно, ведь мне еще ни разу не доводилось бывать на побережье и смотреть на Большую воду. Нырнув в ласковые теплые волны, поплыла вперед, я будто снова вернулась в детство. Все вдруг изменилось. Раньше я никогда не выходила за пределы городских стен, никогда не путешествовала и не понимала свободы. Но сейчас! Вот она, свобода, о которой знали критти и от которой так и не смогли отказаться.

Вернувшись на берег, легла на белый песок и пыталась отдышаться, а в душе все смеялось от радости и счастья. Минекая сидел неподалеку и с улыбкой на лице наблюдал за мной, все как раньше. В детстве я также могла бегать по грязи, плескаться в лужах и изображать могучего воина, бьющегося с жуткими чудовищами, а наставник сидел и наблюдал за мной, он лишь изредка подсказывал, как правильно заносить меч. Мир не ограничивается Мазаратом, крианцы должны выйти и насладиться тем, что происходит вокруг, они должны постичь свободу. Наши дети не могут больше расти в неволе, боясь попасться номарам или тумо. И Минекая прав, я должна исполнить свой долг, вернуть нам прежнее величие. А сейчас пора в путь.

Мы снова оседлали лошадей и двинулись вперед. Тарон должен был показаться уже через несколько часов, я хотела увидеть Эфина, хотела поговорить с ним и просто посмотреть ему в глаза. Несмотря на измену, я все же скучала по нему. Что-то связало нас, отчего сердце никак не могло успокоиться.

Как только подумала об этом номаре, то вокруг все стихло, я уже не слышала шума океана, не слышала ветра или криков птиц, все исчезло. А спустя секунду перед глазами снова все слилось, я уже была в том лесу, где встретила Эфина, он указывал своим воинам путь, но не на побережье, а вглубь леса, затем взору явился Тарон, его стены атаковали тумо, они забирались и десятками прыгали внутрь, слышались крики, везде полыхал огонь. Когда очнулась, то была уже на песке. Минекая суетился рядом, пытаясь привести меня в чувства:

- Что с тобой? Амена?! Ты вдруг упала с лошади!

- Очередное видение, – я села и почувствовала, как шишка набухает на затылке. – Нам надо поторопиться, если опоздаем, то

тумо доберутся до Тарона, а Эфин сейчас в лесах, он не успеет перехватить их.

Тогда наставник помог встать, и мы снова двинулись в путь. Спустя пару часов впереди показались очертания города, Тарон возвышался подобно гигантской скале, выросшей из земли, его стены казались неприступными, а башни, окутанные сумерками, наводили ужас. Мы остановились за несколько километров, я повернулась к Минекая и сказала:

- Мне надо найти Эфина. Оставайтесь здесь и ждите нас, если появятся тумо, то лучше прячьтесь.

Затем помчалась в лес, что-то вело меня и направляло, я чувствовала номаров. Как только оказалась посреди ночных джунглей, замедлила ход, начала прислушиваться ко всему, что творилось вокруг. Где-то слышались чьи-то движения, где-то хрустели ветви, но как только подошла к большим зарослям, то лошадь начала принюхиваться и дергать ушами, она кого-то почувствовала, кого-то в тех самых зарослях. Однако, стоило мне приблизиться к ним еще на пару метров, как навстречу выскочил тумо. Он встал на задние лапы, и наши взгляды пересеклись, этот монстр раздувал ноздри, периодически скалился, но не спешил нападать. Я медленно взялась за рукоятку меча и продолжала ждать, а еще спустя пару минут тумо несколько раз лязгнул зубами и пошел на меня. Что ж, на этот раз придется сражаться в одиночку. Соскочив с лошади, присела на корточки и прижала меч к земле, а как только зверь достиг меня, то резко ушла в сторону, нанеся первый удар. Тумо зарычал, я ранила его в ногу, но это еще не конец, в этих тварях очень много сил и терпения, так что либо сегодня я уйду отсюда, либо Тарон подвергнется нападению. Тумо ринулся за мной, размахивая лапами, он пытался зацепить, но это не так-то просто. Здесь, в лесной чаще очень легко прятаться среди деревьев и лиан, поэтому монстр несколько раз запутывался в ветвях, однако это его не останавливало. За все время мне удалось нанести ему еще несколько ударов, отчего его шкура покрылась кровью, которая медленно сочилась и стекала на землю, только от этих ран зверь еще больше рассвирепел. Я уже начала уставать, убегать становилось все сложнее, тумо изматывал меня, и как только хотела забраться на дерево, то почувствовала, как меня схватили за жилет и отшвырнули в сторону. Я упала и покатилась по земле, собирая все лежащие камни, а финалом был удар о соседнее дерево. От резкой боли перехватило дыхание, меч отлетел, я была открыта. Тумо пошел на меня, желая разодрать на части, но стоило ему занести свою лапу с когтями, как я услышала свист, потом еще и еще, после чего зверь покачнулся и упал, придавив

меня всем своим весом.

Я пыталась выбраться, но не получалось. Тумо поразили стрелы, а значит, здесь кто-то есть, хотя долго ждать не пришлось, уже через минуту чьи-то руки убрали бездыханное тело, я подняла глаза и снова почувствовала, что не могу дышать. На меня смотрел Эфин в окружении своих воинов, его взгляд будто застыл. Я же не смогла удержаться и, резко вскочив, обняла его, прижавшись так крепко, как только позволяли силы:

- Спасибо. Спасибо, что очередной раз спас мне жизнь.

В голове все зазвенело, ведь я почувствовала его запах, услышала его дыхание, словно вернулась в тот проклятый шатер.

Он ничего не говорил, лишь его руки также обняли, а голова опустилась на плечо. Его сердце билось в истерике, тело слегка тряслось и все это передавалось мне. Затем он поднял голову и коснулся своим лбом моего:

- Ты вернулась, – он говорил шепотом. – Вернулась.

- Да. Я пришла, чтобы сообщить тебе, - но Эфин не дал договорить.

- Нет, скажи, что ты просто пришла ко мне, проделала этот путь, чтобы быть со мной.

Мне не хотелось нарушать момент, не хотелось, чтобы он выпускал меня из объятий, но время шло, а тумо должны были быть уже на пути к городу, поэтому я отстранилась:

- Эфин, выслушай меня, прошу.

- Хорошо, говори, - его глаза сверкали, а губы слегка шевелились.

- Здесь нет тумо, они направляются вдоль побережья, прямо к Тарону. Если ты немедленно не вернешься, то может произойти ужасное.

Он не мог понять, с чего я говорю все это:

- Но как ты можешь знать?

- Я тебе все объясню, но прошу, просто поверь мне сейчас. Нам надо спешить. Там, недалеко от Тарона находится мой отряд во главе с Минекая. Они помогут, – тогда я подошла к нему и поцеловала, вложив в этот поцелуй всю любовь. – Прошу Эфин, доверься мне.

После этого он повернулся к своим и сказал:

- Мы возвращаемся! Немедленно!

Номары оседлали лошадей, и вереница из воинов помчалась вперед, Эфин посадил меня рядом с собой, он прижимался всем телом, его руки касались моих. Спустя полчаса мы выбрались из леса, до Тарона оставалось всего лишь несколько километров, как дозорные подали сигнал. Тумо кишащей массой надвигались на город, они бежали несколькими группами. Чистокровные должны

были ждать в лесах, чтобы вовремя атаковать и не дать тумо подойти к стенам, но их не было. Эфин смотрел по сторонам, подмоги же не последовало. Я искала в темноте своих, они укрылись за небольшой каменной насыпью, тогда повернулась к Эфину:

- Минекая готов помочь вам.

- Я не нуждаюсь в помощи крианцев.

- Эфин?! Очнись! Номары не придут! Если ты откажешься от помощи, то рискуешь впустить этих зверей в город.

- Номары должны быть здесь! – он кричал и постоянно искал их глазами. – Они не могут ослушаться!

- Хоть раз послушай меня! Они не придут!

Но Эфин не слушал, поэтому мне пришлось спрыгнуть с лошади, я побежала к Минекая. Они сидели в засаде в ожидании сигнала, когда я добралась до них, то закричала, чтобы солдаты поднимались. Войско выступило вперед и двинулось на перерез тумо, армия смешанных также подоспела, к нам вышли и те, кто находился в Тароне, они выстроились в шеренгу, преграждая путь к городу. На стенах расположились лучники, сразу же пошел отстрел. И через минуту все потоки слились в один. Крианцы, номары, тумо, все перемешались. Сегодня мы сражались вместе со своими врагами, впервые за десятки лет или даже сотни.

Я и Минекая находилась в самом центре, а Эфин справа от нас, мы пронзали тумо, оставляя их истекать кровью, но они все же превосходили нас числом и были настроены очень решительно. Когда один из монстров попытался вцепиться в меня, повалив на землю, то между нами неожиданно возник Эфин и перерезал глотку зверю. Он быстро поднял меня с земли и снова попытался вытолкать:

- Уходи! Тебе здесь нечего делать! – рычал он, продолжая отбиваться.

- Ты же знаешь, что я не уйду!

Когда я это произнесла, то неожиданно посмотрела вперед и увидела несущегося на меня тумо, но он бежал со спины, а все равно видела! Очередное видение! Тогда немедленно развернулась, и лезвие моего меча вошло точно в сердце зверя. После этого последовало предвидение за предвидением, прежде чем наносить удар, я видела с какой стороны произойдет нападение, поэтому легко отражала все атаки, уходя в сторону, либо отвечая ударом. Затем последовали видения, в которых присутствовали Эфин и Минекая, тогда я взяла с земли второй меч и направилась к ним, все это происходило будто в тумане, в котором лишь возникают образы, а через мгновение все рассеивается, и я уже знаю, где появится враг. Предупреждая

Эфина, помогала Минекая, встав за его спиной. Но чем дольше шло сражение, тем чаще возникали картины будущего, а гнев и ярость проникали в мою голову, заставляя сражать монстра за монстром. Мы одерживали верх, оттесняя тумо к лесу, они постепенно пятились, а когда их оставалось около пары десятков, то и вовсе побежали прочь. Однако в самом конце я увидела, как один из вожаков мчится на Минекая, Эфин также заметил тумо, но позже, он тоже ринулся на помощь. Я же опередила его и тогда в глазах произошла вспышка, после которой все потемнело, а когда прояснилось, то голова тумо уже катилась далеко в сторону берега. Бой был окончен, мы победили в неравной схватке с этими мерзкими тварями, которые трусливо бежали вглубь джунглей.

Эфин подошел ко мне, но я резко обернулась и приставила меч к его горлу, еле сдержавшись, чтобы не вонзить:

- Амена?! Что ты делаешь? Что с твоими глазами?!

Я же была в какой-то прострации и не сразу расслышала его. Когда же ответила, то и голос звучал иначе:

- А что с моими глазами?

- Они горят сиреневым светом! – Эфин медленно отвел клинок от своей шеи и так же медленно забрал меч из моих рук.

Но как только сознание вернулось, то я сразу ослабла и упала в обморок.

Темнота окутала подобно пуховому одеялу, вокруг было так спокойно, что голова перестала болеть. Не знаю, сколько тогда прошло времени, но я бы еще долго могла находиться в этом пустынном и темном пространстве.

Очнулась уже в постели, как выяснилось, в той самой, где Эфин развлекался со своей номаркой. Тогда медленно присела, попыталась осмотреться, вокруг было тихо и пусто. Ни единой души, только распахнутые окна вдалеке и развевающийся от ветра занавес, моя голова шла кругом, было ощущение, будто меня била сотня солдат, а через десять минут в дверной тени показался Эфин, он тихо прошел за ширму и остановился напротив:

- Здравствуй, – он говорил практически шепотом.

- Здравствуй, – я так же говорила тихо, голос был абсолютно расслаблен. - Что со мной произошло? Почему я здесь?

- Произошло нечто удивительное. Ты стала прообразом критти.

- Что? – голова продолжала раскалываться на части.

- В тебе живет Великий дух предка, который высвободился. Но ты пока еще очень слаба, поэтому твой разум не выдержал такого напряжения.

- Ах, это… - тогда я снова легла на подушку и прикрыла глаза. – Зачем ты принес меня сюда?

- Это наш дом, теперь наш.

Эфин сел рядом и принялся убирать с моего лица растрепавшиеся локоны. Я же ощущала какую-то пустоту, из меня словно выпили все соки, заодно и, высосав душу.

- Эфин, не стоит сейчас говорить о нас. Ты однажды уже принял решение, мне здесь не место.

- Но мы все еще муж и жена, я хочу исправить все, что сделал не так. Хочу быть достойным тебя, – затем он помолчал и добавил. - Ты сражалась невероятно.

- Значит, весь твой пыл объясняется лишь моими способностями? Кажется, я начинаю понимать, почему ты остановил свой выбор на мне. Дело в крови. Ты знал, кто я? – посмотрев на него с укором, снова села, обколовшись на спинку кровати. – Только честно.

- Догадывался. Отец рассказывал в свое время о том, что критти обладали особым даром, владеть которым могли лишь Великие воины, они были бесстрашны и абсолютно хладнокровны, предвидели действия врага, опережая из раза в раз. Но их сила давно рассеялась в крови потомков, однако, этот дар мог возродиться в том, чьим глазам не ведом страх. Когда я увидел тебя там, в казармах, то твои глаза как раз не имели страха, а взгляд пронзал насквозь.

- И? Ты захотел владеть этим даром? То есть, мной?

- Хотел. И признаюсь, что хотел использовать тебя в своих целях, но потом…

Я же перебила его:

- А потом ты якобы влюбился, – мои опасения еще раз подтвердились. – Ты расчетлив и твое коварство не имеет границ.

- Прости. Мне нет оправдания, я ведь животное, порождение демона. Но такова моя суть. Я хотел быть другим, хотел любить тебя по-настоящему, как это положено. И не смог.

- Так, раз ты не смог, то зачем пытаешься все вернуть? – моя душа была опустошена, как никогда. И не только от того, что рассказал Эфин, а ото всего, что произошло за минувшую ночь.

- Хочу верить, хочу надеяться, что у нас еще есть шанс.

- Нет. У нас нет шанса, я больше не хочу быть с тобой, мои чувства иссякли. Ты должен идти своим путем, найти свою спутницу, стать достойным Правителем и достичь мира с соседями. А я должна быть со своим народом, пришло время им вспомнить о том, кто они есть.

Эфин повернулся в сторону окна и глубоко выдохнул:

- Ты отрекаешься от меня?

- Да. Пойми, так будет лучше, – тогда я взяла его за руку. - Знай, я всегда приду к тебе на помощь, если того пожелаешь, ведь так благодарна тебе за эту школу жизни. Если бы не ты, то не познала бы себя, не ощутила бы жажды к свободе, продолжая не жить, а существовать.

- Скажи, а ты любила меня? Хотя бы на мгновение?

- Лукавить не стану, – подавшись вперед, посмотрела на него с болью в глазах. – Любила и не на мгновение, а все то время, что знала тебя. Я готова была терпеть разлуки, грубость и насмешки, но стерпеть предательство не в моих силах. Сейчас в моей жизни все очень сложно, я поняла, кто я есть на самом деле, поняла, что могу изменить жизнь крианцев, а еще поняла, что нуждаюсь в том спутнике, который будет следовать рядом всегда и везде, который будет видеть во мне любимую женщину, а не оружие.

- Я бы хотел следовать за тобой, но сейчас времена неспокойные.

- Да, - я решила сменить тему. - И еще! Главное, для чего я пришла, так это сказать тебе, что Фарон планирует восстание. Он хотел заключить с нами уговор, чтобы наша армия примкнула к чистокровным, и мы помогли бы ему свергнуть тебя.

- Фарон. – Эфин усмехнулся. – Он всегда хотел быть важнее, чем есть на самом деле, только одного в нем не хватает, способности мыслить беспристрастно. Все, что он делал, было актом безумия, ярости, но так нельзя вести за собой народ. Однако, раз он решил, что перерос меня и готов к серьезным переменам, то пусть познает и последствия.

- Что ты будешь делать?

- Лучше тебе этого не знать. Они ослушались моего приказа, за это последует наказание.

Затем Эфин снова посмотрел на меня, немного наклонился и аккуратно коснулся моих губ своими, поцеловав очень нежно, после чего тихо произнес:

- Пусть я и номар, и пусть Скайра создала меня монстром, но я все равно люблю тебя и буду любить, где бы и с кем бы ты ни находилась, – и он вышел из покоев.

Глава XVIII
Время перемен

Амена вернулась в Мазарат, а Эфин во главе своего войска незамедлительно отправился в деревню номаров. Он прибыл туда, где встретил своего брата. Тот явно не ожидал увидеть Эфина так скоро, потому как полностью был уверен в том, что тумо все же пробили оборону и нанесли серьезный ущерб

жителям Тарона.

Лидер слез со своего коня и вышел вперед, чтобы все его видели. Смешанные в это время проходили палатки и вышвыривали оттуда номаров, будь то мужчины, женщины или дети. Они выбегали и становились в центр, испуганные обескураженные. Когда вывели всех до одного, Эфин заговорил:

- Пусть сейчас из толпы выйдут те, кто должен был защищать Тарон прошлой ночью, и встанут слева!

Вперед вышло два отряда, в каждом из которых было по двадцать номаров.

- А теперь пусть выйдут ваши семьи и встанут с другой стороны.

Самки хватали своих детенышей и боялись сделать хоть шаг, но солдаты вытаскивали их, уводя из толпы. Когда все было сделано и по правой стороне стояло множество женщин и детей, то Эфин подошел к провинившимся воинам:

- Номары! Вы должны были следовать за своим лидером, так вам повелела Скайра, и так вам повелел Великий Танафер. Но! Вы ослушались приказа, и теперь познаете мой гнев!

Они стояли и смотрели в землю, так как действовали с подачи Фарона, но не смели сказать об этом, ведь их страх перед этим номаром был значительно сильнее, чем перед Эфином. Натаскивая чистокровных и тренируя их, Фарон добился авторитета, поэтому мог руководить деревней, отдавая приказы, направляя их ярость туда, куда только пожелает. Однако, чистокровные не могли открыто напасть на своего лидера, поэтому вынуждены были принять то, что для них приготовил Эфин.

- Лучники! – лидер призвал своих солдат. – Выстроиться в шеренгу!

Лучники выстроились напротив группы женщин и детей, затем Эфин посмотрел на предателей:

– Сегодня ваш ссудный день, вы будете казнены, но прежде чем это произойдет, вы познаете цену предательства, смотря, как умирают ваши самки и детеныши, – после чего взор вожака обратился ко всем остальным. – И так будет с каждым, кто осмелится ослушаться, попирая законы нашего рода!

Эфин отдал приказ, и лучники начали отстреливать тех несчастных. Они кричали, пытались бежать, но далеко уйти не успевали, стрелы сражали их сразу же. Впервые тогда на глазах у мужчин номаров появились слезы, они смотрели на то, как их женщины и дети истекают кровью, но сделать ничего не могли. Видимо, в них все же было сострадание и любовь к своим семьям, несмотря на буйный нрав. Когда первая часть казни завершилась,

настала очередь самих предателей. Их казнили иначе, путем обезглавливания, но им уже было все равно.

Фарон все это время стоял в стороне и чувствовал, как кровь закипает в венах, ему было жаль своих подопечных, как жаль и их семьи, ведь он столько времени пробыл среди них, обучая и оберегая. Пусть номары были грубыми и дикими созданиями, но они, так же как и все стремились к семье, к продолжению своего рода, пусть не умели поступать разумно, но любили своих как могли. Фарон не думал, что брат будет настолько жесток, он всю жизнь мечтал превзойти Эфина, заполучить власть, но все же не ожидал такого поворота событий. Он любил интриги, заговоры, действуя зачастую невидимо, избегая открытых схваток, однако сейчас пришлось столкнуться лицом к лицу с последствиями и хладнокровием своего брата.

Когда кровопролитие закончилось, и вся земля была усеяна трупами казненных, Эфин развернулся, желая покинуть деревню, но Фарон преградил ему путь:

- Что ты делаешь, брат? Зачем устроил эту бойню?

Тогда Эфин наклонился к нему и тихо прошептал:

- Благодари Скайру, что ты сегодня не стоял среди них, – затем снова выпрямился и произнес уже более громко, чтобы слышали остальные. – С этого дня здесь будут дежурить солдаты Тарона, если они заметят хотя бы одну попытку поднять бунт, то нарушители спокойствия будут уничтожаться сразу же, как и их семьи!

- Ты не ведаешь, что творишь! – Фарон по-прежнему пытался достучаться до брата.

- Я знаю, что делаю, а вот ты, младший сын Танафера, видимо совсем отступился от наших законов. Мы еще потолкуем с тобой обо всем, что здесь происходит, но не сейчас.

И лидер проследовал к своему коню, а оседлав его, в мгновение исчез за воротами деревни.

Номары были потрясены, они еще долго стояли в жутком оцепенении, наблюдая за своими братьями и сестрами, лежащими на земле в огромной луже крови.

В тот день Фарон все понял и осознал, его брат все еще был настоящим номаром и истинным вожаком стаи, но ненависть в душе младшего брата вышла наружу, отныне он желал только смерти Эфина.

Лидер вернулся в Тарон, он не находил себе места, все произошедшее не могло пройти бесследно. В этот роковой день Эфин потерял любимую женщину и совершил массовое убийство, а что еще может быть хуже?

Дни шли, сменяя друг друга, иногда целыми сутками лили

дожди, озаряя оранжевым светом все вокруг, порою дули шквалистые ветры, отчего шум прибоя доносился до каждого из живущих в городе, а спокойствие могло лишь только сниться. Эфин продолжал прочесывать леса в поисках тумо, Фарон же задался целью уничтожить брата и как можно скорее.

Пока номары были поглощены проблемами внутри своей стаи, крианцы пытались восстановить силы. Амену возвели в Почетного Оракула, какой когда-то была Кумеро, она занималась подготовкой новобранцев вместе с Минекая, посвящая юных воинов во все секреты искусства боя номаров. Дочь Правителя Мазарата превратилась в духовного лидера своего народа, Нитте ввел ее в совет, и каждое собрание Амена восседала наравне с благородными мужами. Тот дар, коим наградили предки, стал проявляться все чаще. Она видела будущее, но пока еще плохо могла управлять своими способностями. Для того, чтобы научиться взывать к Скайре нужны терпение и постоянные тренировки, поэтому Амена много времени проводила в том заброшенном саду, пытаясь призвать духов критти. Погрузившись в свое дело с головой, она старалась не думать о Эфине, старалась выбросить его из головы и сердца, но его лик часто возникал перед глазами в моменты прозрений, потому что продолжала думать о нем и в глубине души взывать к его образу. В ее видениях Эфин всегда был рядом, сидел ли на своем коне, разговаривал ли с воинами, или преследовал тумо, а она наблюдала за ним, паря подобно облаку над землей.

Фарон после того происшествия больше не появился в Мазарате, а Эфин сдержал слово и не потребовал с крианцев ничего, они лишь продолжали торговлю, встречаясь каждый раз на нейтральной территории. Номары перегружали товары и скрывались во мраке джунглей, но это было мнимое спокойствие, так как каждый из видов понимал, что скоро наступит день, когда придется скрестить мечи и отстоять свой народ.

В обществе крианцев произошли перемены, теперь девы могли тренироваться наравне с мужчинами, они готовились к будущему, в котором придется бороться и защищать своих детей, Амена лично обучала их, убеждая в том, что они - сила и мощь Мазарата. В таких стараниях прошло два года, за это время армия крианцев возросла и была готова к обороне, они снова открыли город, заняв леса и поля, ведь тумо больше не обитали здесь, их оттеснили к северным землям и держали в плотном кольце, не позволяя вернуться. Жизнь постепенно налаживалась, жители Мазарата перестали испытывать постоянный страх, они знали, что теперь не одни, с ними духи праотцев, которые будут защищать и оберегать.

В Тароне также кипела жизнь, Эфин стал полноправным Правителем, которого признали все до единого, он создал Совет из наиболее опытных и мудрых номаров, которые помогали ему править. Деревня чистокровных все еще находилась под жестким контролем со стороны смешанных, они наводили ужас, разрешая все конфликты мечом и стрелами, поэтому больше никто, ни один из номаров, не попытался восстать. Они были загнаны в угол, отчего страдали, но не имели права на выбор. Отныне Эфин использовал их исключительно в борьбе с тумо, так как они лучше всего знали и понимали тех монстров, чистокровные постепенно превращались в рабов, как и говорил когда-то Фарон. Эфин стал еще более жестким и хладнокровным, он справедливо и достойно правил Тароном, но в его душе уже не было места сочувствию и жалости, лишь одинокими ночами Правитель вспоминал крианку, которую любил до сих пор, но те воспоминания подобно далеким вспышкам комет, проносились быстро и мгновенно исчезали в темноте.

Номары постепенно создавали семьи, рожали детей и были хорошими родителями, которые воспитывали в своих чадах не ненависть и злость, а миролюбие и уважение. Многие тогда из окружения Эфина говорили ему, что пора и Правителю завести семью, подарив Тарону наследника, но он не желал их слушать, считая себя недостойным подобной жизни, поскольку продолжал верить в то, что является порождением своего отца.

Однако не только номары желали наследника, крианцы также ждали, когда их Оракул найдет себе спутника и порадует Мазарат великим праздником вступления в союз. Амена видела много достойных мужчин, но ни один не задерживался в ее сердце, и она приняла решение жить в одиночестве. В то время мать снова проявила интерес к своей дочери, Инзила хотела наставить ее на путь истинный, но покорность никогда не была лучшей чертой характера Амены, поэтому она просто отмахивалась и продолжала жить в своем маленьком мире, наполненном видениями и образами.

Два создания Великой Скайры томились в разлуке, одиночество не делало их лучше, оно лишь заполняло души пустотой, а сердца медленно черствели, и если Амена просто перестала верить и надеяться на возможное счастье, то Эфин превращался в монстра, который наполнял себя злобой и презрением к окружающему его миру, ненавидя Скайру за то, что она создала его таким.

Глава XIX
На пути к приключениям.

Сегодня я чувствовала себя неважно, поэтому решила весь день провести в своих покоях, не хотелось идти ни на тренировки, ни в Зал Советов. Моя жизнь словно замерла на месте. Несмотря на то, что многое случилось и многое изменилось, я все равно ощущала себя топчущейся на одном месте, а для крианцев все преобразилось и они начали жить по-настоящему. За два года мы проделали большой путь к свободе от гнета и постоянной нужды, теперь Мазарат снова расцвел, пусть мы и не восстановили свои силы до конца.

Мне было одиноко. Даже живя в деревне, кишащей жуткими созданиями, не ощущала такого одиночества как сейчас, возможно, пора бы подумать и о себе, о своем будущем, о семье и детях, но как быть, когда все эти мысли рассыпаются в прах? Причина ли в Эфине? Возможно, но когда думаю о нем, представляя нас вместе, то также не могу видеть будущего, будто бы его и нет. Он появился в моей жизни как наваждение и одновременно проклятье, разрушив все девичьи мечты. Сердце хотело быть с ним, а разум сопротивлялся из раза в раз, вспоминая все то, что произошло два года назад.

Когда случались предвидения, то в них зачастую наблюдала за Эфином, скучая всей душой, пыталась дотронуться до него, однако даже тогда убирала руку и заставляла себя разорвать связь со Скайрой.

Весь этот день и ночь провела у окна, пыталась понять, что мне делать дальше, в каком направлении двигаться, возникали мысли покинуть Мазарат, сформировать отряд и отправиться навстречу неизвестности. На самом деле, отец давно уже вел речи о том, чтобы наладить торговые связи с другими городами, поэтому я могла бы выступить в роли гонца Доброй Вести. Длительное путешествие пошло бы на пользу и отвлекло от излишних мыслей и переживаний, а еще появился бы шанс изменить свою жизнь, ведь кто знает, с чем и кем придется столкнуться на пути к другим обитателям Скайры?

С наступлением утра решила не ждать и встретиться с отцом, дабы выказать свое желание, отправиться в далекий город Гарда, жители которого принадлежали к роду меттинов, лучших торговцев. Они постоянно путешествовали по Большой воде, привозя необыкновенные товары. В те далекие времена, когда номары и тумо еще не оккупировали соседние земли, меттины торговали с нами, как и бескалы, сурры, лутэмы. Сейчас пришло время возродить былые традиции, заявить о себе и предложить лучшее, что у нас есть. Встретив отца на лестнице, подошла к нему:

- Доброе утро, отец.

- Доброе утро!

- Мы можем поговорить?

- Конечно, пройдем в Зал, – он взял меня под руку, и мы направились вниз по лестнице.

Когда зашли в помещение, то солнце уже залило своим светом полы и стены, отчего немного резало глаза. Устроившись в кресле, отец указал на соседнее место:

- Так о чем пойдет речь?

- Как ты думаешь, мы уже готовы к тому, чтобы возобновить торговые отношения с меттинами?

- Возможно. За три года не произошло ни одного нападения со стороны тумо или номаров, мы имеем достаточно запасов зерна, Капры и шелка, а значит, можем попробовать договориться с ними и начать торговать, правда, не так активно, как это было во времена моей юности, но начало будет положено, а это главное.

- Это замечательно, – я слегка задумалась, но он вернул меня.

- Мы должны послать гонца, если хотим успеть до сезона дождей.

- Видишь ли, отец, я хотела предложить себя в качестве гонца.

- Как себя?! – он возмущенно посмотрел на меня. – Даже не думай об этом! Юная дева, блуждающая в джунглях среди хищников и прочих опасностей! – отец недовольно поджал губы, показывая свою непоколебимость.

- Мне это необходимо, я должна временно покинуть Мазарат, иначе просто сойду с ума.

- Что же с тобой происходит, дитя? – наконец-то Великий Нитте увидел боль и отчаяние в моих глазах. – Неужели стены родного города больше тебя не радуют?

- У меня есть неразрешенные проблемы, которые я смогу преодолеть только наедине с собой. Видения постепенно покидают меня, Скайра отдаляется, потому что я уже не могу концентрироваться и полностью доверяться своим чувствам. Если так будет происходить и дальше, то мой дар снова окажется глубоко внутри.

- А вдруг с тобой произойдет несчастье?

- Вряд ли, я же все еще могу предвидеть. Я прошу тебя отец, дай мне эту возможность.

- Я подумаю и скажу к концу дня.

- Хорошо.

Поцеловав его в щеку, направилась в сад и пробыла там до самого вечера, мне не хотелось ни есть, ни пить, видимо, силы

совсем покинули тело. Жизнь стала серой и пустой. Когда собралась домой, то по дороге меня встретил отец, он медленно подошел и взял за руку:

- Я все обдумал, дочка. Завтра на рассвете тебя будет ждать твой отряд. Отправляйся в Гарду и расскажи всем, что крианцы вернули свое величие.

- Спасибо, я так благодарна тебе, – обняв его, прижалась так крепко, что отец даже закряхтел.

- Девочка моя, ты стала слишком сильной, - и он засмеялся. – Боюсь, мои старые кости уже не способны выдерживать таких объятий.

Вернулись мы вместе, и каждый из нас удалился в свои покои, я же немедленно приступила к сборам, так как мысленно уже покидала Мазарат.

Ночь пролетела в мгновение ока, а с рассветом, как и обещал отец, у казарм уже выстроился отряд из тридцати воинов, их латы и мечи блестели в лучах восходящего солнца, и они готовы были следовать за своим Духовным лидером. Попрощавшись с Минекая, оседлала своего коня, и мы двинулись в сторону городских ворот.

До Гарды путь лежал неблизкий, даже без лишних привалов добраться до него могли бы только спустя десять дней, но мне спешить некуда, сезон дождей наступит лишь через пару месяцев, поэтому можно идти не спеша. На пути нам должны были встретиться такие города, как Суллор, Затта и Команур, конечно, была возможность немного сократить путь и пройти через Тарон, но я не желала встречаться с номарами и тем более с Эфином. Ведь это путешествие должно окончательно отдалить меня от тех воспоминаний, а не сблизить.

Пробираясь сквозь Тихие леса, слушали их шепот и вдыхали ароматы здешних цветов, иногда нам встречались Карукки, но они обходили нас стороной, так как прекрасно чувствовали, что с той, которая говорит со Скайрой, связываться нельзя. Эти могучие хищники были невероятно умны и мудры, они никогда не вступали в спор с Великим Духом земли, поэтому, проносясь мимо подобно молнии в ночном небе, скрывались в густой чаще леса. Нам приходилось переходить бурные реки, скалы и пробираться сквозь болотные топи, но это было лишь частью пути, который интриговал и завораживал. Так, мы миновали Суллор и Затту, проведя в дороге пять дней, я за это время ни разу не почувствовала себя удрученной и печаль ни разу не посетила сердце, что было хорошим знаком, видения также не одолевали, а значит нам ничего не угрожало. А еще через три дня удалось выйти к Комануру, городу, который населяли лутэмы,

интересные существа, их глаза никогда не закрывались, а волосы на голове доходили до самой земли, кожа была нежно лилового цвета, поэтому, когда наступала ночь, их тела сливались со светом двух лун. Как рассказывал отец, лутэмы никогда и ни с кем не воевали, они были рождены, чтобы лечить заболевших, к ним приезжали существа со всей Скайры, чтобы купить особых трав и настоев. Сегодня мне удалось побывать в их городе. Команур был высечен из белой скалы, стоявшей сотни веков, прежде чем лутэми нашли ее, внутри все напоминало мир, вырезанный изо льда, в каждой стене, колонне и двери можно было видеть свое отражение. Лутэмы сразу же окружили меня и усадили на длинную скамью, внутри которой красовались застывшие цветы и травы. Одна пожилая женщина вышла вперед и произнесла:

- О-о-о! Сегодня особый день, я знала, что скоро Говорящая со Скайрой придет к нам!

- Вы знаете, кто я?

- Конечно знаю, девочка, пусть и не могу видеть будущего, но могу слушать. Ты ведь идешь в Гарду, не так ли?

- Именно, – я смотрела на эту милую лутэмку, у нее были очень большие сиреневые глаза, заостренные уши и невероятно длинные волосы, обвившие руку в несколько оборотов.

- Значит, Мазарат снова восстал из пепла.

- Мы многое сделали для этого, но это еще только начало.

- Да-да… - она говорила то тихо, то немного громче, но не переставала улыбаться. – Как поживает Великий Нитте?

- Отец в порядке и снова желает торговать.

- Это прекрасно, прекрасно, - лутэмка все время повторяла слова. – Мы ждали этого, что ж, вы можете рассчитывать на Команур.

- Благодарю вас, только я не знаю вашего имени?

- Ничего-ничего, имя это лишь слово, всего важнее мысли… Сегодня мы одни, а завтра другие, – после чего она помолчала и произнесла напоследок. – Отдыхай потомок Кумеро, отдыхай. Лишь здесь можно забыть о боли и оздоровить дух.

Она ушла, а я еще долго сидела на той скамье, в голове начали постоянно возникать образы Эфина, Фарона, номаров, тумо и всего, что заставляло страдать, они возникали и пропадали, будто что-то вытягивало их из головы. К концу дня я почувствовала себя легко, как и говорила пожилая лутэмка, мой дух оздоровился, а боль ушла. Когда лиловые лучи начали спускаться на Команур, то произошло нечто невероятное, все лутэмы исчезли, слившись со светом двух лун. Лишь тени мелькали, проплывая по стенам. Ночью мы покинули город, через

пару дней должны были добраться до Гарды, раскинувшегося на берегу Большой воды.

Так и произошло, Гарда встретила нас ранним утром, в центре города уже кипела жизнь, в порту на приколе стояло множество парусников, рыбаки перетаскивали огромные корзины с рыбой и прочими жителями океана, вдалеке виднелись торговые корабли, медленно плывущие к берегу. В воздухе пахло солью, слышался прибой, и ощущалась полная свобода, так как впереди раскинулся бесконечный океан. Наш отряд направился к дому Дарг Да Вана, Правителя Гарды, стражники сообщили ему о нашем прибытии и он спустился, выйдя на улицу. То был статный мужчина в летах с аккуратно подстриженной бородой и глазами цвета дневного неба:

- Неужели я вижу крианцев! – он усмехнулся и слегка потер руки.

- Приветствую вас, Правитель Гарды, мое имя Амена, я дочь Нитте Правителя Мазарата, - я поклонилась ему и вытащила из сумки послание от отца, протянув Да Вану.

- Что ж, пройдем в мой дом, дочь Нитте.

Мы зашли к нему домой, проследовав в большой зал, со всех сторон которого расположились арки, сквозь которые просматривался океан и плывущие в нем корабли. Дарг Да Вана развернул свиток и начал внимательно вчитываться, а когда закончил, то поднял голову и, прищурившись, спросил:

- И как давно вы обрели свободу?

- Три года назад номары отступили и более не имеют претензий.

- Три года это мало, все еще может измениться. Я понимаю, Нитте торопится наладить прежние связи, но для нас все еще небезопасно появляться на ваших землях. Помимо этих номаров, есть еще и тумо…

- Тумо были оттеснены, теперь они далеко от наших земель.

- А как вам удалось добиться мира с номарами? Насколько мне известно, они не признают дипломатии.

- В среде номаров произошли большие перемены, теперь они не те, которых мы все знали. Они возвели город и пытаются жить как все, в мире и согласии с соседями.

- Номары?! В мире?! – Правитель вскинул брови, продолжая сомневаться. – Не знаю, не знаю. Столько лет оккупации и вдруг!

- Мне понятны ваши сомнения, но Мазарат теперь свободен и достаточно силен, чтобы поддерживать этот мир, наша армия готова к Великим свершениям, потому как я потомок Кумеро и подобно ей могу видеть будущее.

После этих слов Дарг Да Вана застыл на месте:

- Ты хранительница могущественного дара критти?

- Да. И чтобы вы уверовали, я готова показать вам свою силу - я отошла от него и обратилась к Духу Скайры, мои глаза снова приобрели сиреневый цвет, а в видении рисовался образ того, что через минуту сюда должны были войти ловцы жемчуга и принести дары, среди которых был особый камень Турим, способный залечивать раны в считанные секунды. – Сейчас вам принесут Турим.

- Что?! – Правитель меттинов нахмурил брови. – Но, об этом камне никто не знает, о его существовании ходят лишь легенды. Видимо, ты и вправду потомок Кумеро.

Как и было предсказано, в дом Да Вана зашли несколько ловцов и передали ему особый сверток, который он немедленно спрятал в своем поясе.

- Так, что вы думаете? Желает ли Правитель Гарды продолжить вековую традицию и торговать с крианцами, во главе которых стоят Нитте и могущественный Оракул.

- Да. После того, что я сейчас увидел, у меня более не осталось сомнений. И, раз мы снова будем друзьями, то приглашаю вас отобедать с моей семьей.

- Благодарю, с удовольствием приму ваше приглашение.

- Вот и замечательно. Вы пока можете остановиться у меня, это будет Великой честью, дать кров Говорящей со Скайрой.

Я осталась у него дома, мой же отряд отправился в казармы, где воинов накормили и обогрели, теперь они могли отдыхать после столь долгого и утомительного пути. К полудню в комнату зашла служанка и пригласила к столу. Выйдя из покоев, направилась в столовую, которая располагалась в роскошном саду, окутанным плющом и заросшем множеством экзотических цветов. Пока шла, то засмотрелась на стоявшие статуи и столкнулась с кем-то, а когда подняла глаза, то увидела высокого и очень привлекательного меттина, на нем были необычные одежды, походившие на те, что носят капитаны здешних кораблей. Его глаза были ярко зеленого цвета, в ухе красовалось кольцо, а волосы были собраны и спрятаны под легким шарфом, обвязанным вокруг головы. Он остановился и не мог оторвать от меня глаз:

- Прошу вас простить меня, я иногда бываю очень неуклюжа, – я смотрела на него и чувствовала, что щеки постепенно начинают гореть.

- Это вы должны простить меня, прекрасная незнакомка. Вы подобно ангелу спустились с небес.

- Да. И так неосторожно налетела на вас, – усмехнувшись, отвела взгляд.

Пока мы стояли и пытались справиться с возникшей неловкостью, в коридоре появился Да Вана и, улыбаясь, подошел к нам:

- Вы уже познакомились? – затем он обратился ко мне. – Уважаемая Амена, это Сайрус, капитан торгового корабля и мой сын. Он совсем недавно прибыл и пришел-таки навестить своего стареющего отца. – Да Вана рассмеялся и посмотрел на сына.

Но Сайрус смотрел только на меня, его глаза улавливали каждый вдох и выдох, каждое движение губ:

- Я сражен вашей красотой.

- Благодарю за комплимент, – я снова отвела взгляд в сторону.

В этот момент Правитель почувствовал смущение и сказал:

- Ладно-ладно сын, не стоит смущать нашу гостью, лучше проводи Амену в сад.

- С превеликим удовольствием, - и он протянул мне руку.

Я впервые ощутила себя юной девой, которая смущается и краснеет от пытливого взгляда молодого и красивого мужчины. Будто бы и не было всего, что произошло, будто бы я никогда не держала в руках меч, никогда не сражалась с жуткими тварями и никогда не видела предательства. Видимо, мать была права, когда хотела превратить меня в настоящую крианку, нежную и утонченную. Сегодня я была именно такой, в прекрасном шелковом платье, подол которого касался травы, с волосами, заплетенными в косу, а под руку меня сопровождал особенный спутник. Сайрус помог сесть, а сам устроился напротив, но он более не смущал, а лишь рассказывал о своих морских приключениях, о тех землях, которые видел и тех существах, которых встречал. Это был просто семейный и очень теплый прием, каких никогда не было дома, но тому виной номары, которые десятки лет держали крианцев в страхе.

После обеда Сайрус вызвался провести меня по городу, мы гуляли по мощеным улицам, заходили в лавки, где он покупал сладости, бродили по берегу. Когда я оступалась, он нежно подхватывал и сразу же убирал руки, не было ни давления, ни угроз, ничего, что так убивало рядом с Эфином. Наверно, после той жизни, я перестала понимать правильное и положенное отношение мужчины к женщине. Затем мы сели на скамью и смотрели на Большую воду:

- Ты когда-нибудь путешествовала на корабле?

- Нет. Мы живем в окружении лесов и скал, океан далек от нас.

- А хотела бы?

- Оказаться среди бесконечности? – я посмотрела на него. –

Плыть навстречу неизвестности? Узреть Скайру?

- Да.

- Это моя мечта, - закрыв глаза, ощутила, как капли морской воды попадают мне на лицо. – А ты хотел бы пройти сотни километров по густым лесам, искупаться в сладких озерах и перебраться через скалы, где ветер сбивает с ног?

- Это моя мечта, – он осторожно взял мою руку и посмотрел на океан. – Как так вышло, что отец отпустил дочь в столь рискованное путешествие?

- Я знаю леса, знаю, какими опасными они могут быть, но также знаю, откуда эту опасность ждать. Три года назад моя жизнь круто изменилась, многое, что раньше казалось ужасным, больше таким не кажется. Были моменты, когда думала, что проще уже умереть, но жизнь нам дана одна, зачем же тратить ее на недостойных. Тем более, в отличие от остальных крианцев, в частности дев, меня никогда не интересовали сплетни, собирательство и хороводы под лунным светом.

- И что же тебя привлекает в жизни больше всего?

- Свобода.

- А у тебя есть избранник? – Сайрус очередной раз повернулся ко мне.

- Был, но как оказалось, нам совсем не по пути.

- Знаешь, Амена? Самое интересное то, что ты не принадлежишь никому, кроме себя самой, это чувствуется, у тебя нет привязанности и традиционности. Ты как вольный ветер. У меттинов такого нет, у нас все женщины привязаны к своим семьям, а потом к своим мужьям.

- Возможно это так, но кто знает, может быть, и я встречу своего мужчину, к которому с удовольствием привяжусь, – я грустно усмехнулась. – По крайней мере, сейчас мне не до любви.

- Чем же ты занимаешься у себя дома, в Мазарате?

- Я Предводитель войска и одновременно Духовный лидер крианцев.

Сайрус был просто поражен тем, что юная и хрупкая дева, сидящая перед ним, являлась не просто воином, а Предводителем армии.

- Это невероятно!

- Наши предки были воинами, все до одного, а спустя века наш род ослаб и растерял былую мощь, поэтому номары и одолели нас, загнали в угол. Но сейчас пришло время возродиться и заявить о себе.

- Надеюсь, что так все и будет, Мазарат столетиями был нашим союзником.

- Ну, а ты? Чем живешь ты?

- Я капитан «Грозы». Все свое детство и юность провел среди просторов Большой воды, отец раньше также много плавал, после чего передал «Грозу» мне. Мы заключаем сделки и торгуем с различными народами, что обитают на далеких берегах. Жизнь морехода сопряжена с постоянной борьбой, борьбой со стихией, либо пиратами, но когда ты выходишь победителем из этой порой неравной схватки, то ощущаешь себя хозяином океана.

- А семья?

- Вся моя семья, это пока только отец и несколько братьев, но они мореходы подобно мне, поэтому мы нечасто встречаемся. Очень сложно найти ту женщину, которая бы смирилось с постоянными разлуками, либо она должна быть такой же, как я и променять сушу на океан, либо смириться, но я не хочу такой жизни ни ей, ни себе.

- Неужели нет той, которая бы стремилась к путешествиям?

- По крайней мере, мне такая еще не встретилась среди меттинок. Отец уже давно настаивает на том, чтобы я вступил в союз и подарил ему внуков, но какой выйдет муж или отец из того, кто постоянно в плавании?

- Да, разлука это ужасно, порою кажется, что ты уже не нужна, что про тебя давно забыли, – внутри меня все сжалось, когда вспомнила те жуткие дни и ночи в деревне номаров, которые проводила в полном одиночестве, а Эфин все это время проводил в постели с другой.

- Когда ты возвращаешься?

- Завтра. Ранним утром мы выдвигаемся обратно, нам надо успеть до дождей.

- А ты не хочешь остаться? Пусть твой отряд отправляется.

- И зачем мне оставаться?

- Я бы показал тебе жизнь в окружении Большой воды. Мы бы отправились в плавание на три месяца, за это время дожди закончатся, и ты вернешься в Мазарат.

- Мне бы очень хотелось этого, но я не могу так подвести свой народ, сейчас они как никогда надеяться на меня.

- Понимаю, сложно совершить отчаянный шаг, когда от тебя зависят жизни других.

Мы просидели там до ночи, Сайрус завтра вечером должен был покинуть Гарду, отправившись в длительное плавание. Капитан «Грозы» проводил меня до дома и, поцеловав руку, откланялся. Я же еще долго не могла уснуть, думая о том, что сказал Сайрус. Совершить отчаянный шаг и стать подобно Кумеро, которая оставила в свое время Мазарат, либо вернуться и продолжить наблюдать за этой жизнью, в которой нет для меня

места? Крианская армия уже достаточно сильна, чтобы держать оборону, номары заняты наведением порядка на своих землях, поэтому мое там нахождение не имеет особого смысла. Возможно, стоило бы рискнуть и отправиться навстречу приключениям, это всего лишь три месяца, мгновение из жизни, тем более я так хотела что-то изменить, а сейчас появился отличный шанс.

Ранним утром надела свою привычную одежду и вышла к отряду:

- Катани? – обратилась к пожилому воину, который был лучшим проводником по здешним местам. – Сегодня вы отправитесь без меня!

- Что же нам сказать вашему отцу?

- Скажите, что я вернусь через четыре месяца, когда пройдет сезон дождей. И передай вот это послание, - я протянула ему свиток, в котором был договор о возобновлении торговли с лутэмами и меттинами. – Теперь ступайте, вам надо торопиться.

- Слушаюсь, Предводитель!

И они направились в сторону ворот, когда же те закрылись за ними, то я глубоко выдохнула. Сайрус вышел вслед за мной, он думал, что я собираюсь уходить:

- Я боялся опоздать!

- Не волнуйся, ты не опоздал. Скорее опоздала я, ведь мой отряд уже отбыл, покинув Гарду.

- Что? – на его лице появилась блуждающая улыбка.

- Ты все еще хочешь взять меня на «Грозу»?

Тогда он все понял:

- Конечно.

К вечеру все было собрано и множество повозок с различными товарами отправилось на борт, несколько матросов спускали огромные тюки и корзины в трюмы, а Сайрус отдавал команды. Я же поднялась на «Грозу» и ощутила что-то невероятное, корабль поскрипывал, волны бились о борт, такого со мной еще никогда не было. Чего уж говорить, со мной еще много чего не происходило хорошего, что могло бы. Затем капитан встал у штурвала и велел поднимать якорь, остальная часть матросов настраивали такелаж и крепили тросы к мачтам. Еще через полчаса «Гроза» отчалила от берега, мы медленно отдалялись, а спустя пару часов уже были в открытом океане. Фрегат шел плавно, отплывая все дальше и дальше от уже скрывшейся с глаз земли. Теперь я свободна и мое путешествие только начинается.

Глава XX
То, что принадлежит мне…

Спустя десять дней отряд крианских воинов вернулся в Мазарат. Минекая встретил своих солдат, однако не увидел среди них Амены, но когда ему передали свиток и он прочел его, то все понял и направился к Правителю, чтобы донести послание. Нитте еще долго возмущался, пытаясь понять, почему дочь так поступила, когда в Мазарате только-только все стало налаживаться, хотя сделать ничего не мог, ведь Амена добилась возобновления торговли с двумя могущественными городами. Она словно растаяла и перестала существовать.

Тарон тем временем также готовился к покорению Большой воды, ведь их город расположился на берегу, и они могли бы стать отличными мореплавателями. Номары отстраивали порт, куда бы в дальнейшем прибывали торговые суда. Единственное, в чем они не имели опыта, так это в кораблестроении, поэтому им нужны были архитекторы из портовых столиц, но мало кто желал связываться с некогда агрессивно настроенными созданиями, которые веками терроризировали множество городов и деревень.

Эфин решил отправиться в Гарду и заключить мир с ее Правителем, заручившись помощью в столь важных делах. Он собирался посетить город, как только дожди закончатся, а пока продолжал возводить школы и лазареты в Тароне. Его волновало то, что многие из жителей не умели ни писать, ни читать, а о лекарях вообще не слышали, номары хорошо понимали, что прежние времена дикости и невежества миновали и теперь необходимо стать достойными лика Скайры, надо научиться жить в ладу с другими видами, изменив представление о себе.

В один прекрасный день, когда Эфин собрал Совет, чтобы обсудить вопросы выхода в океан, Глава Совета - Тафир, выступил с вопросами совершенного иного рода:

- Уважаемый Правитель! Я бы хотел вынести на общее мнение некоторые проблемы, которые, как мне кажется, требуют незамедлительного решения.

- Мы собрались здесь с определенной целью, Тафир, - но потом Эфин все же обратился к нему. – Ладно! Говори.

Тогда Глава встал и развернул свиток:

- Мы, подобно дикарям, не имеем правил и устоев, по которым должны жить номары. Если мужчины занимаются достойными делами, то и ведут они себя соответственно, но вот женщины совершенно не имеют рамок приличия. Они одеваются омерзительно, выставляют напоказ оголенное тело, прикрывая его лишь неуклюже сшитыми тряпками, ведут себя как голодные самки тумо, вырывая друг у друга еду на рынке, также они имеют наглость разговаривать со стариками и детьми в

непозволительном тоне. В конце концов, они грязные и от них зачастую смердит. У женщин Тарона совершенно отсутствует какая-либо культура жизни. С этим надо что-то делать, иначе мужчины так и будут засматриваться на женщин других видов.

- И что, по-твоему, я - воин до мозга костей, должен делать с этими самками? Собственноручно мыть их и причесывать, заставляя кланяться соседям?! – Эфин вспыхнул от негодования.

- Есть одно решение этой проблемы! – Тафир отложил в сторону бумагу и пристально посмотрел на Правителя.

- Какое же? – Эфину явно не нравился этот разговор, но он понимал, что проблема серьезная и некультурное первобытное поведение номаров может дурно сказаться на авторитете Тарона.

- Вступить Правителю в союз с правильной и достойной номаркой, которая займется вопросами воспитания и обучения женщин. Кто как не женщина может понять женщину! Не так ли, господа? – глава обратился к остальным и те в один голос согласились с ним.

- И кто же из местных номарок является достойной?

- У членов Совета есть взрослые дочери, которые воспитаны по всем правилам, они не чета тем, что обитают в Тароне. У Кефея, - и он указал на седовласого номара, сидевшего справа от Эфина, – есть дочь Талья, она уже готова вступить в Союз, ей совсем недавно исполнилось семнадцать.

- Она слишком юная для меня.

- Вы не смотрите на годы, она умна. За такую жену не придется краснеть.

- Я обдумаю твое предложение, а сейчас нам стоит вернуться к не менее важным вопросам.

Эфин еще несколько часов обсуждал с Советом возможности плавать и торговать с соседними городами, предлагая в качестве товара оружие, в изготовлении которого им не было равных. А когда все встали и собрались покинуть зал, то Эфин подошел к Кефею:

- Я желаю встретиться с твоей дочерью. Завтра с восходом солнца я прибуду к дверям твоего дома.

У советника просияли глаза, он расплылся в улыбке, ведь породниться с Правителем означало небывалые возможности и привилегии.

- Это просто замечательно, она будет вас ждать.

И не ответив ни слова, Эфин вышел из дома. Он гулял по улицам и наблюдал за жителями, Тафир был прав, номары вызывали отвращение отсутствием манер и неопрятным видом, лишь жены и дети военных, а также приближенных вели себя достойно. И если Тарон хотел стать Великим, то и его жители

должны были соответствовать этому величию.

Как и договаривались, Эфин прибыл к дому советника с восходом. Кефей не заставил себя долго ждать, выйдя на улицу:

- Приветствую вас! Моя дочь уже готова.

- Хорошо, пусть выходит.

Тогда номар позвал ее. Талья показалась в дверном проеме, ее кожа была насыщенного серого цвета с черными полосами, которые украшали, глаза горели, подобно угольками, а волосы были заплетены в толстую косу, доходившую до бедер. Ее стройное тело облегало платье цвета океана, а на груди красовался фамильный кулон.

- Вот, это моя старшая дочь, Талья.

Дева поклонилась Правителю и прошла вперед, Эфин протянул ей руку, помог сесть на коня, после чего сел сам и пара отправилась к воротам.

Они остановились у берега, слезли с лошади и, разувшись, побрели вдоль океана, Эфин некоторое время молчал, так как чувствовал смущение, а Талья ждала, когда же Правитель проявит к ней интерес. Вскоре он заговорил:

- Твой отец желает нашего союза, как ты на это смотришь?

- Я была бы самой счастливой номаркой, если бы моим мужем стали Вы. Это большая честь.

- А что ты думаешь по поводу любви?

- Любовь приходит постепенно, ее нужно заслужить.

- К сожалению, юная Талья, я вряд ли смогу полюбить тебя.

- Мне известна ваша история с крианкой, Вы любили ее и любите, по сей день. Но почему ее здесь нет? Почему уже более двух лет о ней ничего не слышно?

- Мои чувства к ней схожи скорее на разрывающую душу боль, чем на любовь. То, что произошло между нами, было моей ошибкой, однако я ее исправил.

- Отчего же тогда Вы не сможете полюбить снова?

- Я не умею любить. Союз с тобой - это вынужденная мера. Не пойми меня неправильно, ты очень красива, но мне ты нужна для того, чтобы навести порядок в Тароне.

- Что ж, ваше желание – закон! Тем более, все еще может измениться.

Эфин практически не смотрел в ее сторону, но как только пытался посмотреть, то перед глазами появлялась Амена, его сердце в очередной раз сжималось от тоски, ведь он мечтал обнять ее и провести с ней тысячи ночей, которые были для него спасением.

Вернувшись к дому советника, он попрощался с номаркой и сказал ее отцу, что готов вступить с его дочерью в союз,

единственное, это должно было произойти после возвращения Эфина из Гарды.

Но что происходило все это время с Фароном? А Фарон продолжал жить в деревне и обучать номаров, он периодически посещал Тарон, проводя ночи с Сафирой, которая по-прежнему желала мести, так как, расставшись с Аменой, Эфин не утратил сил, а продолжал правил, наращивая мощь. Они вместе думали, как можно убрать его с дороги, сломать, а лучше убить, но стражники настолько яростно охраняли своего Лидера, что даже тапи не могли проскочить незамеченными. Во время близости с Сафирой, Фарон вспоминал Амену, представляя, что она лежит с ним, но как только открывал глаза и видел перед собой эту озлобленную номарку, то сразу же вставал и уходил прочь. Ему не хватало крианки, не хватало ее глаз, улыбки и нежных рук, до которых он так часто дотрагивался во время тренировок. Братья продолжали мечтать о ней и каждому эти мечты давались с болью, только Фарон во всем винил Эфина. Однажды, когда Фарон очередной раз приехал к дому Сафиры, то она встретила его холодно и не пожелала близости, тогда номар вошел в покои, сел на кровать:

- Что с тобой? Неужели ты не соскучилась? – он, как всегда нагло улыбался и смотрел на нее свысока.

- Мне надоело быть твоей забавой! – Сафира встала у стола и ее руки, будто впились в дерево. – Сколько можно приходить ко мне, а наутро сбегать как от прокаженной.

- Кажется, ты забываешься, я вовсе не обещал тебя любить. Мы вместе, потому что преследуем одну цель.

- Я больше так не хочу, видишь ли, я тоже женщина, которой нужна ласка и забота, а не ночь грубости и мимолетной страсти.

- С этими пожеланиями не ко мне. Ты всего лишь глупая и обезумевшая номарка, которая никак не может отпустить своего покойного мужа.

- Как ты смеешь говорить о нем?! Он не ровня тебе! Он был храбрым воином, который жил в Тароне, а не подбирал отбросы за чистокровными! – закричала Сафира.

После этих слов Фарон резко встал, подошел к ней, затем схватил за волосы и сильно ударил по лицу, отчего Сафира упала на колени. Она заплакала, продолжая кричать и угрожать:

- Я обо всем расскажу Эфину, он узнает, что это ты подослал меня в ту ночь! Я больше не хочу твоих подачек, ты ничтожество и мерзавец!

Тогда Фарон глубоко вздохнул и сказал:

- Знал же, что с вами нельзя связываться. Однако, ты ничего и

никому не расскажешь. Тебя же казнят.

- Пусть, пусть меня пытают и делают с моим телом все, что угодно, но я устала от этой жизни. Ты никогда не справишься с Эфином, он всегда будет выше тебя!

Фарон разозлился настолько, что одной рукой поднял ее, поставив на ноги, и протащил к стене, затем зажал рот и, достав из пояса кинжал, вонзил под самое сердце. Сафира зажмурилась, после чего ее тело обмякло, и она сползла на пол. Фарон стоял над ней, в его взгляде не было ни капли сожаления:

- Покойся с миром глупая самка. Ты очень ошибаешься, я справлюсь с братом, только выгадаю нужный момент.

Завернув ее тело в несколько покрывал, он вышел на улицу, перекинул убитую через седло, сел на коня и скрылся за воротами города. После этого Фарон исчез.

Спустя неделю начались проливные дожди, реки постепенно поднимались, застилая земли лесов подобно оранжевому покрывалу, многие дороги были размыты, а скалы превратились в чаши из бурных водопадов. Скайра впитывала в себя жизнь, впитывала нектар, ниспосланный небесными ангелами. В это время города и деревни замирали в ожидании.

Все работы по возведению порта были приостановлены, улицы Тарона превратились в небольшие ручьи, а крыши домов искрились от дождя. Эфин встречался с Тальей, он пытался увидеть в ней что-то такое, что помогло бы ему избавиться от постоянных мыслей о крианке, но она была совсем не такая, эта номарка походила на капризную и избалованную девицу, которую приходилось постоянно развлекать и восхищаться ею. Кто знает? Возможно, она еще слишком молода? Но Амена пришла в деревню в столь же юном возрасте, однако ее ум и способности не могли сравниться с умом и способностями Тальи. Крианка обладала большим сердцем, гордостью, сочувствием и жаждой ко всему неизвестному, только она была способна рассмешить Эфина и только она могла разжечь в нем пламя. И чем больше он общался с Тальей, тем сильнее хотел увидеть все еще свою жену, пусть она и отреклась от него. Правитель Тарона до сих пор был привязан к ней перед ликом Скайры, потому что любил. Фарон также пережидал дожди далеко от дома, думая об Амене - женщине, которая была для него так желанна и в то же время недоступна.

Спустя три месяца дожди прекратились, оранжевое облако рассеялось, впустив солнечные лучи. Земля постепенно впитывала накопившуюся влагу, реки возвращались в свое русло. Медленно оживали леса, в них возвращались животные, приводя

свое уже подросшее потомство, большие города также оживали, жители которых приводили в порядок дома и улицы.

Номары вернулись к прежней работе, а Эфин готовился к большому путешествию в Гарду, расстояние до которой составляло пять дней пути вдоль побережья. Но, прежде чем покинуть Тарон, он пожелал встретиться с Аменой. За все время, проведенное в разлуке и перед церемонией вступления в союз, Эфин хотел увидеть ее еще раз, чтобы понять, остались ли чувства, осталась ли любовь, вдруг его томление это лишь самообман, а на самом деле все уже давно прошло. Пробираясь сквозь затопленные леса, он в сопровождении отряда направлялся в сторону Мазарта, а когда впереди показались стены города, то остановился, перед его глазами пролетело все то ужасное, что он заставил пережить свою жену, все унижения, угрозы, постоянное одиночество, ложь, измена. Только это Эфин смог дать любимой женщине. Если бы можно было повернуть время вспять? Но, увы, даже Скайра неспособна вернуть прошлое. Однако, Правитель Тарона все же решил дойти до конца и встретиться с ней, чтобы последний раз попросить прощения и отпустить.

Стражники Мазарата сообщили Предводителю о приближающемся отряде номаров и отворили ворота, Минекая вышел навстречу, не понимая, зачем Эфину понадобилось посетить город. Но когда Правитель Тарона поравнялся с ним, то сразу заявил о своих намерениях:

- Приветствую тебя, Минекая! Я желаю встретиться со своей женой.

- Приветствую тебя и я, Эфин. Увы, но Амены нет.

- Ничего, я подожду ее возвращения, – он спрыгнул со своего коня и подошел к крианцу.

- Тебе придется слишком долго ждать, вряд ли Правитель Тарона готов месяц провести у стен нашего города.

- Где же она? – Эфин насторожился, его глаза заблестели.

- Я не имею права говорить об этом. Если хочешь узнать больше, то отправляйся к Нитте.

Вся группа прошла в город, солдаты остались у казарм, а Эфин направился к дому Правителя. И пока воины номары ждали своего лидера, то не спускали глаз с местных девушек. Крианки проходили мимо и сразу же смущенно опускали взгляд, ведь эти воины уже не выглядели дикими, они были воспитаны и красивы, отчего вызывали стеснение у юных девиц.

Нитте встретил Эфина с озабоченным и удивленным видом, так как номаров никто не видел в Мазарате уже более двух лет:

-Что привело тебя к нам, Правитель Тарона?

- До меня дошли известия, что Амены нет в городе. Где моя

жена?

- Жена? – Нитте рассмеялся в голос. – Разве моя дочь твоя жена? Насколько я знаю, мужья и жены живут вместе.

- По закону она все еще моя избранница, надеюсь, ты помнишь наш уговор, который был скреплен фамильными печатями.

Тогда Нитте пригласил номара в свой дом и проводил в Зал Советов.

- Амены нет уже более трех месяцев. Она покинула Мазарат и неизвестно, вернется ли.

- Как она могла покинуть дом?

- Она все же потомок Кумеро, в ее венах течет кровь кочевницы.

- Я не верю, что Амена могла вот так просто покинуть свой народ, за который она так отчаянно боролась.

- Все меняется, тем более моя дочь была несчастна здесь.

- Куда она направилась?

- А какое это имеет значение? – Нитте нахмурился и встал с кресла. – Ты оставил ее, к чему же эти тщетные попытки и желания встретиться?

Эфин так же поднялся и подошел к окну, где его взору предстали бесчисленные сады Мазарата, которые постепенно расцветали после дождей.

- Видишь ли, Нитте. Мне дорога Амена, нас многое связывает, поэтому мне необходимо знать, где она и что с ней. Тем более, я скоро вступлю в союз с номаркой, так что хочу попрощаться с твоей дочерью и попросить у нее прощения.

Правитель Мазарата узрел в лице номара отчаяние и болезненную тоску, он понимал, что все произошедшее между ними в деревне имеет особый смысл:

- Ладно. Все же мы теперь не враги, я надеюсь. Амена упросила меня отправить ее в качестве гонца Доброй Вести в города, с коими мы торговали до того, как вы на нас напали. Она хотела просить согласия на возобновление торговли, а вернуться должна была еще до сезона дождей, но отряд прибыл без нее, передав лишь послание.

- И что же в нем было?

- Моя дочь получила согласие двух городов и сообщила, что отправляется в долгое путешествие по Большой воде.

- Что? – Эфин оторвал свой взор от окна и посмотрел на Нитте с возмущением. – По Большой воде? В какой же город ты ее отправил?

- В Гарду.

- Гарда, - номар задумался, после чего добавил. – И когда она

собиралась вернуться?

- Через четыре месяца, но она не вернется, – и Нитте опустил голову, дотронувшись рукой до бороды.

- Отчего такая уверенность?

- Я знаю свою дочь, она медленно угасала здесь. Теперь же перед ней весь мир, она не вернется туда, где ее душат воспоминания. Единственное, я переживаю за Амену, меттины очень хитры, они не упустят своей выгоды, если поймут кто она. Если еще не поняли.

- Хорошо, тогда я вернусь в Тарон, а ты пришлешь гонца через месяц и сообщишь, вернулась ли твоя дочь. Если нет, то я отправлюсь в Гарду, где постараюсь ее найти.

- Это, конечно, благородно с твоей стороны, но к чему искать ту, с которой хочешь проститься? Отпусти ее и больше не появляйся в ее жизни. Амена познала достаточно боли, чтобы начать жить заново.

Но Эфин ничего не ответил, он лишь покачал головой и вышел прочь. Нитте был весьма озадачен таким поведением номара и остался в полном неведении, так как не смог понять истинных целей визита. Однако, как и попросил номар, через месяц крианский гонец доставил письмо к воротам Тарона, послание передали в руки Эфина, а после прочтения он швырнул свиток в камин, ведь в письме сообщалось, что Амена так и не вернулась в Мазарат, оставшись в Гарде. Ему все эти годы было проще от осознания того, что Амена где-то рядом, только так он боролся со своими чувствами и не давал им разрушить себя до конца, но сейчас все изменилось. У Правителя Тарона будто бы отобрали то, что принадлежало ему целиком и полностью, что было под семью замками и ждало только его. Теперь Эфин засыпал с мыслью, что Амена может достаться другому и просыпался с желанием убить всех и каждого, кто повстречается на ее пути. В его снах она была с ним как раньше, он любил ее, ласкал и видел глаза, которые смотрели так преданно и страстно. В нем буквально кричали гордость, ревность и ненависть к себе. Просыпаясь ночью в холодном поту, Эфин подходил к окну и еще долго дышал воздухом наполненным прохладой и росой, после чего шел на улицу, седлал коня и отправлялся к океану, чтобы искупаться. Лежа на волнах, разум немного успокаивался, теша обещаниями, что Амена все еще его, и она не посмеет быть с кем-то еще.

За несколько дней до отбытия в Гарду, Эфин встретился со своей будущей женой, он всем сердцем желал расстаться с ней, но терять уважения и преданности советников не имел права. Талья уже чувствовала себя хозяйкой его дома и его жизни, отчего

вызывала презрение и отвращение:

- Эфин! Я надеюсь, что по прибытии ты сдержишь обещание и отведешь меня к алтарю?

- Да. Я сдержу слово.

- В таком случае, мне можно уже сейчас начать притворять в жизнь задуманное.

- О чем ты? – он усмехнулся.

- О той миссии, которую ты решил возложить на меня. Пока ты в отъезде, я буду следить за номарами.

- Следить за номарами? – Эфин тогда поднял глаза к небу и изобразил дикие муки. – Талья! Когда ты станешь моей женой, то в твоем распоряжении будет лишь женская половина города, но никак не весь Тарон. И потом, следить за ними не надо, их надо направлять и обучать.

- По мне, так это одно и то же, – она расхаживала по комнате и поправляла все предметы, находившиеся в ней, от вида чего Эфин начинал раздражаться, но всеми силами сдерживал себя.

- Ты еще ничего не соображаешь в управлении, поэтому оставайся примерной дочерью своего отца и жди моего возвращения. И это не просьба!

Номарка скривилась, но перечить не стала.

- Хорошо, как пожелаете, Правитель! – и она удалилась.

«О, Великая Скайра, какая же глупая самка!» - подумал про себя Эфин, он понимал, что связался с той, которая лишь внешне походила на достойную и покорную женщину, а внутри была также невежественна и вспыльчива. В ней все говорило о стремлении к власти, которой она совершенно не умела управлять, лишь амбиции, неподкрепленные возрастом.

Настал тот день, когда Эфин со своим войском отправился в путь, его желанием было только одно, не заключить мир с меттинами, а найти жену.

Глава XXI
Прошлое не дремлет…

Я уже несколько дней как вернулась из долгого путешествия по Большой воде. Мы побывали у берегов таких поразительных мест, что прежняя жизнь стала казаться крохотной шкатулкой, в которой маленькие сумины танцуют по кругу. Скайра огромна, а ее земли необъятны. Сайрус познакомил меня с удивительными созданиями и показал десятки мест, от которых захватывало дух. Самые необыкновенные - это Долины Тисса, там, на этих бескрайних равнинах господствуют лето и зима. Одна часть залита солнцем и покрыта густой растительностью, вторая же -

занесена снегом, а с небес падают ледяные кристаллы, и все это разделено тонкой гранью, которую невозможно увидеть. Ты можешь стоять посередине и ощущать все сразу, а также могучие горы Семи Вихрей, на их вершинах творится невообразимое, каждую минуту огромные вихри сталкиваются, от чего сверкают сотни молний, окрашивая небо в яркие цвета. Там бродят существа непохожие на тех, что водятся в наших лесах, некоторые из них гигантских размеров и под их лапами содрогается земля, другие же настолько малы, что перемещаются лишь благодаря ветру.

Все это время Сайрус следовал рядом, он научил меня управлять «Грозой», научил слышать океан и предугадывать погоду, я же ощутила себя снова живой. В нем было что-то особенное, его дух был абсолютно свободен, а сердце открыто миру и ничто не мешало ему идти к своей цели, ни обязательства, ни страхи. И я ощутила эту свободу, осознав, насколько неправильно жила раньше, пока надеялась на то, что кто-то придет или вернется, чтобы забрать меня с собой.

Сайрус никогда не настаивал и не требовал любить себя, он просто окружал заботой, оберегал и помогал чувствовать себя женщиной: ранимой, хрупкой и нежной. Я же устала все время бороться, устала учить других и устала быть рабой обстоятельств, но самое главное, устала любить Эфина.

Я жила в доме Правителя Гарды, а Сайрус продолжал навещать и постепенно завоевывать мое расположение, наши отношения казались медленно текущей рекой, которая неторопливо несет нас к чему-то прекрасному. Но чем больше я начинала верить в светлое будущее, тем реже могла вызывать видения, они словно таяли и покидали меня, однако это вовсе не расстраивало, так как жить в предвкушении опасности - это не лучший исход. В один чудесный день ко мне в покои зашел Сайрус, он сел в кресло и задумчиво посмотрел на меня:

- Тебя что-то беспокоит? – спросила я.

- Немного. Я знаю, что обещал вернуть тебя по прибытии, но я этого не хочу.

- И почему же ты не хочешь? – мои глаза смотрели на него с надеждой.

- Это же очевидно, Амена. Потому что люблю тебя.

- Да, это очевидно.

Тогда он встал и подошел ко мне, взяв за руку:

- Оставайся со мной, мы созданы друг для друга, я еще ни у кого не видел столько азарта в глазах, пока мы были в плавании.

- Сайрус, я хочу остаться, но … - я не смогла договорить, так как и сама не понимала, что меня останавливает.

- Не переживай, ты и так сделала достаточно для крианцев, пора подумать и о своей жизни. Они не пропадут.

- Есть еще один момент, о котором я тебе не рассказывала.

И когда я это произнесла, то внизу послышались крики стражников, они вошли в дом, потребовав встречи с Правителем. Сайрус немедленно спустился к отцу, я же подошла к окну и посмотрела вперед. К дому Да Вана приближалось большое войско номаров! Мое сердце тогда дрогнуло, и я чуть не потеряла сознание, когда увидела медленно ступающего коня, на котором сидел номар в черных латах и шлеме в виде рычащего Карукка. Тогда вспомнился день в казармах Мазарата, как Он въехал во двор, как слез с коня и как снял свой шлем, устремив свой взор на меня. Эфин снова вторгся в мою жизнь, но что ему нужно на этот раз? Зачем он прибыл в Гарду?

Да Вана вышел к номарам, в это время воины меттинов окружили войско Эфина:

- Чего ты хочешь, номар? Зачем явился в Гарду?

- Я прибыл с миром, - и Эфин, спрыгнув со своего коня, прошел вперед и поклонился. – Желаю обсудить с тобой некоторые вопросы.

- Меттины не ведут дел с номарами! Так было, есть и будет!

- Что ж, я думаю, мы все же можем найти общий язык. Мы готовы предложить вам определенные товары, лучшие в своем роде!

Правитель Гарды еще какое-то время колебался, но потом пригласил Эфина в дом.

Я тихо спустилась на первый этаж и прошла в сторону сада, где расположился нежданный гость. Да Вана и Сайрус сели напротив него:

- Говори же, номар, что такого особенного ты можешь предложить меттинам?

- Оружие и воинов. Наши мечи и кинжалы не имеют равных, а солдаты готовы умереть за своего лидера.

- И чего ты хочешь взамен?

- Опыт в кораблестроении и мореплавании.

- Номары пожелали освоить Большую воду? – Сайрус презрительно усмехнулся.

- Наш город находится у океана, строительство порта практически завершено, единственное, чего нам не хватает, так это кораблей и знаний.

- Неужели вы из сухопутных захватчиков решили превратиться в морских? – сын Да Вана не успокаивался.

Эфин посмотрел на него с ухмылкой и, слегка наклонив голову, ответил:

- Если бы я захотел кого-то захватить, то пришел бы сюда в составе всей своей армии, только от вида которой, вы бы сдались, так что не надо показывать свой оскал юноша. Мне не интересна война, я желаю торговать. Вы дадите нам лучших архитекторов и мореходов, а мы вам бесчисленное количество оружия и защиту. Мои воины будут охранять ваши корабли.

- Я обдумаю твое предложение. Ответ будет к вечеру, а пока можешь воспользоваться моим гостеприимством. – Да Вана поднялся с кресла и хотел уже уйти.

- Но это не все! У вас есть то, что принадлежит мне, и я хочу это вернуть.

Правитель обернулся и с недоумевающим видом посмотрел на Эфина:

- Что в Гарде может быть твоим?

- Это не совсем - что! Скорее кто.

- И кто же?

- Моя жена, которая скрывается в вашем городе, и я думаю, ты знаешь, где она.

- В Гарде никогда не было номаров, ни мужчин, ни женщин, ни детей. Это исключено!

- А кто сказал, что она номарка? Она принадлежит к другому виду, и зовут ее Амена.

В этот момент Сайрус вскочил со своего места, отчего кресло упало:

- Что?! Амена не может быть твоей женой!

- Значит, она здесь. – Эфин так же встал и подошел к нему. – Да-да, она здесь и сейчас. А ты тот самый, из-за которого она не вернулась домой.

Но между ними встал Да Вана, оттеснив сына в сторону:

- Здесь не место разборкам! Амена свободная женщина, которая может находиться там, где захочет.

- Я надеюсь, вы не попытаетесь помешать мне, встретиться с ней? Есть закон, по которому мы заключили союз.

- Где доказательства, что она твоя жена?

И Эфин показал отпечаток на плече, после этого Да Вана отошел и сказал:

- Закон есть закон. Амена в моем доме, сейчас ее позовут.

Однако я ждать не стала и вышла сама, Эфин смотрел на меня широко раскрытыми глазами, только злился, как часто это случалось раньше:

- Здравствуй, Эфин.

- Здравствуй. Я пришел за тобой.

- Давай выйдем на улицу и поговорим, - я была спокойна и уверена в себе, уверена в том, что не дам очередной раз манипулировать собой.

Мы вышли за пределы двора и направились по мощеной дороге в сторону побережья. Он шел, а я слышала его частое дыхание, отчего у самой перехватывало дух:

- Зачем ты пришел?

Затем Эфин переменился, его взгляд остыл, и он сказал главное:

- На самом деле, я шел сюда, чтобы извиниться и попрощаться. Я люблю тебя, поэтому ты всегда будешь жить в моей душе. Но я знаю, сколько боли причинил, поэтому хочу все исправить. Когда я вернусь в Тарон, то вступлю в союз с дочерью советника.

- Прекрасно. Надеюсь, она подарит тебе счастье и душевный покой, - я говорила это, но сердце внезапно заболело, будто его пронзила стрела.

- Нет! – он остановился и обнял меня, прижавшись всем

телом. – Она не подарит мне счастья или покоя, но я смирюсь, так как не достоин большего.

- Пусть так, но у тебя будет семья и дети, которые изменят твою жизнь, избавят от одиночества.

- А как же ты?

- Я еще не определилась. И, Сайрус тот, кто поможет мне с этим, – как только я произнесла эти слова, его глаза вспыхнули яростным блеском.

- Сайрус?! Снова этот низкопробный меттин?! – Эфин отошел и, слегка оголив клыки, улыбнулся, но улыбка была полна презрения. – Чем же он поможет тебе? Затащит в постель и будет рассказывать небылицы?

- Да ты себя описываешь! – я смотрела на него и постепенно начинала злиться. – Не ты ли поступил со мной именно так?! Соблазнил и держал как зверя в клетке, как забаву, которая нужна была только для того, чтобы зализать раны. Ты неисправим Эфин! Столько времени прошло, а в твоем сердце все еще зияют огромные дыры, заполненные жаждой мести и ненавистью. Я презираю себя за то, что отдалась тебе, что позволила так себя растоптать, пока ты развлекался с очередной номаркой.

После этого мы оба замолчали, Эфину нечего было ответить, а мне добавить. Все, что теперь нас связывало, это горькое прошлое. Но спустя несколько минут я все же сказала:

- Забудь обо мне и больше никогда не попадайся на глаза. Я же смогу забыть тебя, только если ты исчезнешь из моей жизни. И еще! Вступление в союз с номаркой - это лучшее, что ты только можешь сделать, – однако он не слышал меня.

- Хорошо, я исчезну, но только тогда, когда верну тебя домой.

- Опять условия? Я не намерена возвращаться.

- А ты разве не знаешь главного? – Эфин тогда изобразил удивление.

- Чего же?

- Ты так старалась заручиться поддержкой Гарды, но будут ли они торговать с лгуньей?

- О чем ты говоришь?

- Насколько мне известно, меттины имеют дело только с теми городами, которые вне споров и войн, а Мазарат не в их числе.

- Между нами мир, Эфин, а тумо далеко. Где же здесь ложь? – я смотрела на него с негодованием.

- Амена, Амена, моя дорогая Амена. Ты ведь не забыла, кто я и на что способен?

- На что ты намекаешь? Что снова пойдешь на Мазарат?

- Знаешь? Когда дело доходит до моего самолюбия, то я готов на многое, даже если это пойдет мне в ущерб. И самое главное,

мне даже не придется нападать на вас, достаточно сказать Дарг Да Вану, что номары желают войны, и он расторгнет соглашение мгновенно. Меттины трусы и жалкие торговцы, которые ни за что не подставят свои шеи под удар.

- И ты сделаешь это, если я не пойду за тобой?

- Всенепременно. Прямо сейчас. Запомни Амена, я всегда добиваюсь того, чего хочу.

- Но я не понимаю тебя. Ты вступишь в союз с дочерью советника. Так зачем снова мучить меня? Глумись над ней: приказывай, унижай, принуждай, но почему опять я?!

- Пусть это прозвучит эгоистично, но ты всегда должна быть поблизости от меня. И еще! Пока я не готов делить тебя с кем-то еще.

- Что?! – я так закричала, что некоторые даже обернулись. – Ты же пришел отпустить меня?

- Хотел, но видя рядом эту бессмысленную тушу тукка, не могу сдержать обещанного. Кто знает, возможно, позже я и отпущу тебя, а этот морячок дождется свою крианку.

Более я ничего не ответила, все встало на свои места. Мое счастье не в этой жизни и это давно было ясно, только я продолжала верить в будущее, где нет номаров. Эфин никогда не оставит меня в покое. Пройдут десятки лет, но как только я захочу любви, то снова появится он и все уничтожит. Что же мне остается? Только вернуться, ведь я не могу настолько подвести своих, мало того, что они остались без Оракула, так еще и лишатся последней надежды на расцвет Мазарата.

Вернувшись в дом Правителя, сразу же встретилась с Сайрусом, он уже ждал:

- Это правда? Ты жена этого зверя?

- Да. То давняя история, – и я рассказала ему все, что случилось со мной три года назад.

- И чего же он хочет теперь?

- Вернуть меня домой, в Мазарат.

- Да он решил, что ты его игрушка! Я разберусь с ним, а ты никуда не уйдешь.

- Нет, не надо. К чему этот бессмысленный героизм? Номары сильны и беспощадны, не стоит направлять на Гарду такую смертоносную тень. К сожалению, мы все еще муж и жена, по закону.

- Так отрекись от него, расторгни союз перед Скайрой!

- Я не могу, ведь наш союз скреплен печатями предков, который был заключен как мир между номарами и крианцами.

- А как же я?

- Мне жаль Сайрус, но тебе лучше забыть меня.

Сказав это, удалилась в покои и всю ночь пролежала в постели, пропитывая простыни и подушки горькими слезами. Казалось, что меня сейчас окружают сотни демонов, и они танцуют на осколках моей души.

На следующий день Эфин пришел за мной и переселил в свой дом, где он временно остановился, пока вел переговоры с Да Ваной. Теперь я часто сопровождала его, шел ли он говорить с архитекторами, отправлялся ли на рынок или просто гулял, везде и всюду я ступала рядом с ним, мы практически не общались. Эфин пытался поговорить, но я этого не хотела и всегда отводила взгляд. Особенно тяжело давались встречи с Сайрусом, когда мы приходили в дом Да Вана, но произошедший случай изменил мое отношение к нему. В один из дней, пока Эфина не было, и я по воле случая не сопровождала его, то решила навестить Сайруса. Войдя в дом Правителя, услышала какой-то спор, двое мужчин пытались что-то доказать друг другу, тогда прошла в сторону сада и затаилась. Там, в зелени трав и деревьев стояли отец и сын, обсуждая как ни странно, меня:

- Ты должен был быть с ней! – настойчиво говорил Да Вана.

- Я почти добился ее, но кто виноват, что появился этот проклятый номар? Тем более, я не знал, что она его жена!

- Никто не ожидал такого поворота. Эфин спутал мне все карты, я не могу пойти против него! Мы сейчас не в том положении, чтобы развязывать войну с этими монстрами. Их армии бесчисленны, стоит разозлить одних, как прибудут тумо, – после чего Да Вана рассерженно посмотрел на Сайруса. – А ты слишком медлил! Вы целых три месяца были наедине, неужели нельзя было овладеть ею? Нам так необходима поддержка подобного создания как она! Ее способности изменили бы нашу жизнь, обогатили и сделали неуязвимыми. А что теперь? Она снова будет рядом с номарами, а это означает, что в один из солнечных дней в Гарду войдут орды номарских войск, ведь Эфин не просто так явился сюда, я это чувствую.

- Извини отец, но здесь я бессилен. Если бы не приход Эфина, то все было бы так, как ты и хотел.

Да Вана лишь печально вздохнул и сел в кресло, а я очередной раз дала возможность вонзить себе нож в спину. Видимо, на этой земле нет такого мужчины, который захотел бы быть со мной просто так. Как и номары с крианцами, так и меттины пожелали воспользоваться мной, сделать своим оружием. На удивление мне не хотелось плакать. Я усмехнулась и пошла в сторону дома Эфина, он к тому времени уже вернулся и поджидал у ворот:

- И где же была прекрасная Амена?

- Познавала горечь жизни.

- Неужели? Познала?

- Да, – затем я рассмеялась. – Вот скажи мне Эфин! Ты хочешь, чтобы я вернулась из-за своей способности? Хотя, это глупый вопрос, ответ очевиден.

- Почему же? Я хочу вернуть тебя по другим причинам, тем более силы Кумеро покидают тебя, не так ли?

- К счастью, так – мы сели на скамью во дворе и смотрели на океан. – Единственное, по чему я скучала все эти два года, так это по нашим тренировкам.

Эфин тогда ехидно улыбнулся:

- И ни капли по тем ночам, когда не находила себе места от обуявшего тебя желания и дарила мне громкие стоны?

- Ты себе льстишь.

Так вот нелепо сложились обстоятельства, Эфин и я сидели рядом и со смехом вспоминали наше, казалось бы, печальное прошлое. Наверно, оно было не совсем печальным, раз воспоминания вызывали улыбку и где-то даже смущение. Все же между нами было много общего, помимо страсти к оружию и сражениям, мы прекрасно знали свои сильные и слабые стороны, а еще любили друг друга так, как каждый из нас того желал. Но Эфин скоро обзаведется женой, которую введет в свой дом, в отличие от меня. Я же вернусь в славный город предков и продолжу свое никчемное существование в окружении счастливых мужчин, женщин и их детей.

Сложно сказать, злилась ли я сейчас на Сайруса, возможно совсем немного. Я так и не смогла полюбить его. А Эфин всегда будет отличным напоминанием того, что в этом мире нельзя никому доверять!

Глава XXII
Захват.

В тот день, когда Эфин покинул Тарон, в городе появился его брат. Фарон долгое время пропадал, даже в деревне все начали сомневаться в том, жив ли он. Однако номар въехал в Тарон на своем коне и сразу направился к дому Эфина, где старейшины держали совет.

Но на пути в зал он встретил будущую жену брата. Талья стояла, молча, пока Фарон обошел ее, смотря страстно и по привычке нагло, затем заговорил:

- Что за небесное создание? Кто ты, соблазнительная номарка?

- Меня зовут Талья, я дочь советника Кефея.

- И что ты делаешь в доме Правителя, юная особа? Пришла повидать папочку и принести ему кувшинчик молочка? – Фарон дерзко усмехнулся, продолжая пожирать ее глазами.

- Я скоро стану хозяйкой в этом доме. Но, кто вы?

- Хозяйкой? Неужели Эфин решил нанять прислугу?

- Нет! Я удостоилась чести стать женой Правителя. А вы по-прежнему не ответили на мой вопрос.

- Неужели? Мой братец решил завести еще одно домашнее животное… как мило, а меня как всегда забыл пригласить на столь важный Праздник.

- Так вы Фарон?

- Да, собственной персоной. Что ж, приятно было увидеть столь обворожительное создание в Храме моего брата. Еще увидимся, – и он прошел по лестнице вверх, чтобы встретиться с советниками.

Войдя в зал, Фарон поприветствовал всех присутствующих и сел на подоконник, устремив свой взор на старейшин:

- Я принес вам печальные известия, господа советники!

- В чем дело, Фарон? – заговорил Глава совета.

- Тумо снова пытаются прорвать оборону. Они собирают сородичей по всей Скайре и готовятся к войне.

- С чего ты это взял? Гонцы каждый день доносят нам о положении войск на северных землях, среди тумо все спокойно.

- Возможно, гонцы скрывают от вас истинное положение дел, но вот я знаю, что скоро произойдет грандиозное сражение, в котором сложно будет победить. Я лично отправился на их земли и разузнал обстановку, тумо собирают силы.

В этот момент все советники заговорили, пытаясь понять, где была совершена ошибка и кто за нее в ответе. Они старались переложить вину друг на друга, превращаясь в свору диких Гуттов. Фарон еще какое-то время наблюдал за ними, после чего встал и вышел в центр:

- Замолчите, жалкое подобие власти! Здесь есть вина только одного номара, который уже давно потерял контроль!

- О ком ты говоришь? – с надеждой в голосе произнес Тафир.

- О своем брате! Эфин перестал обращать внимание на то, что происходит за пределами его города, он сконцентрировался на всей той белиберде, которой живут номары Тарона. – Фарон начал ходить вокруг стола, набираясь дерзости. – Строит школы и лазареты! Пытается воспитать глупых самок, которые нужны только для того, чтобы служить мужчине и рожать потомство. Он обмяк и растерял прежнюю хватку, а тумо тем временем не дремлют! Что же окажется важнее, когда придут эти звери?! Школы и лазареты вас не спасут, тумо растерзают всех и каждого,

а Эфин все это время будет пресмыкаться перед другими городами. Ему нет дела до вас!

Советники сразу же поняли, что Фарон единственный, кто может возразить брату, поэтому всецело согласились с ним, так как каждому были важны лишь их собственные жизни и положение.

- Что же ты предлагаешь? Эфина сейчас нет и неизвестно, когда он вернется. Сколько еще нам придется ждать?! Когда тумо выступят?!

- Могу сказать одно, если тумо выступят, то ваше войско с ними не справится. Единственные, кто способны дать им отпор - это чистокровные, их много и они изголодались, поэтому готовы биться с ними. Правда, есть одно «но»!

- Какое же? – Тафир сидел в напряжении.

- Чистокровные устали от такой жизни, Эфин превратил их в рабов, его солдаты убивают каждого провинившегося вместе с его семьей. Они не хотят более служить ему.

- Это невозможно, - со своего места вскочил Зофу, весьма вспыльчивый и жестокий номар. – Они не могут отказаться от своего Лидера.

- Как же вы заблуждаетесь многоуважаемые советники, чистокровные не просто тупое стадо, они великие воины, которые веками держали соседей в страхе. Танафер прошел со своим войском тысячи километров, не проиграв ни разу в бою. Лишь мой брат решил, что они ничтожество после стольких побед. Они уже готовы переступить через традиции и обычаи.

- И что же нам делать?! Если чистокровные не будут воевать с нами, то нам конец!

- Скажу вам откровенно. – Фарон сел в кресло Эфина и расслабился, после чего посмотрел на советников. – У чистокровных теперь новый Лидер и это я! За мной они готовы идти куда угодно и на что угодно.

- Тогда мы спасены! Объединись с братом, и сражайтесь вместе!

- А вот здесь я вынужден огорчить вас. На после боя не будет двух вожаков, там место только для одного и я предлагаю вам себя.

- Но Эфин Правитель Тарона! Он власть!

- А вы не власть?! Не вы ли взяли на себя большую часть всех забот по управлению городом?! Не вы ли заботитесь о благе номаров и желаете процветания Тарону?! Вы себя недооцениваете, мир не крутится вокруг Эфина, тем более он лишился главной поддержки со стороны чистокровных, что делает его уязвимым и лишает статуса Главнокомандующего

армии номарских войск.

И снова послышалось гудение, советники принялись обсуждать возможность лишить Эфина права управлять Тароном и их жизнями. Некоторые продолжали настаивать на традициях, но большинство не желали угодить в пасть тумо. По окончании спора Тафир встал и обратился к Фарону:

- Ты складно говоришь и в твоих словах есть правда, но чего нам ждать с тобой? Насколько нам известно, ты приверженец войны, а не мира.

- Это так. И только представьте себе, во что превратится Тарон, когда у наших ног окажутся развитые города? Мы сможем подчинить себе практически все южные и восточные земли. Зачем торговать, когда можно будет просто брать и брать самое лучшее! Вы обогатитесь настолько, что забудете о пресловутом мире и постоянной нужде. Эфин затуманил ваш разум, он давно лишился стержня, в тот самый день, когда решил взять в жены крианку вместо того, чтобы подчинить Мазарат, а вы вторите ему как глупые дети.

- Хорошо! Мы согласны и готовы служить тебе. Однако, что будет с Эфином?

- Что ж, если по пути в Тарон его не сожрут тумо, то он будет выслан из города.

Наконец-то Фарон добился того, чего так долго желал - он сместил брата. И самое главное, уничтожил то войско, которое должно было сдерживать тумо, теперь они могли свободно двигаться в сторону города. Он все просчитал, подкупил гонцов и, уверив тем самым Совет и самого Эфина в том, что все спокойно, дождался, когда брат покинет город. Фарон решил незамедлительно действовать, так как тумо уже рассеялись в лесах, готовясь к атаке.

Этой ночью Фарон остался в покоях брата, ведь теперь именно он Правитель Тарона, а значит, имеет право на все! Вызвав к себе двух стражников, велел привести Кефея и его дочь. Через десять минут те вошли в комнату, советник был напряжен, не понимая, зачем они здесь в столь поздний час, но Фарон не заставил их томиться в ожидании:

- Я слышал, что юная Талья должна была стать женой моего брата?

- Да, это так. Но раз теперь Эфин лишен всех привилегий, то моя дочь выйдет за другого. Мы найдем ей достойного спутника.

- А зачем его искать? Я с удовольствием займу опустевшее место жениха.

Талья все это время молчала, так как боялась произнести хоть слово, а Кефей сомневался, ведь Фарон только появился, и его

избрание носило еще весьма условный характер.

- Я буду рад породниться с тобой, новый Правитель Тарона. Моя дочь собиралась вступить в союз через месяц.

Но Фарон не дал договорить:

- Опять глупые правила! К чему ждать? Я желаю, чтобы Талья сегодня же осталась в моих покоях и покорилась.

- Но так нельзя! Ты явно перегибаешь палку, Фарон! – советник разозлился и перестал сдерживать гнев. – Еще и часа не прошло, как тебя избрали, а ты уже учиняешь беспредел! Моя дочь благородных кровей, она не фривольная девица, коими полнятся улицы Тарона. – Кефей обнял свою дочь, пытаясь развернуться и уйти прочь, но Фарон остановил его.

– Ты, кажется, не понял, эта самка сегодня останется здесь, а если ты продолжишь сопротивляться, то несколько чистокровных номаров, что дежурят у дверей моего дома, распотрошат тебя как тукка.

Талья начала плакать, она ухватилась за отца и не хотела его отпускать, но Фарон вызвал стражу и велел оттащить советника в сторону. Номары схватили старика под руки и отбросили к порогу, затем, держа за ноги, стащили вниз по лестнице, после чего вышвырнули на улицу. Талья хотела бежать за ним, но Фарон взял ее за руку и оставил подле себя, когда же дверь закрылась, то он подошел к ней и одним движением сорвал платье.

- Меня очень заводят твои слезы, а еще больше заводит страх, которым переполнен твой взор, – он грубо брал ее за руки, шею, дерзко проводя рукой по спине, животу и бедрам, отчего она стискивала зубы и зажмуривала глаза. – Ответь мне, ты спала с моим братом?

- Нет. – Талья отвечала чуть слышно, слезы сдавливали грудь, перехватывая дыхание.

- Это просто замечательно, значит первую боль ты испытаешь со мной. Но учти, я не буду осторожничать.

И, схватив номарку за волосы, он прижал ее к стене, как сделал это с Сафирой, после чего разделся сам и в мгновение овладел юным телом Тальи, ей оставалось только кричать от грубости номара, но никто не пришел к ней на помощь.

Наутро советники проснулись от того, что в двери вламывались чистокровные, выводя их на улицы, и когда всех собрали на центральной площади, вперед вышел Фарон, таща за руку измученную и избитую Талью, после чего швырнул ее в ноги старейшинам:

- Вот участь не покорившихся мне номаров! Теперь я ваш Правитель и вы будете служить мне до последнего вздоха, а если

вздумаете пойти против моей воли, то чистокровные уничтожат ваши семьи, обесчестят ваших дочерей и надругаются над вашими женами, поэтому лучше Совету принять меня, провозгласив Правителем перед всеми номарами Тарона!

Советникам ничего не оставалось делать, ведь в город вошли десятки чистокровных и лишь ждали приказа своего лидера. Тафир вышел к нему и объявил перед всеми собравшимися на той площади, что отныне Фарон - Правитель Тарона. Народ, молча, принял нового Лидера, так как они боялись нарушить тишину и тем самым еще больше разозлить его.

Фарон вернулся в свой дом победителем. Он не просто сместил брата, он покорил Тарон, загнал Совет в угол. Теперь в его планах было подчинить тумо, а это уже не так сложно сделать, ведь он собирался разрешить им вновь охотиться на прежних землях, убивая каждого, кто встретится им на пути. Этой ночью Фарон в очередной раз надругался над несчастной номаркой, которую решил использовать как рабыню, пока не вернет ту, о которой мечтает слишком долго. Он хотел видеть рядом с собой Амену, чтобы она была его женой и матерью его детей, только к ней он испытывал любовь, желая одарить лаской и нежностью.

Глава XX III
Под сердцем.

Мы пробыли в Гарде еще около недели, затем пришло время возвращаться. Все эти дни я старалась избегать Сайруса, но он все же поймал меня на пути к дому Эфина:

- Почему ты так охладела ко мне? Неужели вновь проснулись чувства к этому монстру?

- Нет Сайрус, с Эфином меня более ничего не связывает. Пойми, просто нам с тобой не по пути. Ты принадлежишь к другому миру, а я жительница лесов, которая нужна своему народу. Мой дар единственное, что может защитить их.

- Ты лукавишь. Есть что-то кроме обязательств перед крианцами. И это что-то есть в этом номаре.

- Я не могу переубедить тебя, если тебе хочется в это верить, то пусть.

- Вероятно, я просто не нравлюсь тебе.

- Сайрус, этот разговор уже лишен смысла. Завтра мы отбываем, поэтому давай не будем портить все то, что пережили вместе.

Тогда он поцеловал меня в щеку и, не сказав ни слова, пошел прочь. Я не стала ему говорить о том, что слышала их разговор,

так как это все равно ничего бы не изменило. Зайдя в дом, еще долго стояла в дверях, пытаясь справиться с наплывом чувств, но меня отвлек Эфин, он встал позади и слегка подтолкнул вперед:

- Ты что? Решила поработать опорной балкой?

- Какой же ты все-таки грубый, – я ответила не без улыбки, но в голос вложила всю серьезность.

- Раньше тебя это так не волновало. Видимо, совсем разнежилась, живя рядом с этим меттином.

- В отличие от тебя, он ни разу не проявил неуважения ко мне.

- Что ж, жаль, что вы расстаетесь, – сказав это с иронией, Эфин отстегнул меч, снял жилет и упал на мягкую тахту, затем посмотрел на меня. – Не хочешь присоединиться? Я все еще могу утешить тебя, – он очередной раз засмеялся.

Я же схватила первую попавшуюся в руки книгу и запустила в него.

- Не дождешься, муженек многоженец! Утешать будешь свою номарку.

- Дикарка! – Эфин, конечно же, увернулся от столкновения, затем отвернулся, и спустя минуту уже слышалось громкое сопение.

Сейчас вспомнился момент в нашем шатре, когда он лежал раненый и не замечал меня, а я любовалась им. Так и сейчас поймала себя на этом. Он был груб, дерзок, но Проклятье трех Стихий, мне это по-прежнему нравилось.

На следующий день мы выступили. Эфин все же заключил договор и в скором времени архитекторы и мореходы должны были прибыть в Тарон в обмен на оружие и воинов наемников.

Когда покидала стены Гарды, то ощутила странное чувство легкости, то ли от того, что меня очередной раз предали, то ли от того, что мой дух не способен спокойно жить на одном месте долгое время. Однако, с этим городом теперь связано многое, я познала новый мир, провела на просторах бескрайнего океана целых три месяца. Но время не стоит на месте и всему однажды приходит конец. Так и сейчас, войско неспешно шло в направлении лесов, а Эфин следовал рядом, он часто посматривал в мою сторону, но заговорить не решался. Что-то с ним произошло, он стал другим. Пусть грубость и буйный нрав остались, но изменилась душа, точнее ее словно вырвали из него: глаза потеряли былой задор, он стал стесняться меня, несмотря на то, что пытался показать обратное. То было неясное смущение и вопрос - почему? Я же не пыталась разобраться в дебрях его души, так как не могла разобраться в своей. После нашего расставания как будто из-под ног ушла земля, мы скитаемся по

пустыне одиночества, не можем найти себе места, однако хотим дать понять друг другу, что готовы жить дальше и готовы к счастью, но все это ложь! Ничем не прикрытая ложь.

В таких мыслях прошел весь день, к вечеру нам удалось добраться до побережья, по которому должны были идти четыре дня, минуя небольшие утесы. Справа от нас красовался океан, а слева в десяти километрах от воды темнели густые джунгли Меренговых лесов. Эти удивительные леса были усеяны множеством небольших озер, вода в которых источала аромат ванили, поэтому от долгого нахождения среди них начинала кружиться голова. Тем более, там обитали интересные создания, их называли Гирты Тумана. Они могли испускать пар. Окутанная им жертва, переставала ориентироваться и превращалась в легкую добычу. Кожу Гирты покрывали сотни водяных пузырьков, отчего она сливалась с паром и могла незаметно подкрасться к жертве, затем кусала несчастного и исчезала до тех пор, пока укушенный не падал, обездвиженный выпущенным ядом. Поэтому наш отряд решил не рисковать и двигаться вдоль побережья, невзирая на зной.

В неспешном шествии прошло три дня, войско периодически останавливалось, солдаты разжигали костры, ели, набирались сил. Эфин во время привалов всегда находился рядом со своим конем и лишь отдавал приказы воинам, чтобы те поделились со мной едой или предоставили одеяло, сам же полностью отстранился, не желая разговаривать.

С ним продолжало происходить что-то странное, то он смотрел на меня взглядом полным надежды, то отворачивался как от прокаженной, но при этом ничего не говорил.

Я также посматривала на него, когда он не видел. Мне хотелось поравняться с ним, узнать как он жил все это время, но зачем влезать туда, где для тебя уже нет места? Не знаю, страдала ли когда-нибудь Кумеро подобно мне, или она всегда была сильной и неприступной? Любила ли она кого-нибудь? Большая часть ее жизни до сих пор покрыта мраком тайны, поэтому сложно сказать, достойна ли я нести в себе этот дар. Я не обладаю достаточной силой духа, чтобы моя связь со Скайрой была прочной и долговечной, стоит немного отдалиться от забот, то и видения угасают. Если бы могла жить жизнью простых крианцев, любить мужа, растить детей и заниматься домом, то не знала бы всех этих ужасов, но судьба распорядилась иначе. Скоро я снова вернусь к тому одиночеству, которое поглотит целиком, превратит в узницу Мазарата. И до этого момента оставалось всего ничего.

Уже завтра мы должны били добраться до Тарона, после чего

Эфин сопроводил бы меня до дома, а пока мы остановились и разбили лагерь. Солдаты разбрелись в темноте лесов в поисках хвороста и добычи, я же осталась на берегу. Эфин оседлал своего коня и также скрылся в джунглях, оставив меня в окружении двух номаров. Они сидели неподалеку, отчего могла слышать их разговор.

- Накка снова ждет ребенка, – один из них говорил это с тяжестью в голосе, а я невольно усмехнулась.

- Эх, брат. Не повезло тебе, на наше жалованье и троих сложно прокормить, а уж шестерых и подавно.

- Я не знаю, что теперь делать. Единственное, это пойти в наемники к меттинам, там должны неплохо платить.

- Вряд ли, Эфин просто обменяет тебя на какого-нибудь моряка, и ты не получишь ни сута.

- Правитель совсем не думает о нас и наших семьях, мы продолжаем отдавать часть зерна чистокровным за то, чтобы они были в запасе на случай атаки, но это несправедливо!

Второй лишь пожал плечами и ничего не ответил, тогда я впервые увидела, кто есть новые номары. Они уже не те, какими были раньше, они заботливые мужья и отцы, которые хотят благополучия для своей семьи. Неужели Эфин не видит этого? Почему он продолжает держать своих воинов в черном теле, ведь они основная сила и опора Тарона! Однако, меня отвлек странный шум, донесшийся из чащи леса, номары немедленно встали и обнажили мечи, а через пару минут из темноты начали выбегать солдаты с криками, но они не успевали пробежать и ста метров, как на них бросались огромные черные звери.

Воины, что сидели рядом, подскочили и закричали: «Тумо! Тумо здесь!».

Я тут же ринулась к ним:

- Эфин там! Надо идти за ним!

- Если мы пойдем в лес, то уже через секунду будем мертвы! Это засада! – они торопились, седлая лошадей.

- Вы не бросите своего Правителя!

- Извини крианка, но нам есть, что терять! Эфин должен был брать с собой чистокровных, а не нас. Мы не собираемся оставлять своих детей сиротами в угоду ему.

В словах этих солдат было столько негодования и злости, что мне ничего не оставалось, как отступить. Номары скрылись в ночи, а я осталась стоять, не зная, что делать дальше. Либо тумо разорвут меня здесь, либо стоит попробовать спрятаться в лесу.

Запрыгнув на коня, поскакала в направлении джунглей, тумо тем временем снова ушли в чащу, добивая последних из солдат, я же хотела добраться до тех мест, где бьют горячие источники,

тумо туда не сунутся, они испытывали страх перед бурлящей водой. Мне хотелось верить, что Эфин все еще жив, но искать его сейчас было бы неразумно, ведь я не знаю, сколько этих монстров в лесу, единственное, у нас с Эфином был особый клич, которому он обучил меня, чтобы не потеряться и найти друг друга при необходимости. Поэтому, добравшись до леса, замедлила ход лошади и, аккуратно пробираясь сквозь густо заросшую зелень, начала издавать звуки, походившие на песнь Карукка во время охоты. Но ответа не последовало, и мне пришлось продолжить путь. Несмотря на всю осторожность, один из тумо все же услышал топот лошади и направился ко мне, тогда я спрыгнула с коня и, что было сил, побежала вперед, петляя между деревьев. Тумо еще долго преследовал, но стоило добраться до густого тумана, как он остановился за несколько метров и, втягивая носом запах, начал пятиться назад, затем и вовсе развернулся, скрывшись во мраке.

Я медленно пробралась сквозь плотную завесу пара и вышла-таки к бурлящим источникам, водяные струи которых вырывались из глубин на метр вверх. Температура здешних озер доходила до температуры раскаленных на солнце камней, поэтому тумо и боялись их. Мне же лучше, здесь я в безопасности могу переждать ночь, а ранним утром попробую выйти к побережью и продолжить путь. Почему-то мое сердце совершенно не болело по Эфину, но это было не чувство безразличия, а предчувствие того, что он все еще жив.

Ночь провела среди горячего пара, отчего вся одежда и волосы промокли насквозь. Наутро я тихо вышла из тумана и спряталась за большим деревом, чтобы осмотреться. Вокруг стояла тишина, поэтому медленно направилась в сторону океана. На пути попадались обглоданные кости аттаринов, останки которых растаскивали тапи, а спустя еще сто метров увидела растерзанную плоть нескольких солдат, к счастью среди них не было Эфина. Удивительно, откуда здесь появились тумо, они были оттеснены и находились далеко отсюда, вчера же их насчитывалось десятками, а значит, эти твари в группе и двигаются в сторону Тарона.

Через полчаса мне удалось выйти из леса, берег был абсолютно пуст и обстановка не внушала опасности, и только я хотела ступить в сторону побережья, как перед глазами возникло видение. Ко мне со спины кто-то шел, я не успела его рассмотреть, лишь резко вытащила меч и, развернувшись, направила на предполагаемого обидчика. Снова мой клинок остановился в сантиметре от шеи ни кого иного, как Эфина. Он замер на месте, после чего произнес:

- Когда-нибудь ты прирежешь меня. Я не для этого всю ночь блуждал по лесу, чтобы моя жена вонзила в шею меч.

- Почему ты не откликнулся вчера на зов?

- Не хотел, чтобы ты шла за мной. Тумо рассеялись по всему лесу, ты бы сразу оказалась у них в окружении. Хотя, тебя есть за что похвалить, мои уроки не прошли даром. Спрятаться у горячих источников было хорошей идеей.

- Отчего же ты не пришел ко мне? – возвращая меч в ножны, спросила я.

- Не хотел смущать, – он сказал это куда-то в пустоту, после чего взял за руку. – Нам надо уходить отсюда, здесь мы легкая добыча. Все солдаты мертвы, лошадей нет, так что придется идти на своих двоих. Теперь дорога займет около двух дней.

- И какой же дорогой ты предлагаешь идти? На берегу мы открыты, леса кишат тварями.

- Днем они не охотятся, поэтому будем следовать прежней дорогой, а к вечеру уйдем в леса, чтобы переждать ночь.

- Знаешь, Эфин, вот только стоит тебе появиться в моей жизни, как сразу же со мной что-то происходит. Когда же я избавлюсь от тебя, наконец?!

- То ли еще будет, - Эфин усмехнулся и направился к берегу.

И снова долгий путь домой. Мы шли весь день, останавливаясь только чтобы справить нужду и искупаться. Когда на небе засияла первая луна, Эфин указал на лес, к появлению второй мы уже были в джунглях. Скитаясь по чаще, искали место для ночлега. Спустя какое-то время наткнулись на старое и очень большое дерево, этому гиганту явно была не одна сотня лет. Эфин забрался первым и протянул руку мне. Когда оказались внутри просторной чаши, возвышающейся на четыре метра над землей и скрывающей от ненужных глаз, расположились в самом центре. Эфин сидел поодаль, он периодически выглядывал из укрытия, чтобы оценить обстановку, а я сидела между двумя скрученными ветвями образовавшими подобие кресла. Через два часа Эфин начал беспокойно прислушиваться, после чего подозвал меня к себе, и мы вместе высунулись, посмотрев вниз. Под нами бродили несколько тумо, они принюхивались и рычали, подавая сигналы остальным, однако через полчаса все же ушли, затем все опять стихло, тогда Эфин заговорил шепотом:

- Они не почувствовали нас, это хорошо. Надеюсь, больше здесь их не будет, по крайней мере, этой ночью, так что ложись спать.

- А ты?

- Останусь в дозоре.

Я отошла в сторону и легла. Жара спала, звезды сияли, заполонив собою все небо, но эта ночь была слишком прохладной, поэтому постепенно мои руки и ноги начали замерзать. Эфин смотрел на меня несколько минут, потом произнес:

- Помнишь ту ночь на пути в деревню, когда ты заночевала на большом дереве?

- Помню, - сдерживая стук зубов, ответила я.

- Когда ты заснула, я пришел к тебе и спал рядом, – он улыбнулся и откинулся головой на ствол.

- Поэтому мне было так тепло, – я усмехнулась, вспомнив те ощущения. – Так может, повторишь ту ночь, а не то тебе завтра придется возвращаться одному, боюсь, я окаменею лежа здесь.

Эфин приподнялся и без лишних слов лег рядом, жар его тела сразу же начал обогревать ледяные руки, которые прислонила к его животу.

- Ты вся холодная, - после сказанного, он снял с себя жилет, усадил меня спиной к своей груди и обнял руками. – Так лучше?

- Да, – я чувствовала, как его дыхание заставляет тело содрогаться, а руки касаются так, что внутри разгорается что-то очень опасное.

Мне захотелось откинуться головой к нему на грудь, и когда сделала это, то ощутила желание быть с ним, здесь и сейчас. Он также был готов к тому, чтобы разорвать на мне одежду, но вместо этого аккуратно расстегнул жилет и развязал шнуровку на брюках, после чего я встала и сама сняла с себя абсолютно все, затем раздела его. Эфин посадил меня к себе на колени и начал целовать, его губы раззадоривали страсть, а легкие покусывания сводили с ума, я же проводила руками по его спине, оставляя небольшие следы на коже, и прижималась к нему всем своим существом. Он снова любил меня как раньше, слегка дерзко, но в то же время очень нежно, Эфин не хотел останавливаться, поэтому мы оба пропали этой ночью.

Наутро проснулись от того, что сверху на нас вылилась порция росы, накопившейся за ночь. Эфин наклонился надо мной и поцеловал, стирая рукой капли воды с груди и живота. Я не хотела покидать это дерево, не хотела спускаться и идти туда, где придется забыть обо всем, или притвориться, что решила забыть. Когда все же оделись и приготовились к спуску, Эфин посмотрел на меня:

- Я готов тысячу раз умереть, лишь бы провести время с тобой еще раз, моя жизнь превратилась в ничто после твоего ухода в Мазарат.

- Самое печальное, Эфин то, что я люблю тебя. Но что нас

ждет? Что ждет крианку и номара?

- Не знаю, но ради тебя я готов на все. Та ночь, которую провел с номаркой была каким-то наваждением, проснувшись утром, я не смог ничего вспомнить.

- Та ночь в прошлом, так пусть там и остается. Тебя же ждет будущее.

- Без тебя это не будущее, а изо дня в день повторяющееся пустое настоящее.

- Не говори так, тебе пора завести семью, родить детей, тогда все встанет на свои места.

Он лишь закрыл глаза и глубоко вздохнул. А что еще я могла ему сказать? Что брошу все и паду к его ногам в то время, как он вступит в союз с другой женщиной, или буду изредка встречаться с ним в темном лесу, чтобы провести ночь? Вряд ли. Спустя два года готова была бы простить ту связь, если бы Эфин перед всем Тароном признал меня как единственную жену и ввел в свой дом, но он ни слова не сказал об этом, продолжая гнаться за каким-то мифическим уважением и поощрением со стороны Совета, который сам же и создал.

Через час мы снова брели по берегу, к концу дня должны были достигнуть стен Тарона. Я не хотела идти туда даже в качестве гостьи, поэтому решила по прибытии сразу взять аттарина и отправиться домой. После проведенной с Эфином ночи почувствовала себя в очередной раз раздавленной, но не из-за того, что жалела о произошедшем, а от того, что это было лишь воспоминанием о прошлой жизни, которое я должна в очередной раз спрятать глубоко в душе. Он всю дорогу держал меня за руку, я же не смела ее забрать, пусть хотя бы недолго мы побудем влюбленной парой.

К вечеру впереди показались темные стены города, Эфин сразу ускорил шаг, но я что-то почувствовала, что-то, что заставило остановиться и осмотреться вокруг:

- Почему ты остановилась?

- Я не знаю, что-то внутри говорит не идти туда.

А через мгновение мои глаза снова засияли особым светом, и я уже была в центре Тарона, там повсюду стояли чистокровные, часть солдат окружила кого-то на площади, как только подошла ближе, то увидела Эфина, стоящего на коленях с завязанными за спиной руками. Вокруг собрались номары, они смотрели на своего Лидера, но не делали и шага, а спустя секунду из толпы в сопровождении нескольких чистокровных вышел Фарон и, проследовав к брату, нанес ему удар в живот, от чего тот упал, отплевываясь кровью.

Когда же связь со Скайрой прервалась, я посмотрела на

Эфина и, схватив за руку, сказала:

- Мы не пойдем в город! Надо немедленно скрыться в лесу.

- Что?! Что ты видела?

- Боюсь, ты уже не Правитель Тарона.

- Это что еще за чепуха?

- Если ты войдешь в ворота, то немедленно окажешься в лапах чистокровных, которые сейчас заполонили улицы города, а знаешь, кто стоит во главе? – Эфин не понимал меня. – Фарон! Он сейчас там и только ждет момента поквитаться с тобой.

- Этого не может быть! Фарон хоть и полон ненависти и желает господства, но он не пойдет на такое! Это против закона крови.

- Ты продолжаешь жить как в тумане. Неужели тот случай с нападением тумо и непослушанием чистокровных ничему не научили тебя? Фарон давно жаждет сместить тебя. И как ты думаешь? Откуда в лесах вдруг появились тумо в таком огромном количестве? Твой брат пытается дискредитировать и уничтожить тебя. Сейчас он в городе, который у него в плену, а смешанные тебе не помогут.

- Я не верю, ты явно что-то задумала.

Тогда я отвернулась от него и приготовилась уйти:

- Мне жаль тебя, Эфин. Можешь идти туда, но в таком случае я прощаюсь с тобой навсегда.

Направившись в сторону леса, видела, как он стоит в полной растерянности и не знает, что делать дальше. Однако я не успела дойти до джунглей, как Эфин нагнал меня и остановил:

- Постой. Я верю тебе, просто не могу поверить в то, что брат предал, а Совет бездействовал в момент захвата.

- Не стоило ждать от них помощи, смешанные теперь такие же, как и многие из нас, они не имеют кровной связи, боятся потерять то, что у них есть, и не будут умирать за своего Лидера, а чистокровные давно уже находятся во власти Фарона.

- Получается, что наследник Танафера и Правитель Тарона – изгой. Здешние леса кишат этими тварями, а безумный братец взял в руки бразды правления, ты хоть представляешь, что теперь будет?

- Могу представить. Они начнут тотальный захват земель. Неужели у номаров больше нет союзников? Тех к кому бы ты смог обратиться за помощью?

- Увы, но нет. Единственное, нам надо идти в Мазарат к твоему отцу и попытаться что-то придумать.

- Да, если только Фарон не опередил нас. Знаешь, когда он пришел к нам, чтобы заручиться поддержкой, то хотел получить меня в обмен на то, что не будет трогать Мазарат.

- А вот этому не бывать! – глаза Эфина буквально налились кровью, и он готов был раздробить рукоятку меча, которую сжал со всей силы. – Сначала пусть убьет меня.

Мы отправились в путь, тумо еще не добрались до этой части лесов, поэтому решили идти всю ночь, не останавливаясь, дабы не терять драгоценного времени. Добравшись до Мазарата к утру, немедленно пошли к моему отцу. По дороге я все рассказала встретившему нас Минекая, когда же зашли в дом и поднялись в Зал Советов, то там уже собрались все благородные мужи, а отец что-то яростно пытался им доказать. Но, увидев меня, он отбросил все и подошел, чтобы обнять:

- Ты цела и невредима! Дочка! – его глаза казались такими болезненными, а лицо было бледным как никогда.

- Что с тобой, отец? Ты плохо выглядишь.

- Неважно, главное, что ты здесь, - затем он повернулся к Эфину. – Спасибо, что вернул ее.

- Не за что, – он ответил сухо и чувствовал себя опозоренным, так как стоял один среди крианцев.

Я же снова обратилась к отцу:

- Фарон был здесь?

Тогда Правитель отошел в сторону и посмотрел на меня с тяжестью в глазах:

- Был. И очередной раз выставил условия. Но боюсь, теперь я не в силах отказать ему. За ним вся армия.

- Каковы же его условия? – спросил Эфин.

- Амена! Это единственное условие, выполнив которое, мы сможем избежать рабства.

- Да что ты такое говоришь?! – я смотрела на него и не понимала такого пессимизма. – Наша армия достаточно сильна, чтобы сдержать их.

- Какая армия?! - отец начал кричать. – Армия юнцов и девиц против такого разрушительного полчища из смешанных, чистокровных и тумо?! Мы падем в первой же схватке! И еще! – отец посмотрел на Эфина. – Фарон просил, чтобы мы выдали низвергнутого Правителя, если только тот появится у наших ворот, но этого я делать не буду. Ты благородный воин и всегда держал слово, поэтому уходи.

Эфин резко развернулся и подошел к отцу:

- Интересно получается, я как последний трус бегу, а вы отдадите свою дочь брату?! И все! Великий Нитте снова спас свой народ?! С чего ты взял, что Фарон сдержит слово?!

- Ему нужна Амена, он сдержит обещание именно из-за нее.

- А кто вам сказал, что я отдам ее?! Она моя жена и будет со

мной!

В этот момент в зал вошли стражники, они обнажили мечи и окружили Эфина, он в свою очередь также вытащил меч. Я не могла допустить того, чтобы сейчас пролилась чья-то кровь, поэтому встала рядом с Эфином и заговорила со стражей:

- Что вы делаете? Я Предводитель армии наравне с Минекая, и я ваш Духовный Лидер! Как смеете вы - свора Тарийских собак, идти на поводу у этих трусов, - и указала на благородных мужей, которые сыграли не последнюю роль в таком решении. – Мы можем драться и можем победить, если используем мой дар! С нами Эфин, а он знает все слабые и сильные стороны номаров. Или вы предпочитаете сидеть в тени Фарона и ждать, когда он наиграется в любовь к крианке? Я не вещь! И я не позволю управлять и распоряжаться своей жизнью. Учти отец, стоит только твоим стражникам сделать хоть шаг, я убью каждого из них, и мы уйдем вдвоем, тогда у тебя не останется ни одно козыря против Фарона!

- Что ты такое говоришь, дочь?! Не хочешь ли ты сказать, что заодно с этим номаром, который использовал тебя и бросил?!

- Эфин мой муж, ты лично скрепил наш союз печатями предков, так что не стоит попирать закон. И еще, не забывай ту участь, которая выпала критти, изгнавшим Кумеро, они пали из-за своей трусости и самоуверенности. Хочешь ли ты такой же судьбы крианцам?!

Отец еще какое-то время молчал, затем поднял глаза и произнес:

- Что же ты предлагаешь? Чего предлагаете вы оба?

Тогда выступил Эфин:

- Надо готовить армию, я расскажу все, что должны знать воины о тактике сражения номаров. У нас есть шанс на победу только в том случае, если Амена будет рядом и сможет предвидеть действия Фарона и его войска.

После сегодняшнего дня мы начали активно готовиться к предстоящему сражению, ведь Фарон не будет долго ждать, он либо получит то, чего хочет, либо пожелает раздавить Мазарат. Воины усиленно готовились, они проводили целые сутки в тренировках, оставляя немного времени лишь на сон и еду. Эфин и Минекая разрабатывали план, я помогала им, но больше времени проводила среди солдат, наблюдая за их боями. Также посещала кузницы, где мастера выплавляли десятки мечей, изготавливали луки и стрелы, а еще особое оружие крианцев - лотты, небольшие мешочки из кожи, наполненные смесью, которая взрывалась при соприкосновении с твердой поверхностью, мы привязывали их к стрелам, чтобы у врага не

оставалось шанса выжить.

Когда же наступала ночь, то я проводила ее рядом с мужем. Пусть остальные и смотрели на меня с сожалением, но нас это не волновало. Решив для себя, что надо успеть прожить это время как можно лучше, перестала обращать внимания на предрассудки и былые страхи, полностью отдавшись воле чувств. Эфин был со мной рядом в одной постели каждую ночь, он любил меня и также перестал думать о том, что нас могло ждать дальше. Мы всегда были рядом друг с другом, когда происходили беды, было ли это нападение Карукка или сражение с группой тумо у стен Тарона. Печально, если нас объединяет только горе и войны, ведь так хочется однажды проснуться и увидеть его рядом, чтобы он никуда не уходил, и я бы не стояла перед постоянным выбором.

В таких стараниях прошло около месяца, Фарон продолжал укреплять свою власть, наводя ужас на жителей Тарона, как доносили наши шпионы, а Эфин продолжал натаскивать крианцев. Периодически он в составе группы воинов отлавливал блуждающих по лесу тумо, чтобы тренироваться на живом примере. Крианцы еще никогда так не сражались, они наконец-то познали вкус настоящего и беспощадного боя. Как было известно, тумо плохо ориентировались на воде и в тумане, поэтому наши алхимики создали специальное вещество, которое образовывало плотную туманную завесу и расползалось на несколько сотен метров, это должно было помочь. Однако оставались еще чистокровные, которых не так-то просто сбить с толку, они проворны и сильны, но на все воля Скайры, если нам и суждено одержать победу, то так оно и будет.

Все шло своим чередом, единственное, что начало беспокоить, это постоянные недомогания, которые случались по утрам. Во время видений случались обмороки, а во время долгих тренировок начинал болеть живот и спина, я же не придавала этому большого значения, продолжая заниматься с солдатами. Но спустя еще месяц все усугубилось, стоило совершить резкое движение, как боль пронзала все тело, застревая где-то в пояснице, а после видений начиналась лихорадка, которая длилась около суток. Эфин и Минекая иногда замечали как я ни с того ни с сего сажусь на землю, подгибаю колени и опускаю на них голову. Однако вскоре снова поднималась и начинала тренировку, только более медленными темпами. Эфин периодически подходил, пытался узнать в чем дело, но я по-прежнему скрывала свой странный недуг. Однажды вечером, лежа в постели стала ощущать судороги, они начинались в кончиках пальцев ног и медленно поднимались наверх, из-за них не могла

уснуть и боялась, что Эфин заметит, поэтому медленно вставала и, претерпевая жуткую боль, уходила в сад, где оставалась до раннего утра.

И если мой номар не мог понять всего происходящего, то Минекая все понял и во время очередной тренировки подошел ко мне:

- Что с тобой происходит, Амена?

- О чем ты? Со мной все в порядке.

- Не лги мне, я еще пока не ослеп и не настолько стар, чтобы не замечать твоих мучений.

Тогда я села на бревно, отложила меч и посмотрела на него глазами полными боли, потому что все тело разрывалось на части.

- Мне плохо, отец, иногда кажется, что умираю. Эта боль терзает изо дня в день, а ночами сводят сильнейшие судороги, от которых темнеет в глазах и не хватает воздуха.

- И когда это началось?

- Два месяца назад, сначала было не так тяжело, но вот последнее время… - Эфин все это время посматривал в нашу сторону и замечал, как я стискиваю зубы и зажмуриваю глаза.

- Отчего же ты молчала, дитя? Ты больна, и тебя необходимо показать лекарю.

- Нет, нельзя. Они запретят тренироваться и уложат в постель. Сейчас нет времени на лечение.

- Даже не спорь со мной, ты верно смерти хочешь?

Но в этот момент боль окончательно подавила и, не выдержав, я закричала. Минекая резко вскочил и успел взять под руки, чтобы не дать мне упасть, Эфин подбежал, бросив все дела, его глаза наполнились страхом:

- Что с тобой, Амена?!

Я же не могла говорить, набрала побольше воздуха и пыталась справиться с болью, но тогда ответил Минекая:

- Она больна, причем давно. Как только ты мог не заметить этого, ты же спишь с ней в одной постели?! – Наставник негодовал и смотрел на него со злостью и презрением. – Вы номары настолько черствы, что даже не способны видеть муки той женщины, которая лежит рядом.

Но Эфин ничего не ответил, ведь Минекая был прав, он не смог рассмотреть моей боли, хотя вины его в том не было, я тщательно скрывала свой недуг. Теперь же все стало ясно, а болезнь стремительно убивала. Эфин взял меня на руки, и они направились в лазарет, где лекари уложили в постель своего Оракула. Другие два крианца выгнали Минекая и Эфина за двери, после чего принялись за меня. Они сняли все одежды, затем

принялись осматривать руки, ноги, спину, подбираясь к животу, после чего я потеряла сознание.

Когда же пришла в себя, то больше не ощущала прежней боли, она все еще была, но не такая сильная. Лекарь Катар подошел к постели и сел рядом:

- Еще бы чуть-чуть и ты говорила бы со Скайрой, смотря ей прямо в глаза.

- Что со мной? Чем я больна и излечимо ли это?

В этот момент Катар засмеялся, положив холодную тряпку мне на лоб:

- Да, ты немного больна, но этот недуг пройдет через шесть – семь месяцев.

- О чем вы?!

- Эх, Амена, Амена, ты совсем забыла о том, что все еще являешься женщиной и еще можешь рожать детей! – он потряс за руку и с улыбкой произнес. – Ты ждешь ребенка.

- Что?! – из моих глаз потекли слезы от услышанного и было не ясно, то ли от радости, то ли нет. – Но почему же я так страдаю?!

- А вот это обратная сторона. Ты слишком много тренируешься, твой организм перенапряжен и может потерять дитя. Еще бы немного и началось бы кровотечение, тогда мы не спасли бы тебя.

- И как же быть? – я начала осознавать, что чуть не убила своего ребенка, пока таилась и по своей глупости не шла в лазарет. В то же время понимала, что сейчас я не могу быть в стороне.

- Тебе больше нельзя тренироваться и тем более, участвовать в сражении. К слову, Эфин все еще здесь, я могу позвать его, и ты обрадуешь своего номара.

- Нет! Только не это! Он не должен об этом знать! Скажи ему, что я просто подхватила сезонную лихорадку.

- Хорошо, как пожелаешь. Только учти, никаких боев.

И Катар вышел на улицу, я же поняла, что не хочу ничего говорить Эфину, вдруг ко мне снова вернулся страх. А что если он снова уйдет, снова предаст или не захочет этого ребенка, ведь его по-прежнему ждет невеста в Тароне. В голове все закрутилось, и радость перепуталась с печалью. Пока лежала и пыталась собраться с мыслями, в покои зашел Эфин, он присел рядом:

- Почему ты ничего не сказала мне?

- Прости, думала, что вскоре пройдет, а из-за перенапряжения болезнь затянулась.

- Лекарь сказал, что тебе больше не стоит тренироваться, так

что отныне будешь сидеть подле меня и как всегда говорить под руку, – он улыбнулся и, наклонившись вперед, нежно поцеловал.

- Я согласна, – но мои глаза все еще были полны печали, так как в глубине души хотела ему сказать и увидеть его радость, однако разум запрещал.

Выйдя из лазарета через три дня, все еще не могла поверить в то, что внутри меня теплится новая жизнь, я еще не ощущала его или ее, но каждую ночь стала класть руку себе на живот. Когда Эфин целовал меня, спускаясь все ниже, то сердце замирало от мысли, что ношу его ребенка. Все вдруг перевернулось в одночасье, больше не хотелось думать о предстоящем сражении, о Фароне и его стае, обо всем, что заставляло страдать. Во мне проснулась женщина, желающая сохранить жизнь своего ребенка, во что бы то ни стало и отвести его от беды. Я каждый раз смотрела на Эфина и про себя рассказывала ему о малыше, поэтому зачастую не слышала, о чем он мне говорит. Он же видел мою отрешенность и погруженность в какие-то мысли, видел, как я периодически улыбаюсь сама себе, как что-то тихо шепчу, но не мог понять, отчего я так изменилась.

Минекая тоже заметил странности, происходящие со мной, а я буквально разрывалась изнутри в желании рассказать о себе, поэтому не выдержала и в один из дней подошла к Наставнику, отведя его в сторону:

- Минекая? Я хочу что-то сказать тебе, но это большая тайна, поэтому надеюсь на молчание.

- Разве я когда-нибудь подводил тебя? – он улыбнулся и похлопал себя по груди.

- Конечно, нет.

- Тогда рассказывай. Я уже давно заметил, как ты тихо радуешься, так что не затягивай, расскажи старику о большом секрете!

- Я беременна.

После этих слов Минекая резко подорвался и обнял так крепко, что у меня захрустели кости:

- Так вот в чем все дело! Вот откуда взялся тот недуг! Как же я рад за тебя, – затем Минекая стал серьезнее. – А Эфин знает? Ведь, если знает, то я не вижу у него счастья на лице.

- Нет, не знает. И пока ему не нужно знать. Я боюсь повторить прошлые ошибки, тем более, сейчас неспокойное время и мы не знаем, чего нам ожидать от завтрашнего дня.

- Мне кажется, ты боишься не этого, а того, что он вернется в Тарон к своей номарке.

- И это тоже, – в этот момент мои глаза наполнились грустью и улыбка пропала.

- Одно хочу сказать тебе! Не бойся и не переживай, с тобой всегда буду я. Если меня не убьют однажды в бою, – он снова усмехнулся. – И если Эфин не совсем черствый сухарь, то он будет с тобой и своим ребенком, а если окажется наоборот, то ты все равно останешься победительницей, ведь иметь рядом маленький комок счастья, созданный из твоей плоти и крови, это всегда Победа. Поняла?

- Да.

- Ну, вот и хорошо, а теперь ступай и осторожно обходи все кочки на земле.

Минекая всегда мог меня успокоить, он единственное существо на Скайре, к кому я бежала со всех ног. Если бы подобные ему имели возможность жить вечно, ведь так не хочется отпускать тех, кого любишь всей душой и к кому привязан всем сердцем.

На следующий день к воротам Мазарата прибыл гонец из смешанных, он передал свиток Предводителю и остался ждать ответа. Когда же послание доставили отцу, то в зале собрались все, Правитель зачитал содержимое свитка, в котором говорилось о том, что время вышло, либо отец выдаст Фарону свою дочь, либо Мазарат станет первым на пути номарских войск, который они покорят.

Отец написал отказ от своего обещания, выразив все свое неуважение к новому Правителю Тарона, таким образом, первый шаг был сделан. Как только гонец скрылся из вида, все поняли, что следующая встреча произойдет уже на поле боя, где либо мы одержим победу, либо нас разобьют, превратив в придаток, от которого будет питаться Тарон.

Глава XXIV
Великая битва

Фарон ожидал гонца с минуты на минуту, он не мог найти себе места, так как желал только одного - взять в руки послание и прочесть о том, что Амена в Мазарате и ждет его. Номар рассчитывал на трусость и слабость Нитте, поэтому не задумывался о возможном отказе, когда же за окнами послышался топот аттарина, Фарон встал и сказал сидевшей рядом Талье:

- Иди на улицу, скорее всего это гонец. Забери послание и принеси мне.

- Хорошо, господин. – Талья отвечала чуть слышно, дабы не разгневать и без того обезумевшего Правителя.

Она вышла на порог и встретила номара со свитком в руке,

взяв его, быстро вернулась в зал. Фарон в этот момент проследовал к ней и вырвал письмо, оттолкнув Талью к столу, в его глазах сверкали искры, а тело прохватывал озноб. Таким Фарона еще никто не видел, это было помешательство, от которого теперь страдал каждый житель Тарона, однако сам Фарон так не думал, ведь он мечтал, как приведет в город жену и сделает ее хозяйкой наравне с собой.

Развернув послание, начал жадно вчитываться в каждое слово, но чем ближе был конец, тем яростнее становился его взгляд:

« *Я - Нитте, Правитель Мазарата, расторгаю наше соглашение и не признаю твоей власти! Моя дочь никогда не переступит врат Тарона и никогда не станет тебе женой. Крианцы свободолюбивый народ и мы не потерпим присутствия на нашей земле такого самозванца, как ты, младший сын Танафера!»*

Фарон медленно отложил свиток, подошел к столу, на котором лежал меч, схватил его и приставил к шее сидящей подле номарки:

- Ты принесла мне дурные вести, грязная тварь!

- Господин, прошу, - Талья зарыдала, не зная, куда себя деть. – Я не виновата, вы же понимаете это, – она упала на колени и склонила перед ним голову.

Но он ничего не слышал, Фарон продолжал говорить:

- Это мы еще посмотрим, кто из нас самозванец! Я лично скормлю тебя тумо, проклятый Нитте, ты еще будешь просить меня о пощаде, – затем он отошел от несчастной и принялся ходить из угла в угол. – Амена все равно будет со мной, она в Мазарате, я это чувствую.

Спустя пару часов номар созвал Совет и объявил о начале войны, результатом которой станет покорение Мазарата, а крианцы познают его гнев. Советники боялись возразить, поскольку каждый высказавшийся против, мог немедленно лишиться головы, как это и произошло с Тафиром, а семья Главы Совета была казнена на рассвете.

Войско в составе смешанных и чистокровных находилось в полевом лагере, разбитом на равнинах близ Тарона, тумо же ожидали в лесах и были готовы к тому, чтобы начать Большую охоту.

К утру следующего дня Фарон вышел на своем коне к бесчисленной армии и произнес:

- Сегодня вы узрите мое Величие! Я поведу вас, как когда-то это делал могущественный Танафер, номары снова будут громом и молнией этих земель и Скайра содрогнется от нашей ярости!

Номары рычали и ревели, приветствуя нового Лидера, лишь

смешанные стояли, молча, не желая войны, но идти против Фарона не решались, так как тумо было все равно, кого разорвать на кусочки.

- Первым к нашим ногам падет Мазарат! Я лично украшу свои покои головой Нитте, а крианцы поклонятся вам и будут кормить до скончания своих дней, будут отдавать вам своих дочерей для утех, и будут служить как ничтожные рабы. Вы заслужили этого спустя столько лет лишений и унижений со стороны Эфина! И если я поймаю брата, то одам вам на расправу! Пришло и наше время отомстить!

Армия ликовала в предвкушении крови и насилия, они готовы были на все, лишь бы начать убивать. К полудню огромное войско выступило в направлении Мазарата, за ними по пятам следовали оголодавшие тумо, жаждущие свежего мяса.

Мазарат тем временем также готовился к встрече с врагом, крианцы выстраивались в длинные шеренги и выходили в центр поля, расстелившееся в двадцати километрах от города. Часть женщин и дети остались внутри, спрятавшись в глубоких подвалах казарм, остальные вошли в ряды воинов и выступили с армией.

Эфин знал, что брат выпустит смешанных первыми, затем тумо и в последнюю очередь пойдут чистокровные, поэтому выставил вперед меченосцев, за ними лучников, которые выстроились и по правому, и по левому флангу, после чего снова меченосцев, но уже на лошадях. Он принял решение не брать Амену на бой, заставил остаться в городе. Нитте и Минекая должны были повести армию, а Эфин хотел незаметно добраться до брата и как можно скорее остановить его.

Сражение должно было произойти ранним утром, поэтому эту ночь воины провели под открытым небом в ожидании номаров. Эфин понимал, что без способностей Амены одержать победу практически невозможно, ведь как бы хорошо ни были подготовлены солдаты, номары могли раздавить крианцев одним лишь числом. Он сидел у огня, пытаясь хоть что-то придумать, но не мог, в это время к нему подошел Минекая и устроился рядом:

- Что не весел, номар? Неужели приближающиеся родственнички тебя не радуют?

- Мы не одолеем их, ты же понимаешь это? – Эфин смотрел на пламя и швырял в него камни.

- На все воля Скайры.

- Нет Минекая, чего бы ни желала Скайра, но их в разы больше. Без Амены мы не справимся.

- Тогда выведи ее на поле, – крианец слегка прищурился и посмотрел на него.

- Я не могу, она все время таится, не говорит, что с ней, однако я чувствую, что что-то не так. Она не может воевать.

- А ты не пытался выяснить причины ее секретов?

- Она молчит как рыба, лишь делает загадочные глаза и гордо удаляется прочь. Мне не дано понять эту женщину, – Эфин грустно усмехнулся.

- Просто ты не пытался, – Минекая глубоко вздохнул и улегся на траву.

После этого разговора Эфин встал и, оседлав коня, направился в Мазарат, чтобы увидеться с женой. Амена ждала его, сидя у заброшенного колодца, где они проводили много времени в последние дни. Номар прошел в сад, залитый лиловым светом, и присел на край колодца.

- Ты пришел?

- Да, и хочу поговорить.

- О чем же? – Амена сидела с закрытыми глазами и улыбалась.

- Мне кажется, что ты скрываешь от меня что-то очень важное. После того случая ты стала другой, тебе словно безразлично то, что завтра здесь прольется много крови. Я больше не вижу того стремления к борьбе, к победе.

- В жизни, Эфин, есть нечто поважнее, чем пустое размахивание мечом.

- Пустое?! Завтра мы можем проиграть, и тогда Фарон разрушит ваши жизни, а главное, завладеет тобой. Неужели тебя не волнует это?

- Волнует. Но я же говорю, сейчас есть более важные дела.

- Да ты ума лишилась! – Эфин сердился на ее безразличие и бесконечные улыбки. – Лихорадка явно задела твой разум.

Тогда Амена открыла глаза и посмотрела на него со злостью:

- Так ты пришел, чтобы просить меня воевать?!

- Нет. Мне просто непонятно такое поведение, я привык видеть женщину, у которой глаза загораются от одной только мысли о войне, у которой жажда к борьбе, к свободе. А сейчас ты просто сидишь и витаешь в облаках как, - он замолчал.

- Как кто?! Давай, договаривай, или ты струсил, номар?!

- Как бестолковая самка! Какой толк от твоего дара, если ты не можешь им воспользоваться?! – выпалил он.

- Кажется, я тебя понимаю. – Амена поднялась и вплотную подошла к нему. – Это ты боишься проиграть, боишься того, что Фарон отберет твою власть раз и навсегда! Я лишь средство! – из ее глаз покатились слезы, более Амена не сдержалась. – Убирайся Эфин, ты никогда, слышишь?! Никогда не… - однако, договаривать не стала. – Я выйду на бой! И не ради тебя, не ради

твоей страсти вернуть Тарон, а ради них - крианцев, которые продолжают верить в меня.

- Это не так, Амена! – Эфин тут же попытался загладить вину, он не хотел использовать ее, он лишь хотел знать, в чем ее тайна. – Я лично запретил тебе воевать. И ты никуда не пойдешь.

- Не тебе решать, любезный муж. Это мой город, мой народ, а значит моя святая обязанность, – затем Амена заговорила тише, не замечая Эфина. – Ничего, мы выдержим, мы победим, и все будет хорошо.

Эфин пытался ее остановить, но она не слушала. Гордячка забежала в дом, переоделась и напоследок посмотрела в зеркало, но Амена смотрела не на лицо, а на живот, которого еще не было, но там внутри уже билось маленькое сердце. В ней снова заговорили боль и отчаяние, потому что тот, кого так сильно любила не смог перебороть свою жажду к власти.

Она вышла на улицу, оседлала коня и поскакала в сторону лагеря, Эфин ехал следом за ней и чувствовал, что сделал нечто ужасное в очередной раз. Стоило дочери Нитте появиться на поле, как крианцы поднялись и начали хлопать в ладоши, они радовались возвращению Оракула, единственный, кто был недоволен, так это Минекая, который немедленно подошел к ней:

- Ты в своем уме? Зачем приехала? Тебе надо быть вдали ото всего этого.

- Знаешь, Минекая, ты уже второй за этот вечер, кто беспокоится за мое душевное состояние. Быть здесь - это мой долг! Я должна помочь.

Тогда Предводитель обратился к Эфину:

- Ты ее привел?!

- Боюсь, что в том есть моя вина.

- Проклятый номар! Ей нельзя быть здесь!

- Почему же?! - Эфин встал напротив и смотрел так пронзительно, что Минекая опустил взор. - Может, ты приоткроешь завесу тайны?

- Она больна и рискует своим здоровьем, - теперь уже наставник с укором посмотрел на Амену.

- Довольно обсуждать мое состояние! Я готова сражаться и буду, хотите вы того или нет. Эфин прав, какой толк от моих способностей, если я ими так и не воспользуюсь в самый ответственный момент.

Минекая более ничего не сказал, как промолчал и Эфин. Только Амена понимала, на какой риск идет, она боялась больше всего на свете потерять своего ребенка, но если крианцы проиграют и Мазарат достанется Фарону, то она потеряет абсолютно все и видела Скайра, что ее сердце не хотело войны.

Эта ночь далась крианцам нелегко, многие так и не смогли уснуть, они молились духам, просили их смилостивиться над ними и уберечь от беды.

К утру, когда солнце чуть окрасило горизонт, послышался рев горна. На Мазарат надвигалась смерть во главе с Фароном, они выстраивались в бесчисленные группы, занимая позиции на поле. Многие из новобранцев крианской армии начали переглядываться и пятиться назад, но Предводитель дал знак оставаться на местах. Амена находилась среди меченосцев на лошадях, она должна была находиться в центре войска, чтобы оставаться в недосягаемости для номаров, а Нитте и Минекая расположились по обе стороны от нее, дабы видеть подаваемые ею знаки. Эфин же переоделся в одежды крианцев, скрыв себя под броней, чтобы номары не смогли отличить его от остальных, он стоял на передовой среди пеших меченосцев и одним из первых должен был столкнуться со смешанными.

На огромном поле стояло две армии готовые скрестить мечи в любую минуту, их разделяло всего лишь несколько километров, но каждому казалось, что враг уже перед ним. Время в такие моменты всегда останавливается и в оглушающей тишине можно расслышать биение сердца рядом стоящего солдата. Каждая из сторон замерла в ожидании первого шага противника, но Фарон не стал долго ждать и скомандовал выступать. Смешанные ринулись вперед, тогда и Минекая отдал приказ пешим воинам встретить первую волну. Они бежали навстречу друг другу, крича от злости и безысходности, вскоре крианцы и смешанные слились в единую массу. Номары искусно владели оружием, но крианцы не уступали им, вонзая лезвия в плоть врага. Среди них был и Эфин, который не давал ни единого шанса каждому из нападавших, смешанные гибли от его меча, не успев оглянуться. Единственной целью Эфина было добраться до брата, а для этого он не щадил никого, буквально прорубая себе дорогу вперед. Но до сердца армии номаров было не так-то просто дойти, впереди своей очереди ждали тумо, они постоянно отряхивались и скалились, когда видели все новые и новые тела погибших.

Лязг металла доносился до каждого крианца, лучники уже выстроились в шеренги и приготовились ко второй волне, тумо так же приготовились выступить вперед. И когда битва разгоралась с все большей силой, вперед вышла на своем коне Амена, она поравнялась с отцом и наставником. Минекая крикнул ей, чтобы возвращалась в кольцо, но она не обращала на него никакого внимания. Ее мысли обратились к Скайре, а глаза засверкали особым блеском. Перед ней начали проноситься десятки образов и в каждом из них одерживали верх тумо, они

уничтожали крианцев одного за другим, а Правитель Мазарата и Минекая сражались спина к спине, но их силы были на исходе. Когда же тумо положили большую часть солдат, то им на помощь подоспели чистокровные и в этот момент связь прервалась. Амена обратилась к отцу:

- Я не смогу предупредить каждого, вас слишком много. Тумо раздавят нас.

Тогда Нитте подвел своего коня к дочери и произнес:

- Уходи. Спасись хотя бы ты. Я знал, на что иду и знал, что это последняя битва в моей жизни. Мы обречены, дочка.

- Нет, я не уйду, если и суждено нам проиграть, то только всем вместе.

В этот момент вступился Минекая:

- Прикажи своей дочери уйти с поля боя, она ждет ребенка!

Нитте не ожидал такого, в сию же секунду из его рук выпали вожжи, а глаза наполнились блеском:

- Почему ты не сказала мне?! Почему, Амена?!

- Я не могла.

- Значит, решено, ты немедленно уходишь и как можно дальше!

Но как только Нитте хотел оттеснить коня Амены, послышался очередной призыв к бою, и огромная черная масса ринулась вперед, тумо опустились на передние лапы и помчались с невероятной скоростью. Лучники Минекая начали выпускать стрелы с привязанными к ним лоттами и особым веществом, образующим туман. Лотты взрывались, стоило им только коснуться тела зверя, а туман рассеялся на несколько сотен метров, но тумо было слишком много, поэтому в бой вступило и конное войско крианцев. Внутри этого побоища творилось нечто ужасное, звери набрасывались на лучников, отрывая им головы, меченосцы пытались совладать с ними, но тумо сбрасывали их с лошадей, загрызая на месте.

Амена видела, как ее народ умирает, что отец и Минекая отбиваются от монстров из последних сил, а впереди на оставшихся в живых надвигались отряды чистокровных. Она пришпорила лошадь и помчалась во весь опор в самый центр кровавой резни. Соскочив с коня, Амена скрестила меч с первым из чистокровных. Сражаясь наравне с номарами и уходя от разящих когтей тумо, она думала только о том, чтобы успеть предупредить отца и наставника, однако вокруг все смешалось. Ей удавалось помочь только себе. И когда ее глазам предстала картина, как номар схватил молодую крианку, вонзив меч ей под сердце, то боль неожиданно передалась и Амене, она вдруг увидела всех перед собой, всех оставшихся в живых, они смотрели

на нее, отчего их глаза также приобрели сиреневое свечение. И Великий Оракул выполнила свою истинную миссию! Потомок Кумеро установила связь с каждым из крианцев, разделив с ними будущее. Воины видели все то, что видела она, поэтому начали наносить предупреждающие удары, опережая тумо и номаров. Фарон все это время находился в стороне, но как только увидел то, что оставшиеся пятьдесят воинов лихо расправляются с двух сотенной армией, он немедленно помчался вперед, но его лошадь неожиданно зарычала и повалилась на землю, когда же Фарон поднялся, то напротив него стоял высокий воин в доспехах крианцев, тогда номар узнал брата:

- Эфин! Ну! Здравствуй брат!

- Что ты натворил, Фарон?

- Я лишь следую путем отца, а вот ты уже в услужении Нитте! Какой же позор, брат!

- Нет, Фарон. Я здесь, чтобы остановить тебя и вернуть мир в Тарон.

- Какая жалость, как раз сегодня забыл свой белый флаг дома.

- Учти, я не буду милосерден к тебе. – Эфин ходил вокруг брата.

- Ты, может, и нет, а вот я еще подумаю, убить ли тебя сразу, или дать посмотреть, как Амена падет к моим ногам.

После этих слов они побежали друг на друга, сойдясь в клинче. Нанося удар за ударом, Эфин оттеснял брата к его мертвой лошади, но Фарон недолго был в отступлении. Они дрались как два тумо, готовых разорвать своего соперника на части. И пока братья пытались покончить с каждым из них, воины Мазарата продолжали уничтожать врага, не давая им шанса на побег. Амена соединила всех в одном предвидении, крианцы знали все, что произойдет через секунду, кто на них пойдет и с какой стороны. Из двух ста солдат номаров остались лишь семьдесят, остальные лежали бездыханные на траве, а непобедимые воины ступали по их телам, сражая еще живых. Среди выживших остались смешанные и чистокровные, тумо были повержены, а те, что остались в лесах, не пришли на помощь, скрывшись во мраке джунглей.

Номары не знали, что им делать, смешанные не хотели погибать, а чистокровные ждали приказа Лидера. И пока продолжалась эта битва, Амена увидела Эфина, на этот раз он должен был пасть от рук Фарона, поэтому она прервала свою связь со Скайрой и побежала к братьям.

Эфин пытался сдержать Фарона, но тот оказался проворнее и, вытащив кинжал из сапога, вонзил брату в бедро. Эфин упал на одно колено, продолжая отбиваться от тяжелых ударов мечом, и

как только хотел встать, Фарон ударил его по раненой ноге, свалив на землю. Теперь клинок одного номара касался шеи другого, и нужно было мгновение, чтобы прекратить существование Эфина. Фарон занес руку, чтобы вонзить лезвие, но получил сильный удар в плечо. Его отбросило на метр от лежащего брата. Как только он встал, то увидел Амену, и с ее меча капала алая кровь. Фарон дотронулся до плеча, и его рука сказу же ощутила что-то теплое, что сочилось из колотой раны:

- Вот мы и встретились, любовь моя. – Фарон медленно прошел вперед и остановился в нескольких метрах от нее.

- Не стану говорить многого, просто сдавайся и уходи! – Амена чувствовала, как прежняя боль возвращается к ней, а тело постепенно начинает гореть, но она терпела из последних сил.

Эфин тем временем поднялся и вытащил из ноги кинжал, отбросив его в сторону.

- Все кончено, Фарон, крианцы победили, неужели ты хочешь положить здесь каждого из оставшихся в живых?

- Номары не проигрывают! Они гибнут, когда не могут убить сами!

Тогда Эфин обернулся к солдатам и громким ревом приказал остановиться, смешанные сразу же отошли в сторону, а чистокровные остались в замешательстве, они не знали, что им делать и кого слушать. И истинный наследник Танафера вышел вперед:

- Номары! Я ваш Лидер по крови, и я приказываю вам сложить оружие!

Они еще какое-то время мешкали, но потом отбросили мечи и склонились перед Эфином. На этом война была окончена, единственный кто так не думал, так это Фарон, номар схватил меч и, сбив брата с ног, встал рядом с Аменой, которая уже не могла сопротивляться, ее руки ослабли, перед глазами замелькали огни. У нее начиналась агония, но никто этого не понимал, кроме Минекая. Наставник обнажил свой меч и побежал на Фарона, однако тот одним движением выбил оружие, после чего нанес удар, пронзив Минекая насквозь. Амена видела, как ее названный отец упал на колени и из его рта пошла кровь, она закричала, что было сил, но не смогла сделать и шага, боль настолько сковала тело, что она так же опустилась на землю. Крианка смотрела на умирающего Наставника, который обещал быть с ней всегда и заботиться о ее ребенке, она хотела обнять его, но не могла. Тогда Фарон поднял ее с земли и произнес:

- Если ты хочешь вернуть Тарон, если хочешь вернуть былое уважение чистокровных, то отпустишь нас. Я и Амена уйдем, а ты оставайся и будь Правителем, каким не был наш отец!

- А если я откажусь? – Эфин пытался найти хотя бы малейшую возможность выбить у брата меч.

- Тогда она умрет и не достанется никому из нас. Ты не понимаешь брат, единственное, зачем я пришел в Мазарат, так это вернуть ее. В ней мой смысл жизни. Ты получал всегда и все, я же фактически гнил в твоей тени. Позволь свершиться правосудию, отдай мне то, что я заслужил.

В этот момент Нитте подошел к Эфину и слезно попросил:

- Отпусти их! Не дай ему убить мою дочь!

У Эфина внутри все содрогалось, а сердце обливалось кровью, но он не мог позволить Фарону убить единственную женщину, которую не просто любил, а которую превознес над всем в этой жизни.

- Хорошо. – Эфин отвечал, еле сдерживая дрожь в голосе. – Можете идти. Я отпускаю тебя, но учти, я буду искать вас и как только найду, то ты пожалеешь о том, что появился на этот свет.

- Буду ждать с нетерпением.

Затем Фарон взял лошадь и, усадив почти бесчувственную Амену верхом, сел сам. Они помчались в сторону леса, а Эфин остался стоять и смотреть им вслед. Однако его отвлек Нитте, который сидел около Минекая. Предводитель крианцев все еще дышал, но его время было на исходе, тогда он собрал все оставшиеся силы и, сплюнув кровь, подозвал Эфина, когда же тот опустился над ним, то Минекая схватил его за жилет и подтащил к себе:

- Она беременна, – хрипя, произнес крианец.

- Что?! – и наконец-то слезы показались на глазах могучего номара. – Что ты сказал?

- Амена ждет твоего ребенка, но она слаба… Ей нельзя было воевать… - Минекая начал кашлять и задыхаться. – Найди ее и спаси. Она может умереть, – после чего его взгляд застыл.

Минекая умер на руках у Нитте, а Эфин поднялся и немедленно побежал к лошади. Оседлав ее, поспешил в лес. Сейчас номар решил так, если Амена не дождется его, то он покинет эту землю вслед за ней и пусть Скайра вечно пытает его душу.

Глава XXV
Двойная победа.

Фарон вез меня в неизвестном направлении, я уже ничего не замечала вокруг, постепенно готовилась к встрече со Скайрой. Через неопределенное время пути мы остановились, он спустил меня с лошади и посадил у дерева:

- Амена?! Что ты делаешь?! Сейчас не время для твоих капризов! – Фарон тормошил меня за плечи, пытаясь привести в чувства. – Вставай!

- Я не могу, – смотря ему в глаза, пыталась увидеть хоть каплю сожаления. – Нет смысла везти меня дальше, лучше оставь здесь. Ты все равно добился своего: сломал жизнь брату, убил того, кто для меня был как отец, а сейчас ты убиваешь не только меня, но и дитя.

- Какого еще дитя? О чем ты? – Фарон растерялся и начал что-то искать глазами.

- Того, которое сейчас внутри, – и бледная рука коснулась живота.

Тогда он вскочил и резким движением поднял меня, причинив очередную боль:

- Что?! – Фарон буквально зарычал. – Ты носишь его ребенка?! Эфина?!

- Да.

Более этот монстр не мог себя сдерживать, он тряс меня и что-то кричал, но я уже не слышала его, так как молилась, просила Скайру забрать нас к себе и освободить от этого ужаса. Мой ребенок умирал, тело его отторгало, а я молила Ее отправить маленькую душу вместе со мной. И чем сильнее боль пронзала, тем громче просила Великий Дух забрать нас. А спустя мгновение все вокруг померкло, боль неожиданно исчезла и все стихло. Я уже шла по дороге в никуда, вокруг царила темнота и лишь одинокие звезды сияли над головой, вдруг ощутила под ногами теплую воду, которая небольшими волнами накатывала, оставляя на коже пену. Вскоре темнота рассеялась, и передо мной открылся океан, на берегу которого стояла женщина, она медленно повернулась и улыбнулась. Я еще никогда не видела таких глаз, в них было все, что происходило сейчас на земле, затем она заговорила:

- Здравствуй, Амена.

- Приветствую вас!

- Ты знаешь, кто я?

Тогда я все поняла, это была она - Великая Скайра, которая смилостивилась над нами и забрала к себе:

- Скайра!

- Да, это я.

- Тогда мы мертвы?

- Нет, – она продолжала улыбаться и смотреть в глаза. – Вы еще живы, но у вас мало времени. Увы, я не в силах спасти вас, в моих правах забирать лишь души усопших.

- Почему же я здесь?

- Мне нужно что-то сказать тебе. Садись на песок, пусть океан омывает тебя, – я устроилась на берегу, а Скайра села позади. – Итак, ты Амена - потомок Кумеро. Именно так называют тебя на земле?

- Да.

- Что ж, ты не ее потомок, ты есть сама Кумеро, которая была ниспослана мною на землю для того, чтобы соблюдать баланс между всеми живыми существами, находящимися в борьбе. Но ты уже не та, что была раньше. В те далекие времена Кумеро служила мне верой и правдой, теперь же пора освободить тебя и вознаградить за многовековую службу. Твой дух готов к изменению.

- Но почему я не помню ничего из того, что было ранее? И как я вообще могу ею быть, мои родители крианцы.

- Дитя мое, ты перерождалась из века в век, а прошлое оставалось в прошлом. Я же хочу отпустить тебя и дать возможность закончить свой путь на земле. Ты наконец-то выполнила то, зачем была прислана. Твоей истинной целью являлось не просто видение будущего и победа в сражении, твоей целью было духовное примирение, любовь и обращение ярости в покаяние. Ты изменила одного из моих непутевых детей, так будь с ним. Восстанови мир.

- Что же мне делать?

- Не задавай вопросы, на которые уже знаешь ответы. Возвращайся на землю и продолжай бороться за самое важное в существовании мира - за жизнь. А теперь ступай и помни, я не хочу принимать ваши души раньше времени, так что не опоздай.

- Скажи мне, Скайра. Что будет с Минекая?

- Он обрел покой, встретившись со своей семьей. И знаешь, что он сказал мне, прежде чем уйти?

- Что?

- Просил присматривать за тобой, ведь ты такая непокорная дочь.

У меня снова полились слезы из глаз, стало невероятно тяжело от того, что больше не увижу его:

- Тогда и ты присмотри за ним, чтобы он больше никогда не чувствовал боли и тоски.

- Конечно.

И Скайра уже хотела скрыться в водах океана, но обернулась и произнесла напоследок:

- Ах, да. Чуть не забыла, – она ехидно улыбнулась. – Твой номар не изменял тебе, никогда!

- Но как же…? – Однако Скайра перебила.

- Никогда!

После сказанного Великая Мать скрылась в бескрайних водах, оставив меня одну. А через секунду вокруг поднялась сильная буря, которая сметала все на своем пути, песок смешивался с водой, а камни сталкивались так сильно, что от них отлетали искры, этот вихрь поглотил меня и унес куда-то, где снова было темно. Но темнота закончилась тогда, когда я открыла глаза и увидела перед собой Фарона, который был настолько напуган, что буквально застыл на месте:

- Да, кто ты такая?! Твои глаза, я видел в них все.

Ко мне же вернулась боль, и я по-прежнему умирала.

- Фарон, чего ты добиваешься?

- Я не отпущу тебя и не отдам своему брату, так что либо ты идешь со мной, либо умрешь здесь и сейчас, как умрет и этот ублюдок внутри тебя.

И только он хотел поднять меня на лошадь, как из чащи выскочил аттарин с Эфином в седле. Он спрыгнул с коня, повалив брата на землю, Фарон не ожидал такого и не успел достать меч, поэтому, лежа в грязи, вытерпливал все наносимые ему удары. Эфин настолько яростно бил брата, что тот даже перестал сопротивляться. При этом Эфин кричал:

- Я мирился с твоей ложью, мирился со всеми кознями, которые ты строил за моей спиной, даже готов был отступиться, лишь бы она жила, но отдать тебе своего ребенка! Я лучше собственноручно вгоню тебя по самое темя в эту землю!

Лицо Фарона уже полностью заплыло, из носа и рта хлестала кровь, и вот-вот Эфин бы убил его, но я не могла позволить ему этого сделать:

- Эфин! Остановись! Он не стоит того.

Тогда он отошел от Фарона и сразу же подбежал ко мне:

- Почему?! Почему ты не сказала, что ждешь моего ребенка?! – Эфин положил дрожащую руку мне на живот, после чего прижал к себе.

- Я же глупая самка, – улыбка все же проскользнула сквозь дикую боль. – Прости.

- Что нам теперь делать?

- Не знаю Эфин, я уже не знаю. Я хочу, чтобы он жил, но не могу ему помочь. – По щекам скатывались горькие слезы, так как почувствовала, что по ногам пошла кровь. – Слишком поздно.

Эфин посмотрел вниз и, дотронувшись до ног, увидел кровь на пальцах.

- Нет. Только не так!

Он закрыл глаза и сидел, молча, затем резко подскочил и, взяв меня на руки, взобрался на коня, Эфин обнимал и целовал в голову, повторяя лишь одно:

- Мы поедем к лутэмам, я знаю, как быстро до них добраться. Они помогут, они обязательно помогут.

- Эфин, уже поздно, ты не успеешь добраться до них, мы умрем гораздо раньше.

- Не умрете, я уже несколько раз спасал тебя, спасу и сейчас.

Мы помчались так быстро, как только позволяли силы аттарина. Эфин действительно знал близкий путь до Команура, но время слишком быстро заканчивалось. Я слабла с каждой минутой все больше и больше, а еще через час пути руки окончательно перестали слушаться и сползли по его груди, мне было так жаль, что не сумела спасти своего ребенка и теперь должна была навечно уйти в свой давно забытый мир, мир, где живут лишь души усопших. Затем все исчезло.

Неизвестно сколько времени занимал путь до мира душ, но, проснувшись, увидела сплошное лиловое сияние. Вот и все! Так печально завершилась моя миссия, а ведь я так и не успела почувствовать истинный вкус жизни на земле. Но неожиданно для себя ощутила чьи-то прикосновения, хотя вокруг никого не было, а затем услышала и голос:

- Проснулась? Заставила же ты нас поволноваться.

Этот голос казался таким знакомым:

- Кто вы? И где?

- Прямо перед тобой, просто сейчас ночь и ты меня не видишь.

- Я умерла?

- Что еще за глупости, что за глупости? К счастью ни ты, ни твое дитя не умерли.

- Что? – мне казалось, это злые шутки, я захотела сесть, но кто-то уложил меня обратно.

- Куда это ты собралась? Тебе нельзя вставать, а то кровотечение может снова открыться.

Тогда-то начала понимать, что я не мертва и нахожусь не на том свете, а где-то на земле.

- Как долго я здесь?

- Без малого неделю. Твой муж привез тебя к нам в Команур бездыханную и всю в крови. Нам пришлось очень постараться, чтобы спасти вас.

И в этот момент я засмеялась, Эфин успел, он привез меня к лутэмам!

- Где он?! Где Эфин?

- Этот номар? – и из ниоткуда послышался пронзительный смех. – Он здесь, сейчас мы его позовем, только не вставай.

- Хорошо.

Через минуту из-за лилового занавеса показался он, мой

любимый номар. Эфин встал на колени у кровати и как раньше коснулся своим лбом моего:

- Я же говорил тебе, что успею.

- Да, говорил, – я отвечала шепотом.

- Прости меня за все, и возможно, сейчас снова поведу себя как захватчик, но ты теперь будешь только со мной. Иначе нет смысла жить.

- Эфин, - мои руки гладили его шею, - я люблю тебя. И моя любовь возникла в тот самый день, когда ты впервые снял свой шлем, и она будет жить вечно. И еще, захватывай меня, сколько хочешь, я не против. К тому же, ты не изменял мне, – я слегка усмехнулась.

- Правда?! И откуда ты это знаешь? – он также засмеялся.

- От одной верной подруги, которая открыла тайну моего происхождения. Но это уже неважно, теперь я здесь с тобой и буду только с тобой.

Я пробыла у лутэмов еще два месяца. Они заботились о нас, малыш уже начал шевелиться и когда Эфин касался живота, то из могучего номара превращался в пушистого сэппи, который ластился и тихо что-то урчал.

Затем пришло время покинуть Команур, в тот день все лутэмы аплодировали нам, а заботливая пожилая лутэмка, имя которой я так и не узнала, передала целый мешок трав, их я должна была принимать в строго указанное время.

На пути в Тарон мы заехали в Мазарат, где я встретилась с семьей и возложила цветы на могилу Минекая. Стоя у земляного холма, где был сокрыт прах моего наставника, просила Скайру о вечном покое для него. Он навсегда останется в памяти и сердце, ведь только этот седой крианец сделал меня такой, какая я есть и отдал за меня жизнь. Отныне его дух познал величие и обрел семью в мире Скайры. Эфин стоял рядом, ведь он уважал его, несмотря на многолетнюю вражду.

Напоследок мы собрались в зале отца, где он и Эфин подписали договор о мире, скрепив его печатями предков. Теперь наш путь лежал в Тарон, где царил хаос, и номары были покинуты своим лидером. После бесчинств Фарона, Эфину надо было многое пересмотреть, изменить свое отношение к своим подданным и стать настоящим Правителем, который душой и сердцем радеет за свой народ.

Когда добрались до Тарона, то смешанные встретили Эфина с надеждой в глазах, они уже перестали надеяться на то, что страданиям когда-то придет конец, ведь Фарон ненавидел их и желал только безмолвного повиновения. К слову сказать, он вернулся в деревню чистокровных, ожидая вердикта брата и как

только Эфин зашел домой, то сразу же приказал привести Фарона, а к вечеру брат уже стоял на пороге. Он спокойно прошел в зал и смотрел вперед себя, избегая взгляда Эфина:

- Ты велишь казнить меня? – усмехнувшись, произнес Фарон. – Что ж, я не в обиде. Можешь убить меня, а чистокровных сделать своими рабами, видимо, такова наша судьба.

В этот момент в зал вошла я и поравнялась с мужем, Фарон мгновенно поднял глаза и посмотрел на меня с разочарованием:

- Я жалею только об одном, что не забрал тогда тебя из деревни.

- Пусть прошлое остается в прошлом, Фарон. Я не держу на тебя зла, хоть ты и заслуживаешь всеобщего порицания. Нельзя всю жизнь идти только лишь против течения, когда-нибудь оно все же собьет тебя с ног.

- Прости Амена, но я не нуждаюсь в твоем прощении или твоих наставлениях, теперь можешь воспитывать брата и его детеныша. Пусть я не такой как он и никогда не был бы таким, но я искренне любил тебя. Не за твои способности, а просто, потому что это была ты - крианка с мечом в руке, гуляющая по трапеции.

Тогда в разговор вступил Эфин:

- Как ты думаешь, брат, что мне с тобой сделать?

- Брось эти игры, Эфин, делай что хочешь, мне уже все равно.

- Ну, раз тебе все равно, то я приму единственно правильное решение. – Фарон посмотрел на него, ожидая смертного приговора. – Я отпускаю тебя, брат! Можешь забрать чистокровных и уходить, единственное, ты должен уйти так далеко, чтобы я забыл о твоем существовании.

- Отпускаешь? – он не ожидал такого.

- Да. Ты падальщик Фарон, как и вся твоя свора. Вам суждено бродить по Скайре в поисках гнили, так пусть сбудется твое истинное предназначение.

Сегодня произошло главное событие среди номаров, Эфин отверг чистокровных, и дал им нового лидера в лице своего брата, отныне род Великих и беспощадных воинов разделился, более у номаров не было дома, и они могли вернуться к кочевому образу жизни, к которому привыкли за сотни веков. Фарон взял свой меч и покинул Тарон, теперь его ждала неизвестность и те самые кровавые приключения, которых он так желал.

И больше не нужно было бояться тумо, так как оставшиеся ушли за чистокровными, а смешанные вернулись к прежней спокойной жизни. Они учились вести хозяйство, учились жить в мире и благоденствии.

С тех пор прошло пять месяцев. Жизнь шла своим чередом, мой живот очень вырос, и я уже передвигалась с трудом. По

вечерам мы сидели с Эфином у камина и долго спорили, как назовем наследника или наследницу Тарона. Если родится сын, я хотела назвать его в честь Наставника, если же будет дочь, то Эфемина. Эфин был не против, но он очень любил спорить, разжигая во мне задор.

К утру следующего дня почувствовала себя неважно, поэтому осталась в постели, мой же номар отправился осматривать свои угодья, а именно порт, куда в скором времени должны были прибыть корабли из Гарды. И все бы ничего, но мое дурное самочувствие не давало покоя, живот постепенно начинал ныть, сердце билось так, будто сейчас выскочит и все это усиливалось с каждым часом. Затем все стихло, казалось, что ничего и не было. Я решила подняться и немного поесть, что в последнее время делала с регулярной частотой, когда же дошла до стола, то услышала, как на пол льется вода, но осмотревшись, ничего не увидела. В этот момент в дом зашел Эфин и встал напротив с недоумевающим взглядом:

- Амена? Почему ты стоишь в воде?

- Что? – пришлось очень постараться, чтобы посмотреть себе под ноги, - Откуда здесь она?

А спустя еще пару минут снова услышала звук падающей воды, на этот раз увидела, как она вытекает из-под длинного платья:

- Кажется, это принадлежит мне, – я смотрела на него круглыми глазами и не знала, что делать дальше. - Эфин? Я рожаю!

Он несколько раз дернулся и так медленно подошел ко мне, говоря очень тихо:

- Ты только не шевелись, а то вдруг выпадет.

- Эфин?! – закатив глаза, дала ему небольшой подзатыльник. - Если бы это было так просто, то я давно бы уже бегала по полю, а не передвигалась как толстая мавара последние два месяца! В Тароне есть лекарь?

Но Эфин ничего не ответил, он лишь проводил меня до постели, а сам вышел на улицу. Не прошло и десяти минут, как в покои ворвалась пожилая номарка, она сняла с меня одеяло и начала трогать живот:

- Странно, очень странно, - номарка пыталась понять, как лежит ребенок.

- В чем дело?

- Не переживай, Амена, все нормально. Надо приготовиться, день и ночь будут длинными.

Она готовила чистые простыни, нагревала воду и периодически отгоняла Эфина, который без конца порывался

зайти за ширму. Но когда он окончательно надоел ей, номарка вытолкала его и, оскалившись, злобно прошипела:

- Если не уйдешь по-хорошему, то сам будешь принимать роды. Не дело мужчине встревать в сие таинство. Ступай себе на улицу и займись чем-нибудь полезным.

Наконец-то он ушел, а я уже начала понимать, почему этот день будет длинным, живот сильно прихватывало, с каждым часом боль усиливалась, номарка Кифма лишь проверяла мое состояние, затем удалялась. Спустя пять часов изматывающей боли, я начала проклинать всех и все вокруг, хотелось собственноручно задушить Эфина, ведь это из-за него лежу здесь и корчусь от этого кошмара. Но то было начало, к ночи сил во мне совсем не осталось, пусть я и не кричала, но тот платок, который был в руках, порвала на множество ленточек.

Когда же меня начали мучить давящие боли в пояснице, Кифма зашла и больше от меня не отходила:

- Приготовься, сейчас будем появляться на свет, – она смотрела куда-то под простыню и улыбалась. – Вот и головка!

Мне было велено тужиться, что и делала, а через десять минут непрерывной работы, Кифма вытащила того, кто так долго прятался в животе. Маленький, теплый комочек, который сразу же запищал. Номарка быстро перевязала ему пуповину и оставила лежать, прикрыв теплым одеялом, после чего сосредоточенно посмотрела на меня и сказала:

- Один воин есть, теперь пора и второму выходить.

- Второму?! – я даже вскрикнула. - Но как?!

- У тебя двойня, красавица! Меньше задавай вопросов, больше работай.

Не прошло и пяти минут, как Кифма вытащила второго:

- А это уже невеста, – номарка пробурчала с улыбкой на лице.

Она подняла ее и слегка потрясла, после чего малышка закричала. Кифма закончила все дела со мной и принялась за маленьких «дымчатых котят». Повитуха вытерла их, проверила все ли в порядке, а после запеленала обоих и положила рядом:

- Поздравляю тебя! Ты подарила Тарону двух необыкновенных детей, а сейчас отдыхай и не бери их на руки.

- Но, почему?

- По нашей традиции первым после меня, их должен взять отец.

И она ушла за Эфином, я же лежала и не могла поверить в то, что стала матерью. Рядом кряхтели два кулечка счастья, их кожа была цвета утреннего тумана с яркими полосками. Когда же они открывали глазки, то на меня смотрели голубые небеса Скайры. Пока я любовалась ими, из-за ширмы вышел Эфин, он неуверенно

улыбался, и его глаза были полны смятения, но Кифма быстро взяла малышей и поднесла к нему:

- Вот, Великий Правитель Тарона! Ты стал отцом!

- Двое? – Эфин совсем растерялся.

- Сын и дочь, а теперь возьми их.

Она передала их в руки отцу, а Эфин не смог сдержаться и по его щекам скатились несколько слез. Он подошел ко мне, сел рядом, после чего поцеловал:

- Спасибо. Я не думал, что Скайра когда-нибудь подарит мне семью. Я люблю тебя Амена, люблю всех вас.

- А мы любим тебя. Теперь дай им имена. Ты же знаешь, как их назвать? – я рассмеялась.

- Да, знаю. Тебя сложно переспорить, крианка, – затем он посмотрел на каждого из них и произнес. – Минекая и Эфемина.

* * *

Так, некогда жестокий и хладнокровный убийца стал самым любящим мужем и отцом на всей Скайре. Номар Эфин и его жена - крианка Амена справедливо правили Тароном и воспитывали в своих детях только добро и милосердие. Минекая был похож на мать, а Эфемина на отца, они обладали необычайной внешностью и невероятным умом, их любовь к родителям не знала границ, потому что и сами были любимы.

Амена и Эфин всегда были вместе, рука об руку шли по жизни, ведя за собой свой народ.